Покровский

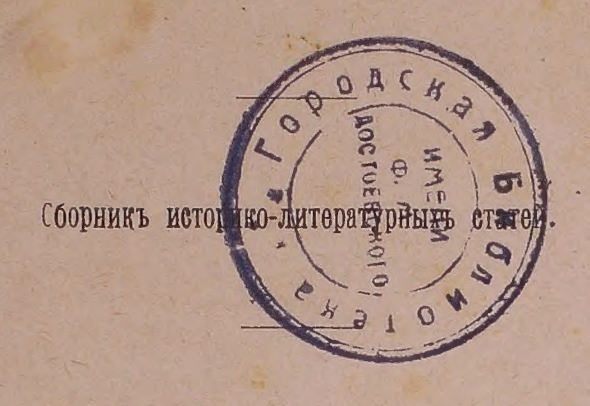
Ф. М. Достоевский

Его жизнь и сочинения

1908

Өедоръ Михайловичъ
ДОСТОЕВСКІЙ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Часть I.

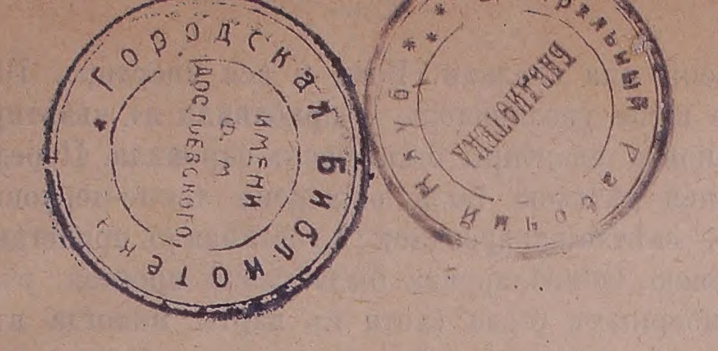
МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
Телефонъ 120—95.
1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дѣтство и учебные годы Достоевскаго.

Днемъ рожденія Ѳедора Михайловича было 30-е октября 1821 г. Едва ли не самымъ раннимъ воспоминаніемъ Ѳ. М. было, какъ однажды няня привела его, лѣтъ около трехъ, при гостяхъ въ гостиную, заставила стать на колѣни передъ образами и, какъ это всегда бывало на сонъ грядущій, прочесть молитву: „Все упованіе, Господи, на Тебя возлагаю. Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ Своимъ". Гостямъ это очень понравилось, и они говорили, лаская его: „Ахъ, какой умный мальчикъ!" Воспоминаніе это врѣзалось въ его память, молитву же ту онъ твердилъ всю жизнь и ею же напутствовалъ ко сну своихъ собственныхъ дѣтей. Ѳедоръ Михайловичъ вспоминалъ также, что держали ихъ строго и рано начинали учить. Его уже четырехлѣтнимъ сажали за книжку и твердили: „учись!", а на воздухѣ было такъ тепло, хорошо, такъ и манило въ большой и тѣнистый больничный садъ! Зато когда отецъ уѣзжалъ на практику, мать отпускала дѣтокъ на волю.

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ Андрея Михайловича Достоевскаго, брата Ѳедора Михайловича:

„Отецъ нашъ, штабъ-лѣкарь Михаилъ Андреевичъ Достоевскій, по окончаніи курса медицины въ существовавшей тогда Московской медицинской академіи въ 1812 г., былъ зачисленъ медикомъ въ военную службу, а по окончаніи войны служилъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ. Въ концѣ 1820 г. отецъ перешелъ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское и поступилъ врачомъ, съ званіемъ штабъ-лѣкаря, въ московскую Маріинскую больницу, гдѣ и родился братъ Ѳедоръ Михайловичъ и всѣ остальныя дѣти, кромѣ послѣдней младшей сестры нашей".

„Квартира, занимаемая отцомъ, была въ нижнемъ этажѣ. Отецъ нашъ, уже семейный человѣкъ, имѣвшій въ то время 4—5 человѣкъ дѣтей, пользуясь штабъ-офицерскимъ чиномъ, занималъ квартиру, состоящую собственно изъ двухъ комнатъ, кромѣ передней и кухни. При входѣ, какъ обыкновенно, была передняя въ одно окно, отъ которой задняя часть отдѣлялась досчатой столярной перегородкой; образовавшаяся отъ сего полутемная комнатка служила дѣтскою для двухъ старшихъ братьевъ (т.-е. для Михаила и Ѳедора Михайловичей). Далѣе залъ, — довольно помѣстительная комната о 2-хъ окнахъ на улицу и 3-хъ на чистый дворъ. Потомъ — гостиная въ два окна на улицу, отъ которой таковою же перегородкою было отдѣлено полу-

свѣтлое помѣщеніе для спальни. Вотъ и вся квартира. Впослѣдствіи, когда семейство наше увеличилось, — прибавили къ квартирѣ еще одну комнату. Обстановка квартиры была очень скромная. Передняя съ прилегающею къ ней дѣтскою была окрашена темно-перловою клеевою краскою; залъ — свѣтло-канареечною; а гостиная съ прилегающею спальнею — кобальтовою. Обмеблировка была самая простая: въ залѣ помѣщались два ломберныхъ стола (хотя въ карты никогда въ семействѣ нашемъ не играли), которые служили старшимъ братьямъ для занятій; обѣденный столъ и дюжина березовыхъ стульевъ съ мягкими сидѣньями, обитыми зеленымъ сафьяномъ (конечно, не на пружинахъ). Эта зала была нашею семейною комнатою, гдѣ и учились и играли, обѣдали и пили чай. Гостиная же была нашею комнатою отдохновенія. Когда мы, дѣти, оканчивали свои уроки, то приходили въ гостиную, и тамъ усаживались вмѣстѣ съ родителями“. (По воспоминаніямъ другихъ родственниковъ, это было за круглымъ столомъ, при чёмъ мать работала, а дѣти читали вслухъ.) Самъ Ѳ. М. вспоминалъ, что когда начиналось шитье или кройка, то ихъ, дѣтей, отгоняли, вслѣдствіе чего кройка и впослѣдствіи производила на него всегда непріятное дѣйствіе.

„Съ самаго моего младенчества“, продолжаетъ Андрей Михайловичъ, „какъ я начинаю вспоминать нашу дѣтскую жизнь, мнѣ рисуются слѣдующіе члены семейства: отецъ, мать, старшій братъ Михаилъ, братъ Ѳедоръ, сестра Варвара и я. Мною кончается, такъ сказать, первая, старшая серія насъ, дѣтей. Хотя за мною и слѣдовали еще сестра Вѣра, братъ Николай и сестра Александра, но они были еще такъ малы, что не могли принимать участія ни въ нашихъ занятіяхъ ни въ нашихъ играхъ, и жили какъ бы отдѣльною отъ насъ дѣтскою жизнію. Мы же четверо постоянно почти были вмѣстѣ, и наши интересы, наши занятія и игры имѣли много общаго“. (По словамъ самого Ѳ. М., онъ очень любилъ въ дѣтствѣ „сестру Варю“, впослѣдствіи вышедшую замужъ за Карепина.) „Упоминаю это для того, чтобы показать, что вся дѣтская жизнь двухъ старшихъ братьевъ, въ сказанный періодъ времени, была на моихъ глазахъ. Всѣ ихъ занятія, всѣ ихъ разговоры происходили при мнѣ. Они не стѣснялись моимъ присутствіемъ, и развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ отгоняли меня прочь, называя своимъ хвостикомъ. Старшіе братья были погодки, росли вмѣстѣ и были очень дружны; дружба эта сохранилась до конца жизни старшаго брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различныхъ характеровъ. Братъ Михаилъ былъ и въ дѣтствѣ менѣе рѣзвъ, менѣе энергиченъ, менѣе горячъ въ разговорахъ, нежели братъ Ѳедоръ, который былъ во всѣхъ проявленіяхъ своихъ *настоящій огонь*, какъ выражались наши родители.

„Говоря о нашемъ семействѣ, я не могу не упомянуть о личности, которая входила въ него всею своею жизнію, всѣми своими интересами. Это была няня Олёна Фроловна. Упоминаю объ ней не съ цѣлію показать, чтобы Аленѣ Фроловнѣ, какъ нянѣ Пушкина, можно было приписать какое-либо вліяніе на дѣтское развитіе брата Ѳедора. Это

была личность добрая, любившая насъ, — но и только. Она была московская мѣщанка и не безъ важности величала себя *гражданкою*. Но, упомянувъ о ней, какъ объ одной изъ прислугъ нашихъ, я не могу не замѣтить, какъ дорого было даже впослѣдствіи воспоминаніе о нихъ у брата Ѳ. М. Въ многочисленныхъ произведеніяхъ его разбросано много именъ, которыми называлась наша прежняя прислуга. Такъ, няня у Лизы Тушиной (въ романѣ „Бѣсы") названа Олёной Фроловной, гдѣ выводился на сцену староста, — то назывался Савиномъ Макаровымъ, приказчикъ назывался Григорьемъ Васильевымъ и т. д. — все это имена бывшихъ нашихъ городскихъ и деревенскихъ слугъ".

По увѣренію Андрея Михайловича, Олёна Фроловна не умѣла разсказывать сказки. Это не совсѣмъ сходится съ воспоминаніями другихъ родственниковъ и самого Ѳедора Михайловича. Вѣроятно, Олёна Фроловна разсказывала сказки не такъ хорошо, какъ, напримѣръ, кормилицы. „Изъ всѣхъ дѣтей своихъ", продолжаетъ Андрей Михайловичъ, „матушка кормила сама только одного старшаго брата Михаила (котораго, по словамъ Ѳ. М., особенно любила), всѣхъ же прочихъ дѣтей кормили наемныя кормилицы. Вотъ эти-то бывшія кормилицы ежегодно (преимущественно зимою) приходили къ намъ въ гости, раза по два. Приходъ ихъ для насъ, дѣтей, былъ настоящимъ праздникомъ. Онѣ приходили изъ ближайшихъ деревень всегда на довольно долгое время, гостя у насъ дня по два, по три. Какъ теперь рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ слѣдующая картина: однимъ зимнимъ утромъ является къ матушкѣ въ гостиную няня Олёна Фроловна и докладываетъ: „Кормилица Лукерья пришла". Мы, мальчики, вбѣгаемъ изъ залы въ гостиную и чуть не бьемъ въ ладоши отъ радости. „Зови ее", говоритъ матушка. И вотъ является лапотница Лукерья. Первымъ дѣломъ помолится и поздоровается съ матерью, потомъ перецѣлуетъ всѣхъ насъ, потомъ обдѣлитъ насъ всѣхъ деревенскими гостинцами, въ видѣ лепешекъ, испеченныхъ на пахтаньѣ; но вслѣдъ за тѣмъ удаляется опять въ кухню, — дѣтямъ некогда, они должны утромъ заниматься. Но вотъ наступаютъ сумерки, матушка занимается въ гостиной, отецъ также занятъ впискою рецептовъ въ скорбные листы (по больницѣ), которые ежедневно приносились ему массами, а мы, дѣти, ожидаемъ уже въ темной неосвѣщенной залѣ прихода кормилицы. Она является, усаживаемся всѣ въ темнотѣ на стульяхъ, и тутъ-то начинается разсказываніе сказокъ. Это удовольствіе продолжалось часа по три, по четыре; разсказы передавались почти шопотомъ, чтобы не мѣшать родителямъ; тишина такая, что слышенъ скрипъ отцовскаго пера. И какихъ только сказокъ мы ни слыхивали, и названій теперь всѣхъ не припомню; разсказывалось и про Жаръ-Птицу, и про Алешу Поповича, и про Синюю Бороду и много другихъ. Помню только, что нѣкоторыя сказки казались для насъ очень страшными[1]). Къ разсказчицамъ этимъ

---

[1]) Такъ какъ онѣ разсказывались въ темной комнатѣ, этимъ, можетъ-быть, и объясняется то, что Ѳ. М. въ дѣтствѣ боялся темноты (какъ самъ разсказывалъ). *Прим. О. М.*

мы относились и критически, замѣчая, напримѣръ, что Варина кормилица хотя и больше знаетъ сказокъ, но разсказываетъ ихъ хуже, чѣмъ Андрюшина, или что̀-то подобное". По воспоминаніямъ другихъ родственниковъ Ѳ. М., сказки разсказывала имъ еще — уже не народныя, а изъ „Тысячи и одной ночи" — какая-то часто гостившая у нихъ старушка Александра Николаевна. Сказка такъ и лилась у нея за сказкой, и дѣти не отходили отъ нея. Вѣроятно это было еще до той поры, о которой можетъ помнить Андрей Михайловичъ.

„День проходилъ въ нашемъ семействѣ", продолжаетъ онъ, „по разъ заведенному порядку,—одинъ какъ другой. Вставали утромъ рано, часовъ въ 6. Въ восьмомъ часу отецъ выходилъ уже въ больницу или въ „палату", какъ у насъ говорилось. Въ 9 часовъ утра отецъ, возвратившись изъ больницы, ѣхалъ сейчасъ же въ объѣздъ своихъ городскихъ паціентовъ или, какъ у насъ говорилось, „на практику". Въ его отсутствіе мы, дѣти, занимались уроками. Возвращался отецъ постоянно почти въ 12 часовъ, и сейчасъ же обѣдали. Въ 4 часа дня пили вечерній чай, послѣ котораго отецъ вторично шелъ въ палату къ больнымъ. Вечера проводились въ гостиной, и ежели отецъ не былъ занятъ „скорбными листами", то читали вслухъ. Въ праздничные дни, въ особенности въ святки, въ той же гостиной иногда играли, при участіи родителей, въ карты — въ короли, при чёмъ братъ Ѳедоръ, по юркости своего характера, всегда уловчался сдѣлать какой-нибудь обманъ, въ чемъ и бывалъ не разъ уличаемъ. Въ девятомъ часу вечера, аккуратно, накрывался ужинный столъ и, поужинавъ, мы, мальчики, становились передъ образомъ; прочитавъ молитвы и простившись съ родителями, отходили ко сну.

„Посторонніе, или такъ называемые гости, у насъ появлялись очень рѣдко, въ особенности по вечерамъ. Все знакомство родителей ограничивалось большею частію утренними визитами. Когда же, изрѣдка, случалось, что родители выѣдутъ вечеромъ въ гости, то игры наши дѣлались болѣе шумными и разнообразными. Впрочемъ, отсутствіе родителей никогда не было продолжительнымъ; въ 9—10 часовъ вечера они непремѣнно возвращались.

„Дни семейныхъ праздниковъ, въ особенности день именинъ отца, — 8-го ноября, всегда былъ для насъ очень знаменательнымъ. Начать съ того, что старшіе братья обязательно должны были приготовить утреннее привѣтствіе имениннику. Привѣтствія эти были всегда на французскомъ языкѣ, тщательно переписанныя, на почтовой бумагѣ, и, свернутыя въ трубочку, подавались отцу и говорились наизусть. Помню даже, что одинъ разъ было сказано что̀-то изъ Генріады (Богъ вѣсть ради чего). Отецъ умилялся и горячо цѣловалъ привѣтствующихъ. Въ этотъ день всегда было много гостей, въ особенности на обѣдѣ. Впослѣдствіи же, когда мы, дѣти, подросли, то раза два устраивался и вечерній пріемъ гостей на танцы; но, сколько помню, ни одинъ изъ насъ, мальчиковъ, не танцовалъ охотно, а былъ выдвигаемъ къ танцамъ какъ на какую-то необходимую и тяжелую работу.

„Въ лѣтнюю пору въ домашнемъ препровожденіи времени появлялось нѣкоторое разнообразіе, а именно совершались семейныя вечернія прогулки. Домъ московской Маріинской больницы находился на Божедомкѣ, между зданіями двухъ женскихъ институтовъ — Екатерининскаго и Александровскаго, и вблизи Марьиной рощи. Эта роща была всегдашнею цѣлью нашихъ лѣтнихъ прогулокъ. Часовъ въ 7 вечера, мы всѣ, дѣти съ родителями и по большей части съ другими обитателями Маріинской больницы, отправлялись на эту прогулку. Проходя мимо часового, стоявшаго при ружьѣ и въ полной солдатской формѣ у воротъ Александровскаго института, принято было за непремѣнную обязанность давать этому часовому копейку или грошъ; но подача эта дѣлалась не въ руку, а просто бросалась подъ ноги. Прогулки происходили весьма чинно, и дѣти даже за городомъ, въ Марьиной рощѣ, не позволяли себѣ порѣзвиться, побѣгать. Въ прогулкахъ этихъ отецъ всегда разговаривалъ съ дѣтьми о предметахъ, могущихъ развить ихъ. Такъ, помню неоднократныя наглядныя толкованія его о геометрическихъ началахъ, объ острыхъ, тупыхъ и прямыхъ углахъ, кривыхъ и ломаныхъ линіяхъ, каковыя въ московскихъ кварталахъ встрѣчаются почти на каждомъ шагу.

„Къ числу лѣтнихъ разнообразныхъ дѣлъ нужно отнести также ежегодныя посѣщенія Троицкой лавры. Но это было въ самое раннее наше дѣтство, такъ какъ, съ покупкой родителями въ 1831 г. своего имѣнія, поѣздки къ Троицѣ прекратились. Я помню одно только такое путешествіе къ Троицѣ, въ которомъ участвовалъ и я. Ѣздили „на долгихъ", останавливаясь по цѣлымъ часамъ почти на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь останавливаются на 2—3 минуты. У Троицы проводили дня два, посѣщали всѣ церковныя службы и, накупивъ игрушекъ, тѣмъ же порядкомъ возвращались домой, употребивъ на все путешествіе дней 5—6. Отецъ, по служебнымъ обязанностямъ, въ этихъ путешествіяхъ не участвовалъ, а мы ѣздили только съ матушкой и съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ.

„Въ театрахъ родители наши почти никогда не бывали, и я помню всего одинъ или два раза, когда на большіе праздники бралась ложа, и мы всѣ, дѣти, ѣздили вмѣстѣ съ родителями въ театръ. Но при этомъ пьесы выбирались съ большимъ разборомъ. Помню, что одинъ разъ мы видѣли „Жако или Бразильскую обезьяну". Не совсѣмъ припоминаю сюжетъ этой пьесы, но въ памяти моей сохранилось только то, что артистъ, игравшій обезьяну, былъ замѣчательный эквилибристъ; братъ Өедоръ долгое время бредилъ имъ и пытался подражать ему. Это было еще въ самыхъ раннихъ годахъ его дѣтства". Самъ Ѳ. М. разсказывалъ Аннѣ Григорьевнѣ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на него, десятилѣтняго, представленіе совершенно другого рода — „Разбойниковъ" Шиллера, съ Мочаловымъ въ главной роли.

„Ежели мы рѣдко бывали въ театрахъ", продолжаетъ Андрей Михайловичъ, „то зато въ балаганахъ московскихъ на праздники и на масленицу мы бывали постоянно. У насъ былъ дѣдушка (родной дядя

матери) Василій Михайловичъ Котельницкій. Онъ былъ профессоромъ Московскаго университета по одной изъ каѳедръ медицинскаго факультета; былъ бездѣтенъ и имѣлъ свой собственный деревянный домъ „*подъ Новинскимъ*". Этотъ-то дѣдушка, очень уважаемый родителями и очень любившій насъ, дѣтей, кажется, поставилъ родителямъ въ обязательство, чтобы во время праздниковъ и масленицы мы всѣ приходили къ нему на цѣлый день. Такъ какъ всѣ балаганы были почти около его дома, то дѣдъ и водилъ насъ въ эти балаганы по своему выбору. Родители наши уже не сопутствовали намъ въ этихъ прогулкахъ, вполнѣ довѣряя насъ дѣду.

„Родители наши были люди весьма религіозные, въ особенности матушка. Всякое воскресенье и большой праздникъ мы обязательно ходили въ церковь къ обѣднѣ, а наканунѣ ко всенощной. Исполнять это было удобно, такъ какъ у насъ была очень большая и хорошая церковь.

„При больницѣ находился большой и красивый садъ, съ многочисленными липовыми аллеями и содержащимися въ большой чистотѣ дорожками. Этотъ-то садъ и былъ почти нашимъ жилищемъ въ лѣтнее время. Тамъ мы чинно прогуливались съ нянею или, усѣвшись на скамейкахъ, проводили цѣлые часы. Тамъ же происходили и наши дѣтскія игры. Играть, впрочемъ, позволялось только въ лошадки; игры же въ мячъ, и въ особенности при помощи палокъ, какъ-то въ лапту и проч., строго воспрещались, какъ игры опасныя и неприличныя. Въ больницѣ кромѣ насъ было много жильцовъ, докторовъ и прочихъ служащихъ; но, сколько запомню, въ семействахъ этихъ не было дѣтей намъ сверстниковъ, дѣти были или старше насъ, или совсѣмъ маленькія, а потому мы поневолѣ довольствовались только играми между собою, которыя и были очень однообразны. Разъ намъ удалось видѣть на какомъ-то гуляньѣ бѣгуна, который за деньги показывалъ свое искусство бѣгать. При этомъ онъ во рту держалъ конецъ платка, напитаннаго какимъ-то спиртнымъ веществомъ. Я помню, что братъ Θедоръ долгое время представлялъ этого бѣгуна, и неутомимо бѣгалъ по садовымъ аллеямъ, держа во рту тоже конецъ носового своего платка. (Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что Θ. М., по его собственнымъ словамъ, любилъ въ дѣтствѣ выказываться силою, ловкостью и т. п.) „Въ больничномъ саду прогуливались также и больные, или въ суконныхъ верблюжьяго цвѣта халатахъ или въ лѣтнихъ тиковыхъ, смотря по погодѣ, но всегда бѣлыхъ какъ снѣгъ колпакахъ, вмѣсто фуражекъ, и въ башмакахъ или туфляхъ безъ задковъ. Братъ Θедоръ очень любилъ, какъ-нибудь украдкою, вступать въ разговоры съ этими больными, въ особенности ежели попадались мальчики; но это строго преслѣдовалось, и отецъ былъ весьма недоволенъ, ежели до него доходили объ этомъ слухи". Отецъ, по воспоминаніямъ родственниковъ, вообще былъ строгъ, и нянѣ Еленѣ Фроловнѣ не разъ приходилось скрывать отъ него вины дѣтей и вообще защищать ихъ отъ родительской грозы.

„Болѣе разнообразныя игры наши", продолжаетъ Андрей Михайловичъ", происходили въ деревнѣ, въ позднѣйшее уже время. Купленная

нашими родителями въ 1831 г. деревня находилась въ Тульской губерніи, въ Каширскомъ уѣздѣ, въ 150 верстахъ отъ Москвы. Въ эту-то деревню каждою раннею весною матушка наша переселялась на цѣлое лѣто хозяйничать. Отецъ по служебнымъ обязанностямъ оставался въ Москвѣ, пріѣзжая только на нѣсколько дней въ срединѣ лѣта. Въ первые годы, когда еще старшіе братья не были въ пансіонѣ, мы всѣ сопутствовали матери и проводили все лѣто въ деревнѣ. Поѣздка въ деревню для насъ, дѣтей, составляла эпоху, которой мы дожидались съ нетерпѣніемъ. Ѣздили обыкновенно на своихъ деревенскихъ же лошадяхъ, которыя нарочно пріѣзжали за ними съ крестьяниномъ Семеномъ Широкимъ, слывшимъ за лучшаго наѣздника, любителя и знатока лошадей. Совершали эту поѣздку обыкновенно въ двое сутокъ, — на третьи. Во время поѣздокъ этихъ братъ Ѳедоръ бывалъ въ какомъ-то лихорадочномъ настроеніи. Онъ всегда избиралъ мѣсто сидѣнія на облучкѣ. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой братъ не соскочилъ бы съ брички, не обѣгалъ бы близъ лежащей мѣстности, или не повертѣлся бы съ Семеномъ Широкимъ около лошадей.

„Мѣстность въ нашей деревнѣ была очень пріятная и живописная“, продолжаетъ А. М. „Маленькій плетневый мазанковый домикъ, о трехъ комнатахъ, стоялъ въ липовой рощѣ, довольно большой и тѣнистой. Роща эта, чрезъ небольшое поле, примыкала къ березовому лѣсу, очень густому и съ довольно мрачною и дикою мѣстностію, изрытою оврагами. Лѣсокъ этотъ назывался *Брыково*. Мѣстность эта очень полюбилась брату Ѳедору, такъ что лѣсокъ этотъ въ семействѣ начали называть Ѳединою рощею. Впрочемъ, матушка неохотно намъ дозволяла тамъ гулять, такъ какъ ходили слухи, что въ оврагахъ попадаются змѣи и забѣгаютъ даже волки“.

Этимъ, вѣроятно, и объясняется тотъ волкъ, который однажды померещился Ѳ. М., какъ онъ о томъ вспоминаетъ въ „Дневникѣ Писателя“ въ разсказѣ о мужикѣ „Мареѣ“.

Андрей Михайловичъ подробно вспоминаетъ объ ихъ дѣтскихъ играхъ въ деревнѣ. „Братъ Ѳедоръ“, говоритъ онъ“, тогда уже читавшій, вѣроятно, познакомился съ описаніями жизни дикарей. Игра въ „дикихъ“ была любимою его игрою. Она состояла въ томъ, что, выбравши мѣсто болѣе густое въ липовой рощѣ, мы строили тамъ шалашъ и дѣлали его главнымъ пребываніемъ дикихъ племенъ. Раздѣвшись, мы расписывали себѣ тѣло красками, на манеръ татуировки; дѣлали себѣ поясныя и головныя украшенія изъ листьевъ и выкрашенныхъ гусиныхъ перьевъ, и, вооружившись самодѣльными луками и стрѣлами, производили воображаемые набѣги на Брыково. Конечно, братъ Ѳедоръ, какъ выдумавшій эту игру, былъ главнымъ предводителемъ племени. Братъ Михаилъ рѣдко участвовалъ непосредственно въ этой игрѣ, она была не въ его характерѣ; но онъ, какъ начинавшій въ то время рисовать и имѣвшій въ то время краски, былъ нашимъ костюмеромъ и размалевывалъ насъ. Особый интересъ въ этой игрѣ былъ тотъ, чтобы за нами, дикими, не было присмотра старшихъ, и чтобы та-

кимъ образомъ совершенно уединиться отъ всего обычнаго — не дикаго. Разъ, помню, что въ отличную сухую погоду, матушка желая продлить нашу игру и наше удовольствіе, рѣшилась не звать насъ къ обѣду, и велѣла отнести дикарямъ обѣдъ на воздухъ въ особой посудѣ и поставить его гдѣ-нибудь подъ кустомъ. Это доставило намъ большое удовольствіе, и мы поѣли безъ помощи вилокъ и ножей, а просто руками, какъ и приличествовало дикимъ. Но когда мы преднамѣревались было провести и ночь въ дикомъ состояніи, то этого намъ уже не дозволили.

„Другая игра, тоже выдуманная братомъ Ѳедоромъ, была въ „Робинзона“. Въ эту игру мы играли съ нимъ вдвоемъ, и, конечно, братъ былъ Робинзономъ, а мнѣ приходилось изображать Пятницу. Мы усиливались воспроизвести въ нашей липовой рощѣ всѣ тѣ лишенія, которыя испытывалъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ.

„Вспомню еще — не игру, а особую, совершённую нами процессію. За липовой рощей было кладбище, и вблизи его стояла ветхая деревянная часовня, въ которой на полкахъ помѣщались иконы. Дверь въ эту часовню никогда не запиралась. Гуляя однажды въ сопровожденіи горничной, нанятой въ Москвѣ и жившей у насъ долго, очень разбитной, мы зашли въ эту часовню... и, долго не думая, подняли образа, и съ пѣніемъ различныхъ церковныхъ стиховъ и пѣсенъ, подъ предводительствомъ сказанной горничной, начали обходъ по полю.
„Андрей Михайловичъ называетъ эту продѣлку, которая удавалась имъ раза два-три, непростительной. Но при ихъ религіозномъ воспитаніи, надо думать, это дѣлалось съ чистымъ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, со стороны ихъ, дѣтей. Тѣмъ не менѣе, имъ досталось за это порядкомъ, когда дѣло дошло до матери.

„Въ деревнѣ“, продолжаетъ А. М. мы постоянно почти были на воздухѣ и, исключая игръ, проводили цѣлые дни на поляхъ, присутствуя и приглядываясь къ труднымъ полевымъ работамъ. Всѣ крестьяне любили насъ очень, въ особенности брата Ѳедора. Онъ, по своему живому характеру, брался за все: то попроситъ водить лошадь съ бороной, то погоняетъ лошадь, идущую въ сохѣ и т. п. Любилъ онъ также вступать въ разговоры съ крестьянами, которые всегда охотно съ нимъ говорили; но верхомъ удовольствія его было исполнить какое-либо порученіе, или сдѣлать одолженіе, и быть чѣмъ-нибудь полезнымъ. Я помню, что одна крестьянка, вышедшая на поле жать, вмѣстѣ съ маленькимъ ребенкомъ въ люлькѣ, пролила нечаянно жбанчикъ воды, и бѣднаго ребенка нечѣмъ было напоить. Братъ сейчасъ же взялъ жбанчикъ, сбѣгалъ въ деревню (версты $1^1/_2$) за водою, и принесъ, къ радости матери, полный жбанъ воды. Онъ самъ зналъ, что его любили. Сцена, описанная имъ съ такою теплотою въ „Дневникѣ Писателя“ съ крестьяниномъ Мареемъ[1]) достаточно рисуетъ эту любовь.

---

[1]) Крестьянинъ Марей — лицо дѣйствительно существовавшее; это былъ красивый мужикъ, выше среднихъ лѣтъ (40—45), брюнетъ съ окладистою бородою, въ которую пробивалась уже сѣдина. Онъ считался въ деревнѣ большимъ знатокомъ рогатаго скота, и когда приходилось покупать на ярмаркѣ коровъ, то всегда посылали Марея.

„Имѣніе наше состояло изъ двухъ небольшихъ деревенекъ, расположенныхъ другъ отъ друга въ 1½ верстахъ; въ одной, а именно сельцѣ Даровое, мы жили, а другая называлась Чермашня. Въ эту Чермашню мы хаживали очень часто пѣшкомъ, а братъ Өедоръ иногда ѣздилъ верхомъ. Онъ очень любилъ, когда матушка давала какое-либо порученіе, чтобы сообщить что-либо въ Чермашню, и всегда вызывался исполнить это порученіе.

„Въ заключеніе краткихъ своихъ воспоминаній о деревнѣ, я не могу не упомянуть о дурочкѣ Аграфенѣ. Въ деревнѣ у насъ была дурочка, не принадлежавшая ни къ какой семьѣ; она все время проводила шляясь по полямъ, и только въ сильные морозы зимой ее насильно пріючивали къ какой-либо избѣ. Ей уже было тогда лѣтъ 20—25; говорила она очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминаетъ постоянно о ребенкѣ, похороненномъ на кладбищѣ. Читая въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ исторію Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминалъ нашу дурочку Аграфену“.

Өедоръ Михайловичъ и самъ подробно вспоминалъ о своемъ дѣтскомъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ и о значеніи ея въ его жизни въ „Дневникѣ“ 1877 г. (іюль — августъ). Во время своего тогдашняго путешествія по Россіи онъ нарочно сдѣлалъ „маленькій крюкъ — изъ Москвы полтораста верстъ въ сторону“. Деревня, принадлежавшая когда-то его родителямъ и давно уже перешедшая во владѣніе одной ихъ родственницы, „оставила въ немъ самое глубокое и сильное впечатлѣніе на всю потомъ жизнь“ и все въ ней „было полно для него самыми дорогими воспоминаніями“[1]).

Тамъ-то, „еще въ этихъ“ мѣстахъ дѣтства, произошло его первое сближеніе съ народомъ — съ тою „правдой“, которую видитъ онъ въ чудесныхъ разсказахъ „о мученикахъ и подвижникахъ“ и съ которою онъ познакомился еще ранѣе — въ Москвѣ, чрезъ тѣхъ деревенскихъ людей, которыхъ, какъ видѣли мы, у нихъ бывало не мало. „Я самъ въ дѣтствѣ“, вспоминаетъ онъ въ томъ же „Дневникѣ“, „слышалъ такіе разсказы прежде еще, чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти разсказы“, прибавляетъ онъ, „даже въ острогахъ у разбойниковъ и разбойники слушали и вздыхали. Эти разсказы передаются не по книгамъ, а заучились изустно и они“, говоритъ онъ, „остались у меня на сердцѣ“[2]). Школой „народной правды“ могла ему послужить и та встрѣча съ „мужикомъ Мареемъ“, которая вспомнилась ему со всѣми подробностями двадцать лѣтъ спустя въ Сибири, среди всѣхъ отталкивающихъ впечатлѣній осторожной жизни.

О томъ, какъ однажды въ дѣтствѣ померещился ему выбѣжавшій изъ лѣса волкъ и какъ успокаивалъ его этотъ Марей, разсказываетъ онъ въ „Дневникѣ“ 1876 г. за февраль. „Конечно, всякій бы ободрилъ ребенка,—говоритъ Достоевскій,—но тутъ... случилось какъ бы что-то

---

[1]) Соч. т. XII, стран. 199.
[2]) Ibidem 76, 48.

совсѣмъ другое, и если бъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотрѣть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ, а кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барченокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня, и не наградилъ за то... Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ, и только Богъ можетъ быть, видѣлъ сверху, какимъ глубокимъ и просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою, почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, звѣрски невѣжественнаго крѣпостного русскаго мужика, еще и не ждавшаго, не гадавшаго тогда о своей свободѣ"[1]). Такимъ же наглялнымъ проявленіемъ народной правды должна была послужить для девятилѣтняго Ѳедора Михайловича и ихъ няня, Алена Фроловна, хотя, какъ она выражалась, и „гражданка", но въ сущности принадлежавшая къ тому же „народу". Когда, какъ разъ на Свѣтлой недѣлѣ, получено было въ Москвѣ извѣстіе, что вотчина Достоевскихъ сгорѣла,— и родители Ѳедора Михайловича, благочестивые по старинѣ, бросились на колѣни и стали молиться, — эта самая Алена Фроловна, обыкновенно не бравшая жалованья, чтобы дать ему накопиться, вдругъ шепнула матери своихъ питомцевъ: „Коли надо вамъ будетъ денегъ, такъ ужъ возьмите мои, а мнѣ что̀, мнѣ не надо". Денегъ у нея не взяли, обошлись и безъ того, но, вспоминая объ этомъ въ апрѣльскомъ номерѣ „Дневника" 1876 г., Достоевскій спрашивалъ: „какъ опредѣлить ея поступокъ? Явилась ли она съ нимъ „лишь на степени стихійнаго существованія, замкнутаго идиллическаго быта и пассивной жизни", или проявила что-нибудь поэнергичнѣе пассивности? ...Мнѣ съ презрѣніемъ отвѣтятъ, что это единичный случай; но я и одинъ успѣлъ вотъ замѣтить въ жизни моей такихъ случаевъ многія сотни въ нашемъ простонародьи"[2]). И значительная часть изъ нихъ (сверхъ двухъ приведенныхъ), надо думать, была замѣчена имъ еще въ дѣтствѣ, когда ему всего болѣе представлялось случаевъ быть съ глаза на глазъ съ народомъ.

Живая школа народности со своею самородною человѣчностью служила для Достоевскаго лучшимъ восполненіемъ къ той книжной школѣ, которую прошелъ онъ сперва въ родительскомъ домѣ, потомъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Послушаемъ подробный разсказъ объ этомъ Андрея Михайловича.

„Первоначальнымъ обученіемъ всѣхъ насъ такъ называемой грамотѣ, т.-е. азбукѣ,—говоритъ онъ,—занималась наша матушка. Азбуку учили не по-нынѣшнему: *а*, *б*, *в* и т. д., а выговаривали по-старинному, т.-е. *азъ*, *буки*, *вѣди*... Послѣ буквъ слѣдовали склады: двойные, тройные, четверные и чуть ли не пятерные, въ родѣ тѣхъ, которые часто и выговаривать было трудно. Когда премудрость эта уже постигалась, тогда приступали къ постепенному чтенію. Конечно, я не помню, какъ учились

---

[1]) „Дневникъ Писателя" 1876 г., февраль. (Соч. т. XI.)
[2]) „Дневникъ Писателя" 1876 г., апрѣль.

азбукѣ старшіе братья, и эти воспоминанія относятся ко мнѣ лично. Но такъ какъ учительница была одна (наша мать), и даже руководство или азбука преемственно перешла отъ старшихъ ко мнѣ, то я имѣю основаніе предполагать, что и братья начинали ученіе тѣмъ же способомъ. Первою книгою для чтенія была у всѣхъ насъ одна. Это священная исторія ветхаго и новаго завѣта на русскомъ языкѣ (кажется переведенная съ нѣмецкаго сочиненія Гибнера). Она называлась собственно: „Сто четыре священныхъ исторіи ветхаго и новаго завѣта". При ней было нѣсколько довольно плохихъ литографій съ изображеніемъ сотворенія міра, пребыванія Адама и Евы въ раю, потопа и прочихъ главныхъ священныхъ фактовъ. Помню, какъ въ недавнее уже время, а именно въ концѣ 70-хъ годовъ, я, разговаривая съ братомъ Ѳ. М. про наше дѣтство, упомянулъ объ этой книгѣ, и съ какимъ онъ восторгомъ объявилъ мнѣ, что ему удалось разыскать этотъ же самый экземпляръ книги (т.-е. нашъ дѣтскій), и что онъ бережетъ ее какъ святыню.

„Какъ я начинаю себя помнить, я засталъ уже братьевъ умѣющими читать и писать и приготовляющимися къ поступленію въ пансіонъ. Домашнее ихъ пребываніе безъ выѣздовъ въ пансіонъ я помню непродолжительное время, годъ, много полтора. Въ это время къ намъ ходили на домъ два учителя. Первый — это дьяконъ, преподававшій Законъ Божій. Дьяконъ этотъ чуть ли не служилъ въ Екатерининскомъ институтѣ, по крайней мѣрѣ навѣрное знаю, что онъ состоялъ тамъ учителемъ. Къ его приходу въ залѣ всегда раскидывался ломберный столъ, и мы четверо дѣтей помѣщались за этимъ столомъ, вмѣстѣ съ преподавателемъ. Матушка всегда садилась сбоку въ сторонѣ и занималась какой-нибудь работой. Многихъ впослѣдствіи имѣлъ я законоучителей, но такого, какъ отецъ дьяконъ, не припомню. Онъ имѣлъ отличный даръ слова, и весь урокъ, продолжавшійся по старинному часа 1½—2, проводилъ въ разсказахъ, или, какъ у насъ говорилось — въ толкованіи св. Писанія. Бывало, придетъ, употребитъ нѣсколько минутъ на спросъ уроковъ, и сейчасъ же приступитъ къ разсказамъ. О потопѣ, приключеніяхъ Іосифа, Рождествѣ Христовѣ онъ говорилъ особенно хорошо... такъ что, бывало, и матушка, прекративъ свою работу, начинаетъ не только слушать, но и глядѣть на воодушевляющагося преподавателя. Положительно могу сказать, что онъ своими уроками и своими разсказами умилялъ наши дѣтскія сердца. Очень жалѣю, что я не помню ни имени ни фамиліи этого почетнаго преподавателя; мы просто звали его отцомъ дьякономъ. Но, несмотря на все это, уроки онъ требовалъ заучивать буквально по руководству, не выпуская ни одного слова. Руководствомъ же служили извѣстные „Начатки" митрополита Филарета, начинающіеся такъ: „Единъ Богъ, во святой Троицѣ поклоняемый, есть вѣченъ, то-есть не имѣетъ ни начала ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ"... Это скорѣе философское сочиненіе, нежели руководство для дѣтей.

„Другой учитель, ходившій къ намъ въ это время, былъ Николай Ивановичъ Сушардъ; онъ былъ преподавателемъ французскаго языка въ Екатерининскомъ институтѣ и ходилъ къ намъ давать уроки того же языка. Несмотря на свое иностранное происхожденіе, онъ горячо желалъ сдѣлаться чисто русскимъ. Я помню разсказъ отца, что въ одно изъ посѣщеній института императоромъ Николаемъ, Н. И. Сушардъ просилъ у государя, какъ милости, позволенія, вывернувъ свою фамилію, прибавить къ ней окончаніе *овъ*, что ему и было дозволено, вслѣдствіе чего онъ впослѣдствіи и назывался Драшусовъ. (Сушардъ-Драшусъ-Драшус—овъ.)

„Время для старшихъ братьевъ начало подходить такое, что по возрасту ихъ пора уже было отдать куда-либо въ пансіонъ съ гимназическимъ курсомъ, а одного чтенія и письма, Закона Божія и французскаго языка — было далеко недостаточно. Для подготовленія къ такому пансіону, двухъ старшихъ братьевъ отдали на полупансіонъ къ тому же Н. И. Драшусову, куда они ѣздили въ продолженіе цѣлаго года или даже болѣе, ежедневно по утрамъ, и возвращались къ обѣду. У Драшусова былъ маленькій пансіонъ для приходящихъ; онъ самъ занимался французскимъ языкомъ, два взрослыхъ сына его занимались преподаваніемъ математики и словесныхъ предметовъ, и даже жена его Евгенія Петровна, кажется, что-то преподавала. Но въ этомъ скромномъ пансіонѣ некому было заниматься латинскимъ языкомъ, а потому подготовленіе братьевъ по этому предмету принялъ на себя самъ отецъ. Помню даже утро, въ которое онъ, ѣздивши на практику, купилъ латинскую грамматику Бантышева и отдалъ ее братьямъ. И вотъ, съ этого времени каждый вечеръ отецъ началъ заниматься съ братьями латынью. Разница между отцомъ-учителемъ и посторонними учителями, ходившими къ намъ, была та, что у послѣднихъ ученики сидѣли въ продолженіе всего урока; у отца же братья, занимаясь нерѣдко по часу и болѣе, не смѣли не только сѣсть, но даже и облокотиться на столъ. Стоятъ, бывало, какъ истуканчики, склоняя по очереди *mensa, mensae*... или спрягая *amo, amas, amat*... Братья очень боялись этихъ уроковъ, происходившихъ всегда по вечерамъ. Отецъ, при всей своей добротѣ, былъ чрезвычайно взыскателенъ и нетерпѣливъ; а главное очень вспыльчивъ". (По воспоминаніямъ нѣкоторыхъ родственниковъ, онъ былъ человѣкъ угрюмый, нервный, подозрительный.) „Бывало, чуть какой-либо со стороны братьевъ промахъ, — такъ сейчасъ и разразится крикъ. Замѣчу тутъ кстати, что несмотря на вспыльчивость отца, въ семействѣ нашемъ принято было обходиться съ дѣтьми очень гуманно: насъ не только не наказывали тѣлесно, — никогда и никого, — но даже я не помню, чтобы когда-либо старшихъ братьевъ ставили на колѣни или въ уголъ. Главнѣйшимъ наказаніемъ для насъ было то, что отецъ вспылитъ. Такъ и при латинскихъ урокахъ: при малѣйшемъ промахѣ со стороны братьевъ, отецъ разсердится, обзоветъ ихъ лѣнтяями, тупицами, въ крайнихъ же случаяхъ даже броситъ занятіе, недокончивъ урока, что считалось уже хуже всякаго наказанія.

„Вѣроятно, это гуманное отношеніе къ намъ, дѣтямъ, со стороны родителей и было поводомъ къ тому, что при жизни своей они не рѣшались помѣстить насъ въ гимназію, хотя это стоило бы гораздо дешевле. Гимназіи не пользовались въ то время хорошею репутаціею, и въ нихъ существовало обычное и заурядное, за всякую малѣйшую провинность, наказаніе тѣлесное. Вслѣдствіе чего и были предпочтены частные пансіоны. Когда подготовленіе братьевъ было окончено, то они поступили въ пансіонъ Леонтія Ивановича Чермака, съ начала учебнаго курса 1834 года.

О. Миллеръ.

Достоевскій въ пансіонѣ Чермака.

„Пансіонъ Л. И. Чермака былъ однимъ изъ старинныхъ частныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, въ то уже время онъ существовалъ болѣе 20 лѣтъ. Помѣщался онъ на Новой Басманной, въ домѣ бывшемъ княгини Касаткиной (нынѣ Алексѣева), возлѣ Басманной полицейской части. Я не былъ одновременно съ братьями въ этомъ пансіонѣ; но, поступивъ въ него вслѣдъ за братьями, т.-е. въ 1837 г., и пробывъ въ немъ болѣе трехъ лѣтъ, я въ правѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ пансіонѣ, гдѣ и братъ провелъ около трехъ лѣтъ. Въ заведеніе это принимались дѣти, большею частію, на полный пансіонъ, т.-е. находились тамъ въ теченіе цѣлой недѣли, возвращаясь домой (ежели было куда) на время праздниковъ.

„Подборъ хорошихъ преподавателей и строгое наблюденіе за исправнымъ и своевременнымъ приходомъ ихъ, и въ то же время — присутствіе характера семейственности, напоминающаго дѣтямъ хотя отчасти ихъ домъ и домашнюю жизнь, — вотъ по-моему идеалъ закрытаго воспитательнаго заведенія. Пансіонъ Л. И. Чермака былъ близокъ къ этому идеалу. Говорю только „близокъ“, потому что совершенства нѣтъ ни въ чемъ. Преподавателями въ пансіонъ избирались только лица, зарекомендованныя казенными инспекторами, а въ послѣднее время, въ высшемъ классѣ, преподавали даже профессора университета, напр. Дм. Матв. Перевощиковъ по математикѣ, И. И. Давыдовъ по словесности и другіе. Уроки начинались ежедневно въ 8 час. утра въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й) отъ 8 до 10 час., 2-й) отъ 10 до 12 час. Послѣ этого урока слѣдовалъ обѣдъ. Послѣобѣденные классы были: 3-й) отъ 2 до 4 час. и 4-й) отъ 4 до 6 час. Далѣе слѣдовалъ чай и время для приготовленія уроковъ. Въ 9 часовъ былъ ужинъ, послѣ котораго всѣ шли въ спальню. Самъ Л. И., человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, былъ мало или совсѣмъ не образованъ, но имѣлъ тотъ тактъ, котораго часто не достаетъ и директорамъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Въ началѣ каждаго урока онъ обходилъ всѣ классы, и ежели заставалъ классъ безъ преподавателя, то

оставался въ немъ до прихода запоздавшаго учителя, котораго и встрѣчалъ съ добрѣйшей улыбкой, одною рукою здоровался съ нимъ, а другою вынималъ часы, какъ бы для справки. При такихъ порядкахъ трудно было и манкировать! Но, главное, нашъ старикъ былъ человѣкъ съ душою. Онъ входилъ самъ въ мельчайшія подробности нуждъ ввѣренныхъ ему дѣтей, въ особенности тѣхъ, у которыхъ не было въ Москвѣ родителей или родственниковъ и которые жили у него безвыходно. Отличныхъ по успѣхамъ учениковъ, т.-е. каждаго, получившаго четыре балла (пятичная система балловъ тогда еще не существовала), онъ очень серіозно зазывалъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ вручалъ ему маленькую конфетку. Случалось иногда, что подобныя награды давались и ученикамъ старшихъ классовъ, но никогда ни одинъ изъ нихъ не принималъ этого съ насмѣшкой. Ежели кто въ пансіонѣ заболѣвалъ, Чермакъ мгновенно посылалъ его внизъ къ своей женѣ, говоря „иди къ Августѣ Францовнѣ“. Она сейчасъ уложитъ заболѣвшаго и приметъ первыя домашнія мѣры, а затѣмъ пошлетъ за годовымъ докторомъ, которымъ въ то время былъ Вас. Вас. Трейтеръ.

„Пища была приличная. Самъ Леонтій Ивановичъ и его семейство (мужского пола) постоянно имѣли столъ общій съ учениками. По праздникамъ же, вслѣдствіе небольшого количества остававшихся пансіонеровъ, и весь женскій персоналъ его семейства обѣдалъ за общимъ пансіонскимъ столомъ. Чермакъ содержалъ свой почти образцовый пансіонъ болѣе чѣмъ 25 лѣтъ; ученики изъ его пансіона были лучшими студентами въ университетѣ, и въ заведеніи его получили начальное воспитаніе люди, сдѣлавшіеся впослѣдствіи видными общественными дѣятелями. Помимо Ѳ. М. Достоевскаго и М. М. Достоевскаго я могу указать на Губера, Геннади“. Самъ Ѳ. М. указывалъ на то, что съ нимъ вмѣстѣ учились въ пансіонѣ Чермака Шумахеръ, сынъ профессора Каченовскаго и Мюльгаузенъ (бывшій потомъ ректоромъ Московскаго университета).

„Я слышалъ впослѣдствіи, что Л. И. Чермакъ въ концѣ 40-хъ годовъ принужденъ былъ закрыть свой пансіонъ и умеръ въ большой бѣдности. Ежели разсматривать это обстоятельство съ коммерческой точки зрѣнія, то Чермака нельзя отнести ни къ неосторожнымъ ни къ несчастнымъ банкротамъ. Можно сказать, что всѣ могущія быть сбереженія (а они могли быть значительны) Л. И. Чермакъ принесъ въ даръ московскому юношеству!

„Итакъ, съ 1834 г. старшіе братья начали ѣздить на цѣлую недѣлю въ пансіонъ. Старшая сестра тоже была отдана около этого времени въ пансіонъ. Родителями рѣшено было, чтобы братья и сестра мои по праздникамъ раздѣляли между собою труды по обученію меня различнымъ предметамъ. На долю старшаго брата Михаила отецъ отнесъ ариѳметику и географію; на долю брата Ѳедора пали исторія и русскій языкъ, а сестрѣ поручено было заниматься французскимъ и нѣмецкимъ языками. Учительскія отношенія ко мнѣ братьевъ и сестры ни-

сколько не измѣнили нашихъ братскихъ, доселѣ существовавшихъ, отношеній. Въ субботу съ утра чувствовалось уже прибытіе всей семьи подъ родной кровъ. И родители дѣлались нѣсколько веселѣе, и къ столу приготовлялось кое-что лишнее, однимъ словомъ, пахло чѣмъ-то праздничнымъ. Въ этотъ день и неизмѣняемое время обѣда (12 час.) поневолѣ измѣнялось. Покуда лошади поѣдутъ съ Божедомки на Басманную, покуда соберутся братья и пріѣдутъ, проходитъ добрыхъ полтора — два часа, такъ что обѣдъ подавался въ этотъ день къ двумъ часамъ. За сестрой ѣздили, большею частію, по вечерамъ, уже въ сумерки. Но вотъ пріѣхали братья, не успѣли поздороваться, какъ и горячее на столѣ; садимся обѣдать, и тутъ же, не удовлетворивши перваго аппетита, братья начинаютъ разсказывать о всемъ случившемся въ продолженіе недѣли. Во-первыхъ, отрапортуютъ правдиво о всѣхъ полученныхъ въ продолженіе недѣли по различнымъ предметамъ баллахъ, а потомъ и начнутся разсказы про учителей, про различныя дѣтскія, а иногда и не совсѣмъ приличныя шалости товарищей. За разсказами и разговорами, и обѣдъ въ этотъ день продолжался гораздо долѣе. Родители самодовольно слушали и молчали, давая высказаться пріѣзжимъ. Можно сказать, что откровенность въ разсказахъ была полная. Вспоминаю, что отецъ ни разу не давалъ наставленій сыновьямъ. При разсказахъ о различныхъ шалостяхъ, случавшихся въ классѣ, отецъ только приговаривалъ: „ишь шалунъ, ишь разбойникъ, ишь негодяй“... и т. п. смотря по степени шалости; но ни разу не говаривалъ: „смотрите, не поступайте-де и вы такъ!“ Этимъ давалось, кажется, знать, что отецъ и ожидать не можетъ отъ нихъ подобныхъ шалостей. Пообѣдавъ и поговоривъ еще нѣсколько, братья садились за свои ломберные столы и предавались чтенію. Помню, я рѣдко видалъ, чтобы по субботамъ и воскресеньямъ братья занимались приготовленіемъ уроковъ и привозили съ собою учебники. Зато книгъ для чтенія привозилось достаточно, такъ что братья постоянно проводили домашнее время за чтеніемъ. Въ послѣднюю пору, т.-е. около 1836 г., братья съ особеннымъ воодушевленіемъ разсказывали про своего учителя русскаго языка, который просто сдѣлался ихъ идоломъ, такъ какъ на каждомъ шагу былъ ими вспоминаемъ. Вѣроятно, это былъ преподаватель не заурядный, а въ родѣ нашего почтеннаго отца дьякона; братья отзывались о немъ не только какъ о хорошемъ учителѣ, но въ нѣкоторомъ отношеніи какъ о джентльменѣ. Очень жаль, что я не помню теперь его фамиліи; но въ мое время учителя этого, кажется, не было уже и въ высшихъ классахъ.

„Выше я упомянулъ о семейныхъ чтеніяхъ, происходившихъ въ гостиной. Чтенія эти существовали, кажется, постоянно въ кругу родителей. Читали попеременно вслухъ или отецъ или мать; я помню, что при чтеніяхъ этихъ всегда находились и старшіе братья, еще до поступленія ихъ въ пансіонъ. Впослѣдствіи и они сами читали вслухъ, когда уставали родители. Читались, по-преимуществу, произведенія историческія: „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина (у насъ былъ

свой экземпляръ) и чаще всего 11-й и 12-й томы, „Біографія Ломоносова“, Ксеноф. Полеваго и пр. Изъ чисто литературныхъ произведеній помню читали Державина (въ особенности оду „Богъ“), Жуковскаго — переводную прозу, повѣсти Карамзина: „Бѣдную Лизу“ и „Мароу Посадницу“, а также и „Письма русскаго путешественника“; изъ Пушкина, — преимущественно повѣсти. Впослѣдствіи начали читать и романы: „Юрій Милославскій“, Ледяной Домъ“, „Стрѣльцы“, и сентиментальный романъ „Семейство Холмскихъ“; читались также и сказки Казака Луганскаго“.

По собственнымъ словамъ Ө. М., онъ очень любилъ читать путешествія, и подъ вліяніемъ такого чтенія пламенною мечтою его сдѣлалось посѣтить Венецію, Константинополь и вообще востокъ, сильно занимавшій его воображеніе.

„Старшіе братья, — продолжаетъ свои воспоминанія Андрей Михайловичъ, — читали во всякое свободное время. Въ рукахъ брата Өедора я чаще всего видалъ Вальтеръ-Скотта — Квентина Дорварда и Ваверлея; у насъ были собственные экземпляры, и вотъ ихъ-то онъ перечитывалъ неоднократно, несмотря на тяжелый и старинный переводъ. Такому же чтенію и перечитыванію подвергались и всѣ произведенія Пушкина. Любилъ также братъ Өедоръ повѣсти Нарѣжнаго, изъ которыхъ „Бурсака“ перечитывалъ неоднократно. Не помню навѣрное, читалъ ли онъ тогда что-либо изъ Гоголя, а потому не могу объ этомъ и говорить. Помню также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ романъ Вельтмана „Сердце и Думка“. Исторія же Карамзина была его настольною книгою, и онъ читалъ ее всегда, когда не было чего-либо новенькаго. Появлялись въ нашемъ домѣ и книжки издававшейся въ то время „Библіотеки для Чтенія“. Какъ теперь помню эти книжки, мѣнявшія ежемѣсячно цвѣтъ своихъ обложекъ, на которыхъ изображался загнутый уголокъ съ именами литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи. Эти книги уже были исключительнымъ достояніемъ братьевъ. Родители ихъ не читали. Я потому обозначилъ названія нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, которыя читалъ тогда братъ, что съ названіями этими, а равно и съ именами ихъ авторовъ я, еще бывши ребенкомъ, познакомился исключительно со словъ брата. Вообще братъ Өедоръ любилъ болѣе чтеніе серіозное, въ отличіе отъ брата Михаила, который любилъ поэзію и самъ пописывалъ стихи, бывши въ старшихъ классахъ пансіона (чѣмъ братъ Өедоръ не занимался). Но на Пушкинѣ они мирились, и оба, кажется, и тогда чуть не всего знали наизусть[1]). Надо припомнить, что Пушкинъ тогда былъ еще современникъ; объ немъ, какъ о современномъ поэтѣ, мало говорилось еще съ каѳедры; произведенія его еще не заучивались наизусть по требованію преподавателей. Авторитетность Пушкина, какъ поэта, была тогда менѣе авторитетности Жуковскаго, даже между преподавателями словесности, — она была менѣе и во мнѣніи нашихъ родителей, что̀ вызывало неоднократно

---

¹) Конечно, только то, что попадалось имъ въ руки, такъ какъ полнаго собранія его сочиненій тогда еще не было.

горячіе протесты со стороны братьевъ, въ особенности брата Ѳедора. Помню, что братья какъ-то одновременно выучили наизусть два стихотворенія: старшій братъ „Графа Габсбургскаго“, а братъ Ѳедоръ, какъ бы въ параллель тому, „Смерть Олега“. Когда эти стихотворенія были произнесены ими въ присутствіи родителей, то предпочтеніе было отдано первому, вѣроятно, вслѣдствіе бо́льшей авторитетности сочинителя. Матушка наша очень полюбила два эти произведенія, и часто просила братьевъ произносить ихъ; помню, что даже во время своей болѣзни, уже лежа въ постели (она умерла чахоткой), она съ удовольствіемъ прислушивалась къ нимъ.

„Не могу не припомнить здѣсь одного случившагося у насъ эпизода. Изъ товарищей къ братьямъ не ходилъ никто. Разъ только къ старшему брату пріѣзжалъ изъ пансіона нѣкто Кудрявцевъ. Брату позволено было отдать ему визитъ, но тѣмъ знакомство и кончилось. Зато въ домъ нашъ былъ вхожъ одинъ мальчикъ[1]), сынъ знакомой нашихъ родителей. Онъ учился въ гимназіи и былъ нѣсколько старше моихъ братьевъ. Этому-то гимназисту удалось гдѣ-то достать ходившую тогда въ рукописи сатиру Воейкова „Домъ сумасшедшихъ“ и заучить на память. Со словъ его братья тоже выучили эту сатиру и сказали ее въ присутствіи отца. Отецъ остался очень недоволенъ и высказалъ предположеніе, что это, вѣроятно, измышленія и продѣлки гимназистовъ; но когда его увѣрили, что это сочиненіе Воейкова, то онъ все-таки высказалъ, что оно неприлично, потому что въ немъ помѣщены дерзкія выраженія противъ извѣстныхъ литераторовъ, а въ особенности противъ Жуковскаго. По разсказамъ того же гимназиста мы познакомились со сказкою Ершова „Конекъ Горбунокъ“ и всѣ выучили ее наизусть“.

Если, за исключеніемъ Ванички Умнова, — впрочемъ и не товарища Достоевскихъ по пансіону — никто не ходилъ къ нимъ изъ сверстниковъ, то это, вѣроятно, происходило отъ строгой разборчивости и мнительности родителей, особенно отца, въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ пріятелей. Самъ Ѳ. М. разсказывалъ, что онъ постоянно стремился имѣть ихъ, но это ему не давалось вслѣдствіе крайней его обидчивости. Его деликатное сердце не выносило тѣхъ подчасъ грубыхъ шутокъ и насмѣшекъ, съ какими, какъ быть водится, обращались къ нему товарищи. Зато, какъ вспоминаетъ одинъ изъ его однокашниковъ, онъ любилъ защищать и другихъ — особенно новичковъ — отъ придирокъ и насильственнаго обращенія съ ними старшихъ учениковъ, столь обычнаго во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Отецъ нашъ, — продолжаетъ Андрей Михайловичъ, — былъ чрезвычайно внимателенъ въ наблюденіи за нравственностью дѣтей, и въ особенности относительно старшихъ братьевъ, когда они сдѣлались уже юношами. Я не помню ни одного случая, когда бы братья вышли куда-нибудь одни; это считалось отцомъ за неприличное, между тѣмъ

---

[1]) Ваничка Умновъ.

какъ къ концу пребыванія братьевъ въ родительскомъ домѣ старшему было почти уже 17 лѣтъ, а брату Ѳедору почти 16. Въ пансіонъ они всегда ѣздили на своихъ лошадяхъ, и точно также и возвращались. Родители наши были отнюдь не скупы, — скорѣе даже тароваты; — но, вѣроятно, по тогдашнимъ понятіямъ считалось тоже за неприличное, чтобы молодые люди имѣли свои хотя маленькія карманныя деньги. Я не помню, чтобы братья имѣли въ своемъ распоряженіи хотя нѣсколько мелкихъ монетъ, и, вѣроятно, они ознакомились съ деньгами только тогда, когда отецъ оставилъ ихъ въ Петербургѣ. Я упоминалъ выше, что отецъ не любилъ дѣлать нравоученій и наставленій; но у него была одна, какъ мнѣ кажется теперь, слабая сторона. Онъ очень часто повторялъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что дѣти его, въ особенности мальчики, должны готовиться пробивать себѣ сами дорогу, что со смертію его они останутся нищими и т. п. Все это рисовало мрачную картину! Я припоминаю еще и другія слова отца, которыя служили не нравоученіемъ, а скорѣе остановкою и предостереженіемъ. Я уже говорилъ неоднократно, что братъ Ѳедоръ былъ слишкомъ горячъ, энергично отстаивалъ свои убѣжденія, и вообще былъ довольно рѣзокъ на слова. При такихъ проявленіяхъ со стороны брата отецъ неоднократно говаривалъ: „Эй, Ѳедя, уймись, не сдобровать тебѣ... быть тебѣ подъ красной шапкой!“

„У насъ въ больницѣ былъ священникъ отецъ Іоаннъ Баршевъ, — почтенный старичокъ и общій нашъ духовникъ. У этого священника были два уже взрослые сына: Сергѣй Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ, извѣстные впослѣдствіи профессора-юристы. Послѣ поѣздки на казенный счетъ за границу, молодые люди эти возвратились къ своему отцу и посѣтили и нашихъ родителей. Отецъ нашъ часто говаривалъ: „вотъ, ежели бы и мнѣ дождаться, когда мои сыновья такъ отличатся!“

„Не могу не упомянуть о томъ мнѣніи, какое братъ Ѳ. М. высказалъ мнѣ о нашихъ родителяхъ. Это было не такъ давно, а именно въ концѣ 70-хъ годовъ. Я какъ-то разговорился съ нимъ о нашемъ давно прошедшемъ и упомянулъ объ отцѣ. Братъ мгновенно воодушевился, схватилъ меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда онъ говорилъ по душѣ), и горячо высказалъ: „Да знаешь ли, братъ, вѣдь это были люди передовые, и въ настоящую минуту они были бы передовыми!... А ужъ такими семьянами, такими отцами... намъ съ тобою не быть, братъ!“

„Наступила зима 1836—1837 гг. Еще съ осени наша мать слегла въ постель съ тѣмъ, чтобы болѣе съ нея не вставать! Это было самое горькое время въ дѣтскій періодъ нашей жизни; мы готовились ежеминутно потерять мать! Несмотря на помощь многихъ врачей и тогдашнихъ знаменитостей, которые поспѣшили протянуть руку помощи своему собрату, исходъ былъ неизбѣженъ, и мы лишились матери 27 февраля 1837 г.

О. Миллеръ.

Достоевскій въ инженерномъ училищѣ.

Въ настоящее время, когда исполнится (24-го января) полвѣка со времени выхода въ свѣтъ перваго печатнаго труда Ѳ. М. Достоевскаго: „Бѣдные люди“, и когда русское образованное общество помянетъ объ ихъ авторѣ, я считаю долгомъ присоединить и мои воспоминанія о молодыхъ годахъ Ѳедора Михайловича.

Въ одинъ и тотъ же годъ, когда поступилъ Ѳ. М. въ инженерное училище (1838 г.) кондукторомъ, я поступилъ въ то же училище дежурнымъ офицеромъ въ должность военнаго воспитателя. Посѣщая почти каждый день училище по службѣ и дежуря въ немъ по два, а иногда по три раза въ недѣлю, мнѣ приходилось знакомиться съ существовавшими въ училищѣ порядками, съ внутреннею жизнью въ немъ, съ мѣстными обычаями, сохранившимися между молодежью, и съ самою молодежью, такъ называвшимися кондукторами.

Въ описываемое мною время кондукторская рота главнаго инженернаго училища, гдѣ находился Ѳ. М. Достоевскій, представляла собою совершенно отдѣльный міръ, весьма мало имѣвшій общаго съ остальнымъ учебнымъ міромъ. Это была особая корпорація молодыхъ людей, отъ 14 до 18 и болѣе лѣтъ, у которой были свои преданія, правила и обычаи; хорошо подготовленные въ элементарномъ образованіи, поступавшіе въ училище по конкурентному экзамену, каждый изъ нихъ числился на службѣ и присягалъ съ поступленія въ училище. Въ этомъ маленькомъ міру молодые люди щеголяли своимъ званіемъ, честностью, безпристрастіемъ, уваженіемъ къ личности и другими качествами человѣка, понимающаго свои нравственныя права и обязанности.

Наблюдая за молодежью, изучая ее, насколько у меня доставало способностей и усердія, для правильной оцѣнки характера и наклонностей юношей, ввѣренныхъ моему наблюденію, мнѣ не разъ случалось видѣть и въ часы занятій и во время прогулокъ (рекреацій) кондукторовъ Ѳ. М. Достоевскаго или одного или вдвоемъ, но ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ кондукторомъ старшаго класса Ив. Бережецкимъ. Я никогда не видалъ, чтобы эти молодые люди принимали участіе не только въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ товарищей, но и въ общихъ любимыхъ играхъ (напр., „загонки“); никогда они не ходили въ танцклассъ, бывшій въ ротѣ по вторникамъ и отличавшійся особеннымъ одушевленіемъ, даже не ходили слушать разсказы балладъ Жуковскаго домашняго гудочника, писаря Изумнова, являвшагося по вечерамъ въ рекреаціонную залу, всегда наполненную кондукторами. Часто, подъ разными предлогами, Ѳ. М. или гулялъ съ своимъ товарищемъ въ другихъ камерахъ, или садился заниматься у своего столика, съ огаркомъ сальной свѣчки, вставленной въ жестяной подсвѣчникъ; но любимымъ его мѣстомъ для занятій была амбразура окна въ угловой (такъ называемой „круглой каморѣ“) спальнѣ роты, выходящей на Фонтанку. Случалось нерѣдко, что онъ не замѣчалъ ничего, что кругомъ него

дѣлалось; въ извѣстные установленные часы товарищи его строились къ ужину, проходили по круглой каморѣ въ столовую, потомъ съ шумомъ проходили рекреаціонную залу, къ молитвѣ, снова расходились по каморамъ, а Достоевскій только тогда убиралъ въ столикъ свои книги и тетради, когда проходившій по спальнямъ барабанщикъ (Яргинъ), бившій вечернюю зорю, принуждалъ его прекратить свои занятія. Бывало, въ глубокую ночь можно было замѣтить Ѳ. М. у столика, сидящимъ за работою. Набросивъ на себя одѣяло сверхъ бѣлья, онъ, казалось, не замѣчалъ, что отъ окна, гдѣ онъ сидѣлъ, сильно дуло; щиты, которые ставились къ рамамъ, нисколько не предохраняли отъ внѣшняго холода и особенно это было чувствительно подлѣ окна, гдѣ Ѳ. М. любилъ заниматься. Нерѣдко на замѣчанія мои, что здоровѣе вставать ранѣе и заниматься въ платьѣ, Ѳ. М. любезно соглашался со мною, говорилъ, что ночная тишина, полумракъ спальни, освѣщаемой сальной свѣчей, вставленной въ жестяной шандалъ, располагаетъ къ спокойной работѣ, но складывалъ свои тетради и, повидимому, ложился спать. Однако проходило немного времени, какъ его можно было видѣть опять въ томъ же нарядѣ, у того же столика сидящимъ за его работою. Привычка заниматься ночью осталась у Ѳ. М. до послѣднихъ дней его жизни.

Въ то время нельзя было думать, чтобы предметомъ занятій Ѳ. М. были его серіозные литературные труды; но, зная способности и прилежаніе его по всѣмъ учебнымъ предметамъ, его всегдашнюю готовность помогать товарищамъ, дѣлясь съ ними своими учебными записками, которыя онъ составлялъ за лекціями преподавателей, или составляя для товарищей сочиненія[1]) на заданныя темы по русской литературѣ (В. Т. Плаксина), нельзя было предполагать, чтобы Ѳ. М. Достоевскому не доставало времени для его классныхъ занятій. Я тогда допускалъ, что постоянная усидчивая его работа, особенно письменная, ночью, когда никто ему не мѣшалъ, была литературная и, конечно, не для газеты, издававшейся въ родѣ, подъ названіемъ „Рижскій снятокъ“, а для болѣе серіознаго предмета. Но какая это была работа — отгадать было трудно; самъ Ѳ. М. никому о ней не говорилъ. Только впослѣдствіи, много времени спустя (въ семидесятыхъ годахъ) при одномъ изъ моихъ свиданій съ Ѳ. М. Достоевскимъ, когда я припомнилъ его ночныя письменныя занятія въ ротѣ, и особенно то обстоятельство, что я мѣшалъ ему ночью заниматься, можетъ быть, переводомъ или составленіемъ своего романа „Бѣдные люди“, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно этотъ романъ занималъ его въ училищѣ[2]), но что еще до поступленія своего въ училище, при той средѣ, которая его окружала, онъ составлялъ планъ для повѣсти о „Бѣдныхъ людяхъ“. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ Ѳ. М. говоритъ, что въ 1845 г., въ началѣ зимы, онъ началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“.

---

[1]) По разсказамъ ген.-лейт. Виктора Алексѣевича Родіонова, Ѳ. М. Достоевскій писалъ ему, какъ близкому его товарищу, сочиненія на слѣдующія темы: „Ночь на маневрахъ“, „Ермакъ Тимоѳеевичъ“, „Характеръ Ярослава“.

[2]) Ѳ. М. Достоевскій вышелъ изъ главнаго инженернаго училища, по окончаніи полнаго курса наукъ въ 1843 г. 12 августа.

Часто на дежурствѣ въ училищѣ, я любилъ бесѣдовать съ молодежью и пользовался ихъ сочувствіемъ ко мнѣ. Не буду здѣсь упоминать о тѣхъ кондукторахъ того времени, — нынѣ, увы, почтенныхъ старцахъ, которые уже въ молодые годы своимъ блестящимъ образованіемъ, богатыми способностями и рѣдкими душевными качествами (какъ Г. К. Р. и др.) привлекали къ себѣ не только своихъ товарищей, но и всѣхъ когда-либо съ ними бесѣдовавшихъ. Но, признаюсь, ни одна изъ бесѣдъ съ молодыми людьми того времени не оставляла во мнѣ такого глубокаго впечатлѣнія и грустнаго настроенія, какъ мои бесѣды съ Достоевскимъ. Онъ говорилъ всегда тихо, медленно, съ разстановкою; казалось, это происходило вслѣдствіе физическихъ причинъ — особеннаго устройства его груди, легкихъ или дыхательныхъ органовъ (надо вспомнить его горловую болѣзнь передъ поступленіемъ въ училище, на которую указалъ въ письмахъ А. М. Достоевскій), но совсѣмъ не отъ старанія говорить реторически, изящно и убѣдительно. Самое простое воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, какой-нибудь не важный историческій эпизодъ имъ передавались медленно, но прекрасно, съ особеннымъ, ему свойственнымъ, воодушевленіемъ. Онъ, кажется, сознавалъ самъ, какое впечатлѣніе на слушателя производили его разсказы, и потому любилъ говорить обо всемъ съ одинаковымъ увлеченіемъ, хотя нерѣдко по словамъ его замѣтна была желчность, но, съ другой стороны, въ разсказахъ Достоевскаго заключалось столько же теплоты, сколько и правды.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ, приведу еще нѣсколько словъ объ немъ. Сколько помню, онъ для его товарищей казался мистикомъ или идеалистомъ. Онъ безропотно покорялся всѣмъ требованіямъ военной службы, несмотря на то, что не имѣлъ къ ней призванія; отъ природы своеобычный, но не своенравный, онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ натурамъ, которыя нелегко мирятся съ идеями и поступками общества, если они бываютъ несогласны съ ихъ убѣжденіями. Такого рода личности не поддаются никакимъ давленіямъ, хотя бы это упорство имъ стоило дорого. Таковъ былъ въ юности Ѳ. М. Достоевскій, такимъ онъ оставался и въ преклонные годы, когда постепенно разрушались его силы, когда въ голосѣ его звучали уже ноты отживающаго человѣка, души прекрасной, а въ глазахъ вспыхивалъ прежній блескъ впечатлительнаго юноши, искавшаго въ людяхъ милосердія и справедливости. *Савельевъ.*

Отраженіе характера училища на творчествѣ Достоевскаго.

Инженерное училище не было въ состояніи ни воспитывать ума, ни наполнить его дѣйствительными свѣдѣніями, которыя были бы дороги учащемуся, ни развить въ немъ стремленіе къ наукѣ. Дѣло шло здѣсь о наружномъ, показномъ знаніи, томъ лишь, которое считалось необходимымъ для карьеры. Объ этой карьерѣ юноши забо-

тились и мечтали уже на школьной скамьѣ. Намъ кажется, что недостатокъ серіознаго образованія замѣтенъ во всей литературной дѣятельности Достоевскаго. Онъ проглядываетъ мѣстами въ значительномъ недовѣріи къ наукѣ, цивилизаціи, къ умственной дѣятельности, къ „интеллигенціи“, что все можно найти въ его публицистическихъ статьяхъ послѣднихъ лѣтъ. Правда, недовѣріе это развилось и подъ вліяніемъ цѣлаго особаго круга идей и нигдѣ оно не высказывается положительно. Достоевскій доходитъ даже до заявленія, что „наука страшно нужна народу“, но слова эти сказались, повидимому, случайно и мимоходомъ,—нигдѣ онъ не развиваетъ этой мысли, не говоритъ, что такое эта наука, столь необходимая для народа, и брошенная фраза не вяжется съ общимъ содержаніемъ его излюбленныхъ идей. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ романовъ Достоевскій пробовалъ было вывести личность человѣка, всецѣло отдавшагося наукѣ, увлеченнаго ею до страсти. Изображеніе вышло, однако, крайне блѣднымъ; оно навѣяно было содержаніемъ извѣстныхъ тогда талантливыхъ статей „Дилетантизмъ въ наукѣ“. Увлеченіе наукою въ героѣ Достоевскаго легко уступило предъ галлюцинаціями. Самъ авторъ, дѣлая характеристику своего героя, говоритъ, что въ немъ „было болѣе безсознательнаго влеченія, нежели логически-пытливой причины учиться и знать, какъ и во всякой другой, даже самой мелкой дѣятельности“, что въ его уединенныхъ занятіяхъ не было порядка и опредѣленной системы, а былъ „одинъ только первый восторгъ, первый жаръ, первая горячка художника“. („Хозяйка“, стр. 6—7.)

Есть большое основаніе думать, что Достоевскій, даже и въ поздніе годы, не любилъ мѣста своего воспитанія, относился къ нему съ ненавистью. „Проклятіе на эту школу, на эти ужасные, каторжные годы!“ говоритъ одно изъ лицъ, какія онъ любилъ изображать, поломанное воспитаніемъ и жизнью. Зная характеръ произведеній Достоевскаго, читая о его личности, нельзя не притти къ увѣренности, что въ словахъ этихъ сохранились собственныя горькія впечатлѣнія его. „Весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ годахъ моей школьной жизни и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго и дико на все озиравшагося“. Та же ненависть наполнила его сердце и по отношенію къ школьнымъ товарищамъ, начиная съ ихъ наружнаго вида: „Какія глупыя были у нихъ лица! Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собою дѣтей поступило къ намъ! Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился: меня ужъ и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игръ, разговоровъ... Они привыкли поклоняться одному успѣху. Все, что было справедливо, но унижено и забито,—надъ тѣмъ они жестокосердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ.

Конечно, много тутъ было отъ глупости, отъ дурного примѣра, безпрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости“. („Зап. изъ Подполья“, стр. 67, 74—75.)

Къ этой характеристикѣ училища, въ которой мыслящій современникъ Достоевскаго едва ли найдетъ что-либо преувеличенное, надобно присоединить и общій характеръ тогдашняго воспитанія нашего въ военныхъ и полувоенныхъ училищахъ, памятный многимъ. Все направлено было къ тому, чтобъ изъ человѣка сдѣлать неразсуждающую машину, слѣпое исполнительное орудіе чужой воли. Кому изъ наблюдателей жизни того времени неизвѣстна, напр., пресловутая „Инструкція“ учителямъ военно-учебныхъ заведеній, направленная къ подавленію „духа“ въ мальчикахъ, но вмѣстѣ съ этимъ духомъ, какъ бы для большаго его униженія, убивалось и тѣло. Тѣлесныя наказанія, часто въ невозможныхъ размѣрахъ, были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. „Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени, за самые маловажные проступки и за незнаніе уроковъ, производилась регулярно по субботамъ порка, а въ Дворянскомъ полку бывали примѣры, что за простую ошибку при фронтовомъ ученіи выносили изъ манежа на простыняхъ почти до полусмерти засѣченныхъ юношей“ говоритъ одинъ изъ современниковъ, прошедшихъ тогдашнюю школу. (А. К. Б—къ, „Воспоминанія объ Институтѣ Путей Сообщенія“. „Русск. Ст.“ 1880 г. XXVIII, 653.)

Холоднымъ ужасомъ, доводящимъ до нервной дрожи, вѣетъ отъ многочисленныхъ, къ несчастью, воспоминаній, оставленныхъ намъ современниками о страшныхъ порядкахъ, господствовавшихъ въ то время, когда Достоевскій учился въ инженерномъ училищѣ, во многихъ нашихъ военныхъ, полувоенныхъ и даже гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Молоху системы и дисциплины сознательно приносились въ жертву молодыя натуры. Кто изъ современниковъ Достоевскаго, людей 40-хъ годовъ, не сохранилъ въ душѣ тяжелыхъ воспоминаній объ этой унижающей, убивающей человѣческое достоинство школѣ? А эти случаи, къ несчастію нерѣдкіе, когда дѣтей и юношей, въ полной формѣ, блѣдныхъ и дрожащихъ, но выровненныхъ и въ строю, заставляли присутствовать, вѣроятно, „для примѣра“, при гнусныхъ и звѣрскихъ истязаніяхъ! „Боже милостивый! Какъ изгладить изъ памяти эту омерзительную, оскорбительную, за сердце хватавшую сцену!“ вспоминаетъ со скорбью одинъ изъ невольныхъ несчастныхъ свидѣтелей подобной сцены, длившейся около получаса. Мрачная картина осталась въ душѣ. Она надрывала гордость, заставляла страдать, возбуждала ненависть.

Впечатлительный, съ болѣзненною натурою, съ предрасположеніемъ къ нервнымъ припадкамъ, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, Достоевскій легко могъ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Онѣ должны были остаться на всю жизнь въ его памяти страшнымъ и мучительнымъ кошмаромъ. Человѣкъ съ такою организаціею, какъ у него, и принижался и озлоблялся въ одно и то же время. Мы понимаемъ,

какое печальное отраженіе должно было имѣть подобное воспитаніе, такія впечатлѣнія на литературное творчество его. Сколько мучительныхъ образовъ и сценъ, на которыхъ онъ безпощадно и долго останавливается, дѣйствуя возбуждающимъ образомъ на нервы читателя, должны были дать ему школьныя воспоминанія. Мы понимаемъ, что много злобы, много желчи, накопившихся съ лѣтами, долженъ онъ былъ внести въ тѣ изображенія нечеловѣческихъ страданій, въ тѣ картины, полныя безумнаго безобразія, которыя выходили иногда изъ-подъ пера его, что бы тамъ ни говорили о его добродушіи и любви. Литературный талантъ Достоевскаго воспитался подъ тяжелыми жизненными впечатлѣніями и походилъ на ту „блѣдную, всю въ крови Музу" ему современнаго русскаго поэта, которая вела его „чрезъ бездны темныя насилія и зла". *Буличъ.*

Общественное настроеніе времени Достоевскаго.

Время, когда Ѳедору Михайловичу Достоевскому пришлось начать свою писательскую дѣятельность, было тяжелымъ и душнымъ временемъ. О немъ нынче нерѣдко вспоминаютъ какъ о времени блаженной тишины и покоя, и, разумѣется, оно не было лишено ни своихъ хорошихъ сторонъ ниже доблестей. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно страдало однимъ кореннымъ недостаткомъ, изъ коего проистекли многія бѣдствія нашего отечества. Въ то время, говоря завѣтнымъ словомъ Кикина, было „тѣсно мыслить". Мысль была не только отдана подъ строгій надзоръ, но подвергалась усиленной во многихъ отношеніяхъ герметической закупоркѣ. Даже о мелочныхъ несовершенствахъ, свойственныхъ тому времени, конечно, никакъ не менѣе, чѣмъ всякому другому, нельзя было и слова пикнуть въ печати; еще сильнѣе возбранялись думы о возможности коренныхъ измѣненій въ отношеніяхъ между господами и крѣпостными, или упоминанія о важности гласности въ судѣ. Мечтавшіе о такихъ вещахъ въ частныхъ разговорахъ отдавались подъ полицейскій надзоръ, хотя бы въ ихъ мечтаніяхъ и не было ничего революціоннаго. Подъ такими условіями въ обществѣ все болѣе и болѣе усиливалось отрицательное направленіе; оно получило къ тому великое подкрѣпленіе въ начавшейся на Западѣ критикѣ соціальныхъ отношеній, сопровождавшейся мечтаніями не только о болѣе правильномъ ихъ устройствѣ по почину правительства, но и планами о полномъ переустройствѣ человѣческихъ обществъ на новыхъ началахъ, о водвореніи на землѣ соціальнаго рая, хотя бы революціонными средствами.

Обо всемъ этомъ съ большимъ или меньшимъ жаромъ и таинственностью толковалось въ различныхъ петербургскихъ кружкахъ. Направленіе большинства такихъ толковъ было чисто-теоретическое, отвлеченное. Излагались тѣ или иныя пожеланія, какъ pia desiderata; выражаемая при этомъ надежда на ихъ осуществленіе въ будущемъ

рѣдко сопровождалась реальнымъ представленіемъ о томъ, какъ именно, въ какой формѣ вожделѣннымъ мечтамъ суждено обнаружиться въ дѣйствительности. Ближе всего было мечтать о формахъ уже существовавшихъ въ Западной Европѣ. Умъ, привыкшій къ безпочвенному блужданію, къ отвлеченному представленію высшихъ, какъ думалось, формъ гражданственности, либо останавливался на какой-нибудь западной доктринѣ и цѣпко держался за нее, какъ за якорь спасенія, либо подвергалъ критикѣ и эту доктрину,—критикѣ, впрочемъ, не самостоятельной, а взятой напрокатъ у болѣе передовыхъ, какъ полагалось, мыслителей Запада. Крайнія ученія невольно привлекали къ себѣ умы наиболѣе пытливые и дѣятельные.

Та же отвлеченность господствовала и во взглядахъ относительно средствъ, при помощи коихъ возможно осуществленіе вожделѣнныхъ мечтаній. Весьма многіе уповали, что ихъ мечты, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, получатъ, наконецъ, санкцію правительства; понятно, однако, что чѣмъ крайнѣе были мечтанія, тѣмъ осуществленіе ихъ чрезъ правительственныя дѣянія казались менѣе вѣроятными. Тотъ же Западъ, откуда шли ученія, указывалъ и на средство, уже испытанное, ихъ осуществленія, именно на революцію. И тутъ большинство, даже изъ неотвергавшихъ революціи въ принципѣ, считало ее въ Россіи если не невозможной, то черезчуръ отдаленной.

При такой почти общей настроенности общества, люди болѣе вѣрующіе въ святость крайнихъ ученій и болѣе пылкіе, конечно, невольно приходили къ заключенію, что нельзя ограничиваться одними разговорами, а слѣдуетъ всѣми мѣрами способствовать какъ распространенію ученій, такъ и торжеству ихъ въ дѣйствительности. Достоевскій, при самомъ началѣ литературнаго поприща, по его выраженію, былъ посвященъ Бѣлинскимъ „во всю правду грядущаго обновленнаго міра и во всю святость будущаго коммунистическаго общества". Позже онъ примкнулъ къ другимъ кружкамъ, гдѣ толки о необходимости тѣхъ или иныхъ государственныхъ реформъ чередовались съ изложеніемъ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій. Главою одного изъ нихъ былъ Дуровъ; другого — Буташевичъ-Петрашевскій; оба кружка находились между собою въ тѣсной связи. Всѣ члены кружка были болѣе или менѣе завзятыми фурьеристами; у нихъ была своя библіотека „запрещенныхъ" сочиненій. Въ своихъ мечтахъ о возможности возстанія они полагали, что на ихъ сторонѣ будутъ крѣпостные и раскольники. Весьма трудно сказать положительно, составляли ли члены кружковъ правильно организованное тайное общество, имѣвшее опредѣленную цѣль и планъ дѣйствія; самъ Ѳедоръ Михайловичъ, впрочемъ, утверждалъ, что „тутъ былъ цѣлый заговоръ и все, что и въ послѣдующихъ заговорахъ, кромѣ посягательствъ".

Аверкіевъ.

Отношеніе Достоевскаго къ соціальнымъ ученіямъ.

Молодая литературная дѣятельность Достоевскаго была неожиданно и насильственно прервана въ началѣ 1849 г. слѣдствіемъ, судомъ и ссылкою въ каторжныя работы за его участіе въ обществѣ молодыхъ людей съ противогосударственнымъ направленіемъ. Это направленіе заключало въ себѣ цѣлый и законченный кругъ идей, могущественныхъ по своему содержанію и по тому, что онѣ близко и непосредственно касались самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни, давали на многое положительный отвѣтъ и, слѣдовательно, не могли не увлечь тогдашнее молодое поколѣніе, у котораго въ прошедшемъ не было никакихъ воспоминаній, ничего дорогого, а настоящее представляло возможность лишь безцвѣтной и безполезной дѣятельности, не удовлетворявшей ни умъ ни сердце. Покойный Достоевскій не разъ въ своихъ сочиненіяхъ возвращался къ воспоминаніямъ объ этихъ увлеченіяхъ своей молодости. Идеи, которыя волновали тогда его и значительный кружокъ современниковъ, разумѣется, въ общемъ отвлеченномъ своемъ видѣ, имѣли близкое отношеніе къ направленію и содержанію его разсказовъ; мы думаемъ даже, что общій фонъ ихъ, конечно, съ примѣсью многаго пережитаго потомъ и вслѣдствіе страданій и вслѣдствіе долгой и мучительной, прерываемой лишь столь же мучительными нервными припадками, думы о Россіи, остался и въ послѣднихъ его сочиненіяхъ, особенно въ его мысляхъ о народѣ, о нашихъ отношеніяхъ къ Европѣ, о государственности, о наукѣ. Теперь необходимо познакомиться съ тѣмъ, что въ сороковые годы волновало душу Достоевскаго и его сверстниковъ.

Безъ изученія духовнаго міра, въ которомъ необходимо живетъ писатель — произведенія и личность всегда будутъ неясны. Мы обязаны здѣсь сказать о распространеніи у насъ идей соціализма и, пожалуй, коммунизма, которыя имѣли такую широкую теоретическую разработку во Франціи во время реставраціи Бурбоновъ и при іюльской монархіи, какъ совершенно новыя ученія объ обществѣ, и только съ февральской революціи получили возможность заявить о себѣ практическими попытками. Это-то послѣднее обстоятельство, это стремленіе соціализма къ практическому осуществленію великолѣпныхъ, но фантастическихъ грезъ, и было причиною жестокаго преслѣдованія у насъ молодыхъ мечтателей. Въ самыхъ общихъ чертахъ, и какъ онѣ отчасти высказывается потомъ у Достоевскаго, идеи эти вовсе не новыя, такъ какъ общественныя утопіи появляются въ каждомъ вѣкѣ, состояли въ слѣдующемъ.

Революція въ концѣ вѣка, стоившая такъ много усилій, крови, человѣческихъ жертвъ, произошла къ выгодѣ лишь одного класса въ обществѣ — средняго сословія, которое собственно и произвело ее. Этотъ фактъ въ особенности сдѣлался яснымъ послѣ іюльскаго переворота. Рабочіе классы во Франціи, — а они составляютъ большинство, —

находились подъ гнетомъ капитала и того, что еще оставалось изъ феодальной системы, между тѣмъ какъ они-то собственно, на языкѣ социалистовъ-теоретиковъ, и представляютъ работающихъ пчелъ въ обществѣ трутней. И вотъ мало-по-малу возникаетъ убѣжденіе, что всякая политическая реформа ничтожна, что она не даетъ счастія человѣку, что необходимо радикальное переустройство общества на началахъ, проповѣданныхъ Христомъ, на началахъ взаимной любви, общаго труда, нравственной связи между членами общества. Общество, посреди котораго поднимались новые пророки во Франціи, не только въ ихъ пламенныхъ діатрибахъ, но и въ историческомъ знакомствѣ съ нимъ, представляло такое печальное зрѣлище, что становится понятнымъ появленіе утопистовъ. Это общество было міромъ лжи, міромъ эксплоатаціи одного общественнаго класса другимъ, матеріализма, проникавшаго до мозга костей, жажды денегъ и лишь матеріальныхъ наслажденій. Изъ-за денегъ и изъ-за этой жажды люди шли на воровство, на подкупы, на обманъ, торговали собой. Старая вѣра, которая въ средніе вѣка сдерживала эту войну всѣхъ противъ всѣхъ, и была, дѣйствительно, нравственною связью въ обществѣ, подорванная философскою мыслью XVIII в., потеряла свое значеніе, почти исчезла. Утописты, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ, понимали эту пустоту; ихъ сердце страдало отъ нея, и они думали, что возстановляютъ вѣру, основанную на любви къ человѣчеству, къ слабымъ и забитымъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Они вѣрили и учили, что въ христіанствѣ заключена глубокая зиждительная сила, что исторія есть осуществленіе христіанства, что христіанство прогрессивно, и что ученіе, заключенное въ словахъ: „Царство Мое не отъ міра сего", есть только односторонность, что Христосъ отрицалъ только этими словами Свою земную власть, какъ царя. Умирающій Сенъ-Симонъ говорилъ на смертномъ одрѣ любимому ученику своему Родригецу: „Помни, что религія не можетъ исчезнуть изъ міра, что философія подорвала лишь одряхлѣвшее католичество, что вѣра измѣняется вмѣстѣ съ человѣчествомъ". Религія, согласно ученію Сенъ-Симона, должна направить всѣ общественныя силы къ нравственному и матеріальному улучшенію самаго бѣднаго класса въ обществѣ. Это тотъ „народъ" съ его „идеалами", заложенными въ его душу, о которомъ такъ много рѣчей слышимъ мы въ послѣднее время. Онъ-то является носителемъ всякой правды, новымъ „распятымъ Христомъ" на языкѣ радикально-демагогическаго аббата Ламеннэ. Его „Paroles d'un croyant" и „Le livre du peuple" своими апокалиптическими, страстными образами, своими выраженіями, проникнутыми то глубокою нѣжностью, то суровой жестокостію, сливали соціальныя ученія съ христіанствомъ. Двѣ главныя идеи пущены были въ оборотъ Сенъ-Симономъ, какъ идеи „новаго" „христіанства; это освобожденіе женщины" и „искупленіе (rehabilitation) плоти". Явился новый типъ женщины „съ гордостію женскаго запроса, съ непримиримостію цѣломудрія съ порокомъ, съ отказомъ отъ всякихъ уступокъ пороку, съ безстрашіемъ, съ которымъ невинность воздвигается на

борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ". (Дост. „Дневн. Пис." 1876, 155.) Явился новый здоровый міръ человѣческихъ отношеній, чуждый того аскетизма, который такъ часто переходитъ въ развратъ, и плѣнительныя грезы человѣческаго счастія на землѣ, основаннаго на осуществленіи великаго христіанскаго принципа любви, казались возможными къ осуществленію, трудъ для этого осуществленія—увлекательнымъ. Широкія и прозрачныя, озаренныя сіяющимъ солнцемъ счастія, открывались восторженнымъ глазамъ молодыхъ мечтателей переспективы будущей жизни человѣчества.

„Исторія этого движенія (соціализма) извѣстна"; говоритъ Достоевскій, „оно продолжается до сихъ поръ, и, кажется, вовсе не намѣрено останавливаться". Я не имѣю возможности подробно говорить о дальнѣйшемъ развитіи утопій до 1848 г., о метафизическихъ системахъ соціализма, какъ у Фурье, о практическихъ, большею частію, неудачныхъ попыткахъ разныхъ утопистовъ, но считаю нужнымъ замѣтить, что вмѣстѣ съ чрезвычайно ѣдкою и вполнѣ справедливою критикою современнаго общества, вмѣстѣ съ положительнымъ недовѣріемъ ко всякой политической реформѣ, съ презрѣніемъ представительства, съ насмѣшкамм надъ парламентской борьбою, въ соціализмѣ того времени проповѣдывалось примиреніе даже съ диктатурою и со всякою абсолютною властью, лишь бы оно взялось за осуществленіе утопіи. Соціализмъ готовъ былъ всегда пожертвовать личною свободою человѣка въ пользу всякой сильной власти, забывая, что подобная жертва ведетъ къ паденію общества. Проповѣдывалось утопистами также, и естественно должно было проповѣдываться, по логикѣ идеи, недовѣріе къ цивилизаціи и наукѣ, выработанной вѣковыми усиліями человѣчества. Это явленіе въ сочиненіяхъ соціальныхъ утопистовъ не разъ повторяется со времени знаменитаго отвѣта Руссо на вопросъ, заданный Дижонской академіей. На что была цивилизація утопистамъ, когда они были увѣрены, что она не приноситъ счастья, что она не развиваетъ нравственности, что недаромъ ея, какъ огня, боятся дикіе народы, когда имъ приходится сталкиваться съ европейцами, что этотъ наносный европеизмъ есть несчастіе для народа, который въ своемъ естественномъ состояніи гораздо богаче добродѣтелями и высокими человѣческими чувствами, чѣмъ проникнутое ложью европейское общество. Цивилизація и наука годятся только для богатыхъ. Объ успѣхахъ ихъ хлопотать не стоитъ. Зато для массы, въ фантастическихъ грезахъ Фурье, напримѣръ, разомъ и даромъ раскрывались тайны неслыханнаго счастія, на работу для котораго призывалось человѣчество. Національныя границы падали; народъ поглощался океанскою волною человѣчества, и призваніе утописта было стать *все-человѣкомъ*. Тогда и назначеніе русской народности, напр., по словамъ Достоевскаго, будетъ „стремленіе въ конечныхъ цѣляхъ ея ко всемірности и всечеловѣчности".

Въ ту эпоху соціализма, о которой говоримъ мы, соціальныя ученія увлекали лучшихъ людей въ Европѣ, да и не могли не увлекать, представляя такую возвышенную цѣль для стремленій. Тогдашніе

пророки соціализма невольно возбуждали къ себѣ сильныя симпатіи своею глубокою преданностію ученію, для котораго они готовы были на страданія, и, дѣйствительно, страдали неумолимымъ логическимъ упорствомъ и возвышенными нравственными личностями, какъ у Фурье. Но увлекавшіеся въ Европѣ были люди науки — философской думы или принимавшіе участь въ государственной жизни. Для нихъ утопія переработалась въ положительное знаніе или способствовало тому, что на трибунѣ и въ палатахъ, при гласномъ обсужденіи, имъ удалось провести мѣры, помогавшія дѣйствительному благосостоянію народа. Въ Европѣ увлеченіе соціальными теоріями принесло пользу, оно поколебало рутину, и въ экономическій міръ прошли новые элементы. У насъ причины распространенія въ молодомъ интеллигентномъ поколѣніи соціальныхъ идей того времени были, конечно, иныя, но не менѣе дѣйствительныя, имѣвшія свой raison d'être. Главная и существенная причина, употребляя выраженіе самого Достоевскаго, это „отсутствіе высшихъ цѣлей жизни", а тутъ разомъ давалась такая высокая цѣль для нея, что духъ захватывало. Правда, Достоевскій объясняетъ это увлеченіе у насъ крайними теоріями европейскими тѣмъ обстоятельствомъ, что это было „отрицаніе Европы" и ея культуры, будто-бы намъ ненавистной съ самаго Петра, чуждой во многомъ, слишкомъ во многомъ русской душѣ, что это былъ естественный „законный протестъ" во имя русизма. (*Дневн.*, 1876, 158), но едва ли это такъ. Соціальныя теоріи были продуктомъ длинной европейской же исторіи, необходимымъ звеномъ въ ея развитіи; ихъ первоначально рѣзкій характеръ сгладился; ихъ содержаніе не пропало даромъ; ихъ отрицаніе имѣло положительные результаты. Нѣтъ, не эти причины способствовали у насъ увлеченію соціализмомъ въ 40-е годы. „У насъ, русскихъ, — двѣ родины: наша Русь и Европа", говоритъ самъ Достоевскій. „Естественно, что могучія имена и вліятельныя идеи Европы" переманили отъ насъ, изъ нашей вѣчно созидающейся Россіи, слишкомъ много думъ, любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогихъ убѣжденій" (тамъ же, 149). Молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ, въ которомъ тогдашнее воспитаніе преднамѣренно вытравливало эту „святую и благородную силу порыва" и сознательно бросало въ грубый матеріализмъ, въ погоню за наживой и карьерой, охраняемое бдительной цензурой, лишенное возможности какой-либо удовлетворявшей сердце и полезной дѣятельности, надломленное, больное и тоскующее, разорванное съ отцами, ушедшими въ Сибирь за свой либерализмъ, или придавленными и прижатыми до нѣмоты, должно было съ жадностію броситься въ эти теоріи, сулившія ни болѣе ни менѣе какъ благо цѣлаго человѣчества. У насъ это былъ не тотъ разъѣдающій, горькій соціализмъ, который носитъ въ душѣ озлобленный парижскій рабочій, — это было мирное кабинетное занятіе весьма любопытными теоріями, которыя въ ту пору едва ли могли найти какое-либо примѣненіе на русской почвѣ. Достаточно замѣтить, что на вечерахъ у Петрашевскаго съ обсужденіемъ соціаль-

ныхъ теорій, чтеніемъ и разборомъ системы Фурье, шли, напримѣръ, уже чисто *либеральные* разговоры о „табели о рангахъ, о цензурномъ гнетѣ, объ освобожденіи крестьянъ, о преобразованіи судопроизводства, т. е. о судѣ присяжныхъ, о гласности въ печати, какъ необходимомъ условіи всяческаго успѣха въ странѣ, вообще о „тогдашнемъ положеніи“, какъ выражается Достоевскій. Соціализмъ къ этимъ *либеральнымъ* вопросамъ остается вполнѣ равнодушенъ. Соціализмъ, кромѣ того, являлся запретнымъ, а потому сильно возбуждающимъ плодомъ; Европа занималась имъ очень сильно, именно въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ. „У насъ“, говоритъ Достоевскій, „несмотря ни на какихъ Магницкихъ и Липранди, еще съ прошлаго столѣтія всегда тотчасъ же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ и тотчасъ же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллигенціи передавалось и массѣ хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей“ (*Дневн.* 1876 г., 152).

Такъ было съ соціальными теоріями 40-хъ годовъ, вызвавшими преслѣдованіе власти лишь тогда, когда послѣ революціи 1848 г. соціализмъ превратился въ политическое движеніе, и французское правительство стало считаться съ нимъ, какъ съ силою. До тѣхъ поръ это были лишь увлекательныя мечты о человѣческомъ счастьѣ, то „новое слово“, котораго жаждало тоскующее и больное поколѣніе. Мысль, несмотря на запреты, проходила и дѣлала свое дѣло. Еще въ 30-хъ годахъ между студентами Московскаго университета явились послѣдователи церкви сенъ-симонистовъ, какъ она образовалась въ rue Monsigny. Неизвѣстно, насколько тѣ молодые люди проникнуты были новымъ ученіемъ, насколько они вѣрили въ сенъ-симонизмъ, но, конечно, съ жадностію читали книги съ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ содержаніемъ, увлекались страстною преданностію идеѣ о благѣ человѣчества послѣдователей Сенъ-Симона и въ подражаніе имъ, въ угоду естественности, отпускали длинные волосы и бороды. То были внѣшіе признаки сенъ-симонистовъ и потому собственно такъ и преслѣдовались. Московскіе сенъ-симонисты пострадали. Не прошло, однако, и десяти лѣтъ, какъ соціальныя теоріи нашли множество послѣдователей въ Петербургѣ. Ученіе Сенъ-Симона смѣнилось теперь болѣе развитою, хотя нѣсколько дикою по терминологіи и метафизикѣ системою Фурье; его сочиненія и послѣдователей его, особенно декламаціи Пьера Леру изучались, комментировались, дебатировались. Разумѣется, весь этотъ кругъ идей никоимъ образомъ не могъ проникнуть въ печатное слово, а если и проникалъ чрезвычайно въ рѣдкихъ случаяхъ (напр. „Карманный словарь иностранныхъ словъ“ Кириллова, С.-Пб. 1849), то явленіе это было контрабандою. Эти „новыя идеи въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества. Мы еще задолго до Парижской революціи 1848 г. были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей“ (Достоевскій въ *Дневн.* Гражданина 1873 г., стр. 1351). Въ своихъ позднѣй-

шихъ, къ сожалѣнію, весьма краткихъ воспоминаніяхъ объ этомъ любопытномъ періодѣ своей жизни Достоевскій вноситъ уже ретроспективную критику этихъ теорій. Онъ говоритъ, напримѣръ, о „презрѣніи къ отечеству, какъ тормазу во всеобщемъ развитіи“ въ тогдашнихъ увлеченіяхъ; напротивъ, намъ кажется, что въ этомъ увлеченіи была своего рода любовь и къ отечеству и къ своему народу; увлекающіеся смотрѣли тогда на свой народъ какъ на такой, которому, по условіямъ его быта, всего ближе и удобнѣе осуществить идею общечеловѣчности, послужить всему человѣчеству, — мысль, высказываемая, какъ кажется, и самимъ Достоевскимъ въ концѣ его жизни.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ Достоевскій познакомился съ соціализмомъ. Самъ онъ разсказываетъ, что въ идеи тогдашняго теоритическаго соціализма, во „*всю* правду этого грядущаго обновленнаго міра“ онъ былъ уже въ 1846 г. *посвященъ* Бѣлинскимъ. Едва ли это такъ. Въ большой біографіи критика мы не находимъ упоминанія объ отношеніяхъ его къ соціализму, съ которымъ онъ, конечно, былъ знакомъ, да и не могъ не быть знакомымъ, принадлежа къ числу образованнѣйшихъ людей въ Россіи и живя въ тѣсномъ кругу самыхъ даровитыхъ и развитыхъ, весьма немногочисленныхъ друзей. Что онъ любилъ Россію и страстно желалъ ея счастія, не мечтательнаго, а дѣйствительнаго, не на словахъ, а на дѣлѣ, доказательствомъ служатъ всѣ его сочиненія. Вопросы, которые занимали его въ эти мрачные, послѣдніе годы его жизни, были тѣ, которые стояли на очереди и нашли болѣе или менѣе полное разрѣшеніе въ послѣднее приснопамятное царствованіе, вопросы, къ большинству которыхъ соціализмъ равнодушенъ; это были „рядомъ съ освобожденіемъ слова и печати, отмѣна крѣпостного права, улучшеніе суда, расширеніе образованія, освобожденіе личности, освобожденіе женщины отъ тѣхъ наиболѣе грубыхъ стѣсненій, какія ее окружали“ и т. д. (Пыпинъ, Бѣлинскій, 2,345). Для Бѣлинскаго, во всю его жизнь, умственный прогрессъ, на которомъ лишь основываются и нравственные успѣхи общества, былъ всего дороже. Въ извѣстномъ письмѣ его къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями“ мы не найдемъ соціализма. Притомъ, по свидѣтельству самого Достоевскаго, онъ очень скоро разошелся съ Бѣлинскимъ, хотя и не объясняетъ причины разлада: была, вѣроятно, и значительная разница въ убѣжденіяхъ. Эта разница сказалась именно въ соціальныхъ взглядахъ: „Посмотрите на Ж. Зандъ“, пишетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, въ тѣхъ ея романахъ, *гдѣ рисуетъ она свой идеалъ общества:* читая ихъ, думаешь, что читаешь переписку Гоголя (тамъ же, 320). А для Достоевскаго Ж. Зандъ была учительницею. „Она принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщинъ... Это одна изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе *счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество,* въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь и именно потому, что сама въ душѣ своей способна была воздвигнуть идеалъ. Сохраненіе этой вѣры до конца обыкновенно составляетъ удѣлъ всѣхъ высокихъ

душъ, всѣхъ истинныхъ человѣколюбцевъ... Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости (*Дневн.* 1876, 155—156).

Со всѣмъ пыломъ души, на который способна только молодость, Достоевскій и его товарищи отдались этому захватывающему содержанію новыхъ идей. Все толкало ихъ въ очарованный кругъ: окружающее ихъ безправіе, ложь въ обществѣ и господство фразы, задавленное слово, ничтожество и фальшивая реторика воспитанія и ученія, изобилующаго фразами о направленіи, а не сущностію, не знаніемъ, господство кулака и гнетъ надъ крѣпостными, казнокрадство и взятки и т. д. Это были убѣжденные, страстно преданные идеѣ люди. „Мы Петрашевцы“, говоритъ Достоевскій, „стояли на эшафотѣ и выслушали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ; но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій... То дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ — представлялись намъ не только не требующимъ раскаянія, но даже чѣмъ-то очищающимъ, мученичествомъ, за которое много намъ простится“ (*Дневн.* въ Гражд. 1352). Такая сила убѣжденій и такая преданность возможна только тогда, когда душа исполнена идеаломъ и вѣрою. Можно согласиться съ Достоевскимъ, что въ стремленіяхъ этой погибшей тогда молодежи было весьма мало русскаго и народнаго, но виновата ли она за свое полное безсиліе, за полную невозможность служить бодро и дѣятельно родной странѣ? Поневолѣ приходилось гоняться за общечеловѣческимъ, когда своей работы не было. Одинъ изъ товарищей Достоевскаго, весьма талантливый поэтъ, въ небольшой, вышедшей въ 1846 г. книжкѣ своихъ стихотвореній, которыя потомъ не перепечатывались имъ (А. И. Плещеевъ), прямо говоритъ о своемъ поэтѣ, который, по словамъ тогдашняго пророка молодого поколѣнія французскаго поэта Ог. Барьбье, долженъ быть „un protestant sublime du droit et de l'humanité:“

Но простодушно вѣрилъ онъ,
Что не напрасны тѣ стремленья,
И прозрѣвалъ онъ въ отдаленьи
Священной истины законъ.
Ему твердили съ укоризной,
Что не любилъ онъ край родной:
Онъ міръ считалъ своей отчизной
И человѣчество семьей!
И ту семью любилъ онъ страстно,
И для ея грядущихъ благъ
Истратить былъ готовъ всечасно
Избытокъ юныхъ силъ въ трудахъ.

Мы не станемъ говорить о томъ, какъ и чѣмъ заплатили эти русскіе юноши за свои „общечеловѣческія увлеченія“, потому что имѣемъ дѣло лишь съ Достоевскимъ и его сочиненіями, стараемся объяснить ихъ смыслъ. Смерть этого великаго писателя вызвала въ печати нѣсколько воспоминаній, нѣсколько подробностей о забытомъ и темномъ политическомъ процессѣ, такъ называемыхъ „петрашевцевъ“,

но до сихъ поръ вполнѣ неясно, что собственно было въ немъ политическаго. Какъ извѣстно, и Достоевскій пострадалъ за свои соціальныя теоріи, но въ особенности за чтеніе и распространеніе письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу „Переписки“ послѣдняго. Въ этомъ письмѣ не было соціальныхъ теорій, ничего общечеловѣческаго; оно касалось насущныхъ, кричащихъ нуждъ Россіи, хотя въ наболѣвшей душѣ критика вылилось въ рѣзкую форму. Замѣтимъ, что это злосчастное письмо распространилось тогда такъ же быстро между читающей и думающей Россіей, конечно, въ молодомъ ея поколѣніи, какъ за двадцать пять лѣтъ[1]) до того времени Грибоѣдовская комедія. Возможно ли было не интересоваться содержаніемъ послѣдняго произведенія только что умершаго всѣми уважаемаго учителя, въ которомъ онъ высказалъ самыя лучшія задушевныя мысли и высказалъ въ упрекъ величайшему художественному таланту родины?

Для Достоевскаго настало время заточенія, каторжной работы, жизни посреди „погибшаго народа“ (tra la perduta gente у Данта), тяжелой солдатской службы, лишенной всякихъ правъ, одиннадцать лѣтъ страданія, невозможныхъ оскорбленій человѣческой личности, уединенной мрачной думы и усилившихся нервныхъ припадковъ, естественно отразившихся на его творчествѣ. Но „ничто не сломило насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаніемъ исполненнаго долга“ говоритъ онъ самъ. Въ эту пору и совершился въ немъ „возвратъ къ народному корню“ и назрѣли тѣ послѣднія его сочиненія и тѣ думы, часто полныя противорѣчій, которыя окружили его имя чрезвычайною популярностію. *Буличъ.*

Участіе Достоевскаго въ кружкахъ того времени, его арестъ и ссылка.

Кончина Ѳ. М. Достоевскаго вызвала явленія, какихъ не бывало до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ. Еще при слухахъ о внезапной болѣзни его люди, совсѣмъ незнакомые, съ участіемъ освѣдомлялись о его здоровьѣ; а когда сдѣлалось извѣстнымъ, что его не стало, въ скромное помѣщеніе умершаго съ утра до поздней ночи сходились толпы поклониться его праху. Тутъ были государственные сановники, литераторы, артисты, учащаяся молодежь и женщины изъ разныхъ слоевъ столичнаго общества. Вѣсть о томъ, что Государь пожаловалъ пенсію вдовѣ и обезпечилъ воспитаніе дѣтей покойнаго, вызвала общую признательность.

На выносъ тѣла Достоевскаго стеклись тысячи народа: его провожали съ вѣнками представители разныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, депутаціи отъ городскихъ обществъ обѣихъ столицъ. Еще больше выразилось сочувствіе къ покойному на другой день, при самомъ по-

---

[1]) Статья написана въ 1881 г.

гребеніи, въ храмѣ и на могилѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. Его хоронили не родные, не друзья — его хоронило *русское общество.* И эти оваціи не были придуманы какимъ-нибудь кружкомъ, а сложились подъ вліяніемъ одного общаго чувства утраты, съ одной общей мыслью почтить любимаго писателя и гражданина. Ѳ. М. Достоевскій создалъ себѣ въ нашей литературѣ исключительное положеніе: онъ не стоялъ въ рядахъ какой-нибудь партіи или школы; это былъ представитель всего русскаго общества, всецѣло проникнутый его интересами, одушевленный вѣрою въ молодыя русскія силы, полный сочувствія ко всему неправо униженному и оскорбленному и никогда не терявшій надежды на будущую великую роль горячо любимаго имъ народа. Вотъ почему Достоевскій болѣе, чѣмъ кто другой изъ нашихъ талантливыхъ писателей, былъ дѣятель общественный и почему утрата его отозвалась во всей Россіи.

Въ большинствѣ нашей публики понятія о Достоевскомъ очень поверхностны: знаютъ, что онъ воспитывался въ инженерномъ училищѣ, недолго былъ на службѣ, выступилъ въ литературное поприще романомъ „Бѣдные люди"; по дѣлу Петрашевскаго былъ сосланъ въ Сибирь, а по возвращеніи оттуда цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ сочиненій сталъ въ первомъ ряду лучшихъ современныхъ писателей.

Болѣе чѣмъ тринадцатилѣтнее знакомство съ покойнымъ, прерванное только годами его ссылки, даетъ мнѣ возможность сообщить о немъ нѣкоторыя подробности, нелишнія для будущей полной біографіи его.

Познакомился я съ Ѳ. М. Достоевскимъ зимою 1848 г. Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи. Съ первыхъ дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отозвались возстаніями въ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ; взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой; наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабанднымъ путемъ масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто-литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, несмотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя статьи; а между тѣмъ у насъ, больше, чѣмъ когда-нибудь, стѣснялась научная и литературная дѣятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на молодыхъ людей, которые, съ одной стороны, изъ проникающихъ изъ-за границы книгъ знакомились не только съ либеральными идеями, но и съ самими крайними программами соціализма, а съ другой — видѣли у насъ преслѣдованіе всякой мало-мальски свободной мысли; читали жгучія рѣчи, произносимыя во французской палатѣ, на франкфуртскомъ съѣздѣ, и въ то же время

понимали, что легко можно пострадать за какое-нибудь недозволенное сочинение, даже за неосторожное слово. Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ, волей или неволей, народамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнитъ то время, тотъ знаетъ, какъ все это отзывалось на умахъ интеллигентной молодежи.

И вотъ въ Петербургѣ начали мало-по-малу образовываться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь посторонняго нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаще всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса. Обычными посѣтителями тамъ были В. В. Дирикеръ — литераторъ и впослѣдствіи докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили бо̀льшею частію о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣ же молодые люди бывали и у меня.

Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и между прочимъ спросилъ, не хочу ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ, А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я только что прочелъ небольшую книжку его стихотвореній, и мнѣ понравились въ ней, съ одной стороны, неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой — свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Ососенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: „Поэту“ и „Впередъ“. И могли ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такія строфы, какъ напримѣръ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Разумѣется, я отвѣтилъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомить.

И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры, Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ, и братья Достоевскіе, Михаилъ Ми-

хайловичъ и Θедоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ московскихъ казармахъ, и у него тоже сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть болѣе обширный кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многолюдныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціальнаго характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень симпатичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому.

Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. Θ. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной. Дуровъ жилъ тогда вмѣстѣ съ Пальмомъ и Алексѣемъ Дмитріевичемъ Щелковымъ на Гороховой улицѣ, за Семеновскимъ мостомъ. Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался уже нѣсколько времени организованный кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые, а между тѣмъ гости сходились каждую недѣлю и засиживались обыкновенно часовъ до трехъ ночи, то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на прокатъ рояля. Собирались обыкновенно по пятницамъ. Я вошелъ въ этотъ кружокъ среди зимы и посѣщалъ его регулярно до самаго прекращенія вечеровъ послѣ ареста Петрашевскаго и посѣщавшихъ его лицъ. Здѣсь, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постоянно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филипповъ, оба люди очень образованные и милые.

О собраніяхъ Петрашевскаго я знаю только по слухамъ. Что же касается кружка Дурова, который я посѣщалъ постоянно и считалъ какъ бы своей дружеской семьей, то могу сказать положительно, что въ немъ не было чисто-революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писанаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры, бо́льшею частію, обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду реакціи, вызванной у насъ революціями въ Европѣ, правительство едва ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и скорѣе слѣдуетъ ожидать движенія снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, говорили, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ и, не вѣруя

въ новую пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенной настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. Я помню, какъ однажды, съ обычной своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе *Пушкина* „Уединеніе“. Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ:

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Ѳ. М. Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ.

Другой предметъ, на который также часто обращались бесѣды въ нашемъ кружкѣ, была тогдашняя цензура. Нужно вспомнить, до какихъ крайностей доходили въ то время цензурныя стѣсненія, какіе ходили въ обществѣ разсказы по этому предмету и какъ умудрялись тогда писатели провести какую-нибудь смѣлую мысль подъ вуалемъ цѣломудренной скромности, — чтобы представить, въ какомъ смыслѣ высказывалась въ нашемъ кружкѣ молодежь, горячо любившая литературу. Это тѣмъ понятнѣе, что между нами были не только начинавшіе литераторы, но и такіе, которые обратили уже на себя вниманіе публики, а романъ Ѳ. М. Достоевскаго „Бѣдные Люди“ обѣщалъ уже въ авторѣ крупный талантъ. Разумѣется, вопросъ объ отмѣнѣ цензуры не находилъ у насъ ни одного противника.

Толки о литературѣ происходили большею частію по поводу какихъ-нибудь замѣчательныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ, и особенно такихъ, которыя соотвѣтствовали направленію кружка. Но разговоръ обращался и на старыхъ писателей, при чёмъ высказывались мнѣнія рѣзкія и иногда довольно одностороннія и несправедливыя. Однажды, я помню, рѣчь зашла о Державинѣ, и кто-то заявилъ, что видитъ въ немъ скорѣе напыщеннаго ритора и низкопоклоннаго панегириста, чѣмъ великаго поэта, какимъ величали его современники и школьные педанты. При этомъ Ѳ. М. Достоевскій вскочилъ, какъ ужаленный, и закричалъ:

— Какъ? да развѣ у Державина не было поэтическихъ, вдохновенныхъ порывовъ? Вотъ это развѣ не высокая поэзія?

И онъ прочелъ на память стихотвореніе „Властителямъ и Судіямъ“ съ такою силою, съ такимъ восторженнымъ чувствомъ, что всѣхъ увлекъ своей декламаціей и безъ всякихъ комментарій поднялъ въ общемъ мнѣніи пѣвца Фелицы. Въ другой разъ читалъ онъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Виктора Гюго, сходныхъ по основной мысли или картинамъ, и при этомъ мастерски доказывалъ, насколько нашъ поэтъ выше, какъ художникъ.

Въ Дуровскомъ кружкѣ было нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они ви-

дѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей будто бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуживалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ однакожъ считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ.

Не меньше занимали насъ бесѣды о тогдашнихъ законодательныхъ и административныхъ новостяхъ, и понятно, что при этомъ высказывались рѣзкія сужденія, основанныя иногда на не точныхъ слухахъ или не вполнѣ достовѣрныхъ разсказахъ и анекдотахъ. И это въ то время было естественно въ молодежи, съ одной стороны, возмущаемой зрѣлищемъ произвола нашей администраціи, стѣсненіемъ науки и литературы, а съ другой — возбужденной грандіозными событіями, какія совершались въ Европѣ, порождая надежды на лучшую, болѣе свободную и дѣятельную жизнь. Въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскій высказывался съ неменьшей рѣзкостью и увлеченіемъ, чѣмъ и другіе члены нашего кружка. Не могу теперь привести съ точностью его рѣчей, но помню хорошо, что онъ всегда энергически говорилъ противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ-нибудь народъ, и въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь. Въ сужденіяхъ его постоянно слышался авторъ „Бѣдныхъ людей", горячо сочувствующій человѣку въ самомъ приниженномъ его состояніи. Когда, по предложенію одного изъ членовъ нашего кружка, рѣшено было писать статьи обличительнаго содержанія и читать ихъ на нашихъ вечерахъ, Ѳ. М. Достоевскій одобрилъ эту мысль и обѣщалъ съ своей стороны работать, но, сколько я знаю, не успѣлъ ничего приготовить въ этомъ родѣ. Къ первой же статьѣ, написанной однимъ изъ офицеровъ, гдѣ разсказывался извѣстный тогда въ городѣ анекдотъ, онъ отнесся неодобрительно и порицалъ какъ содержаніе ея, такъ и слабость литературной формы. Я, съ своей

стороны, прочелъ на одномъ изъ нашихъ вечеровъ переведенную мною на церковно-славянскій языкъ главу изъ „Paroles d'un croyant“ Ламеннэ, и Ѳ. М. Достоевскій сказалъ мнѣ, что суровая библейская рѣчь этого сочиненія вышла въ моемъ переводѣ выразительнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Конечно, онъ разумѣлъ при этомъ только самое свойство языка, но отзывъ его былъ для меня очень пріятенъ. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось рукописи. Въ послѣднія недѣли существованія Дуровскаго кружка возникло предположеніе литографировать и сколько можно болѣе распространять этимъ путемъ статьи, которыя будутъ одобрены по общему соглашенію, но мысль эта не была приведена въ исполненіе, такъ какъ вскорѣ большая часть нашихъ друзей, именно всѣ, кто посѣщалъ вечера Петрашевскаго, были арестованы.

Незадолго передъ закрытіемъ кружка одинъ изъ нашихъ членовъ ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда списокъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, писаннаго по поводу его „Переписки съ друзьями“. Ѳ. М. Достоевскій прочелъ это письмо на вечерѣ и потомъ, какъ самъ онъ говорилъ, читалъ его въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи. Впослѣдствіи это послужило однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ его обвиненію и ссылкѣ. Письмо это, которое въ настоящее время едва ли увлечетъ кого-нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело въ то время сильное впечатлѣніе. У многихъ изъ нашихъ знакомыхъ оно обращалось въ спискахъ, вмѣстѣ съ привезенной также изъ Москвы юмористической статьею А. Герцена, въ которой остроумно и зло сравнивались обѣ наши столицы. Вѣроятно, при арестѣ петрашевцевъ не мало экземпляровъ этихъ сочиненій отобрано и передано было въ третье отдѣленіе. Нерѣдко С. Ѳ. Дуровъ читалъ свои стихотворенія, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ слушали мы его переводъ извѣстной пьесы Барбье „Кіайя“, въ которой цензура уничтожила нѣсколько стиховъ. Кромѣ бесѣдъ и чтенія, у насъ бывала по вечерамъ и музыка. Послѣдній вечеръ нашъ заключился тѣмъ, что одинъ даровитый піанистъ, Кашевскій, сыгралъ на роялѣ увертюру изъ „Вильгельма Теля“ Россини.

Прошло двѣ недѣли, и вотъ однажды рано утромъ прислали мнѣ сказать, что и М. М. Достоевскій въ прошлую ночь арестованъ. Жена и дѣти его остались безо всякихъ средствъ, такъ какъ онъ нигдѣ не служилъ, не имѣлъ никакого состоянія и жилъ однѣми литературными работами для „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ велъ ежемѣсячно „Внутреннее Обозрѣніе“ и помѣщалъ небольшія повѣсти. Съ арестомъ его, семейство очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи, и только А. А. Краевскій помогъ ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевскаго, зная его скромность и сдержанность; хотя онъ и бывалъ у Петрашевскаго, но не симпатизировалъ большинству его гостей и нерѣдко высказывалъ мнѣ свое несочувствіе къ тѣмъ рѣзкостямъ, которыя позволяли себѣ тамъ болѣе крайніе и неосторожные люди. Сколько я зналъ, на него не могло быть сдѣлано никакихъ серіозно опасныхъ показаній, да притомъ въ послѣднее

время онъ почти совсѣмъ отсталъ отъ кружка. Поэтому я надѣялся, что арестъ его не будетъ продолжителенъ, въ чемъ и не ошибся.

Въ концѣ мая мѣсяца (1849 г.) я нанялъ небольшую лѣтнюю квартиру въ Колтовской, поблизости отъ Крестовскаго острова, и взялъ погостить къ себѣ старшаго сына М. М. Достоевскаго, которому тогда было, если не ошибаюсь, лѣтъ семь. Мать навѣщала его каждую недѣлю. Однажды, кажется въ срединѣ іюля, я сидѣлъ въ нашемъ садикѣ, и вдругъ маленькій Ѳедя бѣжитъ ко мнѣ съ крикомъ: папа, папа пріѣхалъ! Въ самомъ дѣлѣ, въ это утро моего пріятеля освободили, и онъ поспѣшилъ видѣть сына и повидаться со мною. Понятно, съ какой радостью обнялись мы послѣ двухмѣсячной разлуки. Вечеромъ пошли мы на острова, и онъ разсказалъ мнѣ подробности о своемъ арестѣ и содержаніи въ казематѣ, о допросахъ въ слѣдственной комиссіи и данныхъ имъ показаніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ и то, что̀ именно изъ данныхъ ему вопросныхъ пунктовъ относилось къ Ѳедору Михайловичу. Мы заключили, что хотя онъ обвиняется только въ либеральныхъ разговорахъ, порицаніи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространеніи запрещенныхъ сочиненій и рокового письма Бѣлинскаго, но, если дѣлу захотятъ придать серіозное значеніе, что̀ по тогдашнему времени было очень вѣроятно, то развязка можетъ быть печальная. Правда, нѣсколько человѣкъ изъ арестованныхъ въ апрѣлѣ постепенно были освобождены, зато о другихъ ходили неутѣшительные слухи. Говорили, что многимъ не миновать ссылки.

Лѣто тянулось печально. Одни изъ близкихъ моихъ знакомыхъ были въ крѣпости, другіе жили на дачахъ, кто въ Парголовѣ, кто въ Царскомъ Селѣ. Я изрѣдка видался съ И. И. Введенскимъ и каждую недѣлю съ М. М. Достоевскимъ. Въ концѣ августа переѣхалъ я опять въ городъ, и мы стали бывать другъ у друга еще чаще. Извѣстія о нашихъ друзьяхъ были очень неопредѣленныя: мы знали только, что они здоровы, но едва ли кто-нибудь изъ нихъ выйдетъ на свободу. Слѣдственная комиссія закончила свои засѣданія, и надобно было ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла. Но до этого было, однако, еще далеко. Прошла осень, потянулась зима, и только передъ святками рѣшена была участь осужденныхъ. Къ крайнему удивленію и ужасу нашему, всѣ приговорены были къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но, какъ извѣстно, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни на Семеновскомъ плацу, на самомъ эшафотѣ, куда введены были всѣ приговоренные, прочитали имъ новое рѣшеніе, по которому имъ дарована жизнь, съ замѣною смертной казни другими наказаніями. По этому приговору Ѳ. М. Достоевскому назначалась ссылка въ каторжныя работы на четыре года, съ зачисленіемъ его, по окончаніи этого срока, рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ. Все это случилось такъ быстро и неожиданно, что ни я ни братъ его не были на Семеновскомъ плацу и узнали о судьбѣ нашихъ друзей, когда все уже было кончено и ихъ снова перевезли

въ Петропавловскую крѣпость, кромѣ М. В. Петрашевскаго, который прямо съ эшафота отправленъ былъ въ Сибирь.

Осужденныхъ отвозили изъ крѣпости въ ссылку партіями по два и по три человѣка. Если не ошибаюсь, на третій день послѣ экзекуціи на Семеновской площади М. М. Достоевскій пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что брата его отправляютъ въ тотъ же вечеръ и онъ ѣдетъ проститься съ нимъ. Мнѣ тоже хотѣлось попрощаться съ тѣмъ, кого долго, а можетъ быть, и никогда не придется видѣть. Мы поѣхали въ крѣпость, прямо къ извѣстному уже намъ плацъ-майору М—ю, черезъ котораго надѣялись получить разрѣшеніе на свиданіе. Это былъ человѣкъ въ высокой степени доброжелательный. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно въ этотъ вечеръ отправляютъ въ Омскъ Достоевскаго и Дурова, но видѣться съ уѣзжающими, кромѣ близкихъ родственниковъ, нельзя безъ разрѣшенія коменданта. Это сначала меня очень огорчило, но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я рѣшился обратиться къ нему лично за позволеніемъ проститься съ друзьями. И я не ошибся въ своей надеждѣ: комендантъ разрѣшилъ и мнѣ видѣться съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Дуровымъ.

Насъ провели въ какую-то большую комнату, въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома. Давно уже былъ вечеръ, и она освѣщалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, такъ что крѣпостные куранты раза два успѣли проиграть четверть на своихъ разнотонныхъ колокольчикахъ. Но вотъ дверь отворилась, за нею брякнули приклады ружей, и въ сопровожденіи офицера вошли Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ. Горячо пожали мы другъ другу руки. Несмотря на восьмимѣсячное заключеніе въ казематахъ, они почти не перемѣнились: то же серіозное спокойствіе на лицѣ одного, та же привѣтливая улыбка у другого. Оба уже одѣты были въ дорожное арестантское платье — въ полушубкахъ и валенкахъ. Крѣпостной офицеръ скромно помѣстился на стулѣ, недалеко отъ входа, и нисколько не стѣснялъ насъ. Ѳедоръ Михайловичъ прежде всего высказалъ свою радость брату, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ другими, и съ теплой заботливостью разспрашивалъ его о семействѣ, о дѣтяхъ, входилъ въ самыя мелкія подробности о ихъ здоровьѣ и занятіяхъ. Во время нашего свиданія онъ обращался къ этому нѣсколько разъ. На вопросы о томъ, каково было содержаніе въ крѣпости, Достоевскій и Дуровъ съ особенной теплотою отозвались о комендантѣ, который постоянно заботился о нихъ и облегчалъ, чѣмъ только могъ, ихъ положеніе. Ни малѣйшей жалобы не высказали ни тотъ ни другой на строгость суда или суровость приговора. Перспектива каторжной жизни не страшила ихъ и, конечно, въ это время они не предчувствовали, какъ она отзовется на ихъ здоровьѣ.

Когда Ѳедоръ Михайловичъ началъ говорить съ братомъ о семейныхъ дѣлахъ, Дуровъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкся съ казематомъ, особенно съ того времени, когда имъ стали присылать книги и журналы. При этомъ онъ высказалъ свои замѣчанія о сочи-

неніяхъ, которыя особенно почему-нибудь обратили его вниманіе. Если бы кто прислушался къ нашему разговору, то подумалъ бы, что мы видѣлись еще на-дняхъ, и у моего собесѣдника нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ политическихъ новостей и литературы. Передавая мнѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, онъ сказалъ: „Это мои послѣдніе стихи... на-дняхъ написалъ въ казематѣ... возьмите на память... можетъ, когда-нибудь напечатаете“. Вотъ это прекрасное стихотвореніе:

Когда пустынникъ Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
Пришелъ крестить на Іорданъ
Во имя истиннаго Бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи.
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисеи, для того,
Чтобъ потушить восторгъ народный,
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
„Не вѣрьте! видано-ль вовѣкъ,
Чтобъ кто-нибудь, какъ онъ, постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!“
Но вотъ, Крестителю во слѣдъ,
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя.
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ;
Незримыхъ язвъ духовный врачъ,
Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачъ
И вопль раскаянья Закхея...
И чтожъ? На площади опять
Учителя и фарисеи
Пришли израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи:
„Бѣгите ложнаго Христа!
Пусть онъ слова теряетъ праздно:
Его крамольныя уста
Полны раздора и соблазна.
И какъ, взгляните, онъ живетъ?
Мірскимъ весь преданный заботамъ,
Онъ ѣстъ, онъ бражничаетъ, пьетъ
И исцѣляетъ по субботамъ.
Онъ кинулъ камень въ Божество,
Законъ отвергнулъ Моисеевъ,
И кто межъ насъ друзья его,
Окромѣ блудницъ и злодѣевъ!“

Смотря на прощанье братьевъ Достоевскихъ, всякій замѣтилъ бы, что изъ нихъ страдаетъ болѣе тотъ, который остается на свободѣ въ Петербургѣ, а не тотъ, кому сейчасъ предстоитъ ѣхать въ Сибирь на каторгу. Въ глазахъ старшаго брата стояли слезы, губы его дрожали, а Ѳедоръ Михайловичъ былъ спокоенъ и утѣшалъ его.

„Перестань же, братъ“, говорилъ онъ, „ты знаешь меня, не въ гробъ же я уйду, не въ могилу провожаешь, — и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ, еще и лучше меня, можетъ, достойнѣе меня... Да мы еще увидимся, я надѣюсь на это, — я даже не сомнѣваюсь, что увидимся... А вы пишите, да, когда обживусь — книгъ присылайте, я напишу какихъ; вѣдь читать можно будетъ... А выйду изъ каторги — писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ-то самомъ много пережилъ, а тамъ впереди-то что увижу и переживу, — будетъ о чемъ писать“...

Можно было подумать, что этотъ человѣкъ смотрѣлъ на свою будущую каторгу, точно на какую-нибудь поѣздку за границу, гдѣ

ему предстоитъ любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться съ новыми, привлекательными людьми, при полной свободѣ и со всѣми средствами и удобствами путешественника. Онъ какъ-будто не думалъ о томъ, что долженъ провести четыре года въ „Мертвомъ домѣ“, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ людьми, выброшенными изъ общества за страшныя преступленія; а можетъ-быть его именно занимала какъ бы врожденная и всегда присущая ему мысль найти въ самыхъ низко падшихъ преступникахъ тѣ человѣческія черты, ту глубоко подъ пепломъ затаившуюся, но не погасшую искру огня Божія, которая живетъ, какъ онъ вѣрилъ, въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ и послѣднемъ отверженцѣ.

Болѣе получаса продолжалось наше свиданіе, но оно показалось намъ очень короткимъ, хотя мы много-много переговорили. Печально перезванивали колокольчики на крѣпостныхъ часахъ, когда вошелъ плацъ-майоръ и сказалъ, что намъ время разстаться. Въ послѣдній разъ обнялись мы и пожали другъ другу руки. Я не предчувствовалъ тогда, что съ Дуровымъ никогда уже болѣе не встрѣчусь, а Ѳ. М. Достоевскаго увижу только черезъ восемь лѣтъ. Мы поблагодарили М—я за его снисхожденіе, а онъ сказалъ намъ, что друзей нашихъ повезутъ черезъ часъ или даже раньше. Ихъ повели черезъ дворъ съ офицеромъ и двумя конвойными солдатами. Нѣсколько времени мы помедлили въ крѣпости, потомъ вышли и остановились у тѣхъ воротъ, откуда должны были выѣхать осужденные. Ночь была не холодная и свѣтлая. На крѣпостной колокольнѣ куранты проиграли девять часовъ, когда выѣхали двое ямскихъ саней, и на каждомъ сидѣлъ арестантъ съ жандармомъ.

— Прощайте!—крикнули мы.

— До свиданія! до свиданія!—отвѣчали намъ.

Милюковъ.

Достоевскій на каторгѣ.

Черезъ два дня послѣ экзекуціи на Семеновскомъ плацу, Достоевскій былъ отправленъ въ Сибирь. До Тобольска его везли, а изъ этого города, заковавъ въ кандалы, отправили съ партіей арестантовъ пѣшкомъ. Въ Тобольскѣ его ждала встрѣча, о которой онъ впослѣдствіи вспоминалъ съ благодарностью. „Когда мы, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его свиданіе съ нами... Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждаго одѣлили евангеліемъ — единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго“. Свое пребываніе на каторгѣ Достоевскій художественно изобразилъ въ „Запискахъ изъ

мертваго дома", и хотя въ этомъ произведенiи правда соединяется съ художественнымъ вымысломъ, въ немъ есть черты, относящiяся лично къ Достоевскому. Таковъ, напримѣръ, его отзывъ о первыхъ впечатлѣнiяхъ каторги: „Помню ясно, говоритъ онъ, что съ перваго шага въ этой жизни поразило меня то, что я какъ будто не нашелъ въ ней ничего особеннаго, поражающаго, необыкновеннаго, или, лучше сказать, неожиданнаго... мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой... Самая работа показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы — не столько въ трудности и безпрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ-подъ палки".

Достоевскiй былъ включенъ во второй разрядъ, въ крѣпостяхъ, подъ военнымъ начальствомъ, разрядъ, который арестанты считали особенно тяжелымъ. „Тяжелъ онъ былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда — все военное, очень похожее на арестантскiя роты въ Россiи. Военное начальство строже, порядки тѣснѣе, всегда въ цѣпяхъ, всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ; а этого нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла". Что касается работъ, то Достоевскiй признаетъ, что онъ чувствовалъ, что онѣ могутъ „спасти" его, „укрѣпить его здоровье, тѣло". „Постоянное душевное безпокойство, нервическое раздраженiе, спертый воздухъ казармы могли бы разрушить меня совершенно. Чаще быть на воздухѣ, каждый день уставать, прiучаться носить тяжести — и, по крайней мѣрѣ, я спасу себя, — думалъ я, — укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, не старый. Я не ошибся: работа и движенiе были мнѣ очень полезны... Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго язвили они меня презрѣнiемъ и насмѣшками". Достоевскiй упоминаетъ о трехъ родахъ работъ, которыя ему поручались и которыя онъ уже любилъ: это были обжиганiе и толченiе алебастра, верченiе точильнаго колеса и разгребанiе снѣга. Тяжелою стороною каторги было отношенiе товарищей, такъ какъ въ нихъ Достоевскiй видѣлъ нерасположенiе къ себѣ, какъ къ дворянину, и тотъ образъ, который представленъ Некрасовымъ въ поэмѣ „Несчастные", подъ именемъ „Крота" совсѣмъ не подходитъ къ Достоевскому, хотя Некрасовъ въ этомъ лицѣ имѣлъ въ виду именно изобразить влiянiе Достоевскаго на каторжниковъ: этого влiянiя быть не могло, потому что каторжники чуждались Достоевскаго. „Мнѣ надо было, разсказываетъ онъ, почти два года прожить въ острогѣ, чтобы прiобрѣсть расположенiе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ". Каковы были отношенiя къ Достоевскому острожнаго начальства, неизвѣстно. Правда, ходили слухи о жестокомъ съ нимъ обращенiи, бывшемъ будто бы причиною появленiя у него эпилепсiи. Самъ Достоевскiй никогда не говорилъ объ этомъ, а болѣзнь его могла развиться вообще отъ тяжелой обста-

новки, окружавшей его на каторгѣ, тѣмъ болѣе, что еще до ссылки въ Сибирь, по указанію доктора Яновскаго, Достоевскій страдалъ какою-то болѣзнью, которая „имѣла уже несомнѣнные признаки падучей, и по временамъ въ такой сильной степени, что угрожала серьезной опасностью жизни“.

Четыре года провелъ Достоевскій въ острогѣ, и послѣдній годъ былъ полонъ ожиданіемъ свободы. „Этотъ послѣдній годъ, разсказываетъ онъ, почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ... Помню, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Во-первыхъ, между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человѣкъ... Были, однако, и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ, кажется, тяжело было сказать со мной слово — Богъ знаетъ отчего. Казалось, между нами стояла какая-то перегородка. Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, писать на родину, и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ я не читалъ ни одной книги, и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много ль я отсталъ отъ этой жизни? Много ль прожили они тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее: отыскивалъ слѣды того, что прежде, въ мое время, волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать, до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали новыя имена: явились новые дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду и что такъ трудно добиться до нихъ... Поступилъ я въ острогъ зимой и зимой же долженъ былъ выйти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листъ на деревѣ и блекнетъ трава въ степи... Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ

дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ". Наконецъ, пришелъ и давно жданный день освобожденія. Наканунѣ Достоевскій „обошелъ въ послѣдній разъ около паль весь острогъ", а на утро сталъ прощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по-товарищески, но такихъ было немного. Другіе ужъ очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ равный. Они это понимали и прощались со мной, хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не такъ, какъ съ товарищемъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью".

Этотъ выходъ изъ Омскаго крѣпостного острога совершился въ февралѣ или въ самомъ началѣ марта 1854 г., такъ какъ въ билетѣ Достоевскаго обозначено, что онъ, по окончаніи срока каторги, зачисленъ рядовымъ 1854 г. марта 2-го, съ опредѣленіемъ въ сибирскій линейный № 7 баталіонъ, который стоялъ въ Семипалатинскѣ. Какъ видно изъ перваго дошедшаго до насъ письма Достоевскаго послѣ выхода изъ каторги (отъ 30 іюля 1854 г. къ брату), служба для него была тоже не особенно легка. „Пріѣхалъ я сюда", сообщаетъ онъ, „въ мартѣ мѣсяцѣ. Фронтовой службы почти не зналъ ничего и между тѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ стоялъ на смотру на ряду съ другими и зналъ свое дѣло не хуже другихъ. Какъ я уставалъ и чего это мнѣ стоило — другой вопросъ; но мною довольны, и слава Богу!.. Какъ ни чуждо все это тебѣ, но, я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всѣми обязанностями солдата не совсѣмъ-то легка для человѣка съ такимъ здоровьемъ и съ такой отвычкой или, лучше сказать, съ такимъ полнымъ ничегонезнаніемъ въ подобныхъ занятіяхъ. Чтобъ пріобрѣсти этотъ навыкъ, надо много трудовъ. Я не ропщу: это мой крестъ, и я его заслужилъ". Это смиреніе, выражающееся въ послѣднихъ словахъ, показываетъ, что въ Достоевскомъ совершился какой-то переломъ, что въ его душѣ, по его словамъ, кое-что „завяло, выбросилось вонъ вмѣстѣ съ плевелами", что „каторга много вывела" изъ него.

Этотъ переломъ, по его объясненію, произошелъ въ немъ потому, что онъ и во время увлеченія соціализмомъ былъ „по сердцу русскимъ", какъ онъ говоритъ въ письмѣ А. Н. Майкову отъ 18 января 1856 г. „Можетъ быть, пишетъ онъ здѣсь, васъ смущалъ и смущалъ еще недавно наплывъ французскихъ идей въ ту часть общества, которая мыслитъ, чувствуетъ и изучаетъ? Тутъ была и исключительность, правда, но всякая исключительность по натурѣ своей вызываетъ противоположность. Но согласитесь сами, что всѣ здравомыслящіе, т.-е. тѣ, которые даютъ тонъ всему, смотрѣли на французскія идеи со стороны научной, — не болѣе, и сами, можетъ быть, даже преданные исключи-

тельности были всегда русскими. Увѣряю васъ, что я, напримѣръ, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это былъ русскій народъ, мои братья по несчастью, и я имѣлъ счастье отыскать не разъ даже въ душѣ разбойника великодушіе, потому собственно, что могъ понять его; ибо былъ самъ русскій. Несчастіе мое дало мнѣ многое узнать практически, можетъ-быть, много вліянія имѣла на меня эта практика, но я узналъ практически и то, что я всегда былъ русскимъ по сердцу".

Въ каторгѣ Достоевскій призналъ свои прежнія стремленія, сведшія его съ Петрашевскимъ, вреднымъ заблужденіемъ, за которое „осудилъ бы народъ". Понятно, что при такой славянофильской окраскѣ его новыхъ воззрѣній онъ долженъ былъ рѣзко отрицательно смотрѣть на свои прежнія стремленія, которыя сближали его съ развившимся уже издавна освободительнымъ движеніемъ русской интеллигенціи, и вполнѣ естественно протестовалъ, когда одинъ изъ его пріятелей сказалъ ему, что его ссылка была дѣломъ несправедливымъ. „Нѣтъ, коротко, какъ всегда, обрѣзалъ Достоесвкій, — нѣтъ, справедливое. Насъ бы осудилъ народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почемъ вы знаете — можетъ-быть, тамъ наверху, т.-е. Самому Высшему нужно было меня привести въ каторгу, чтобы я тамъ что-нибудь узналъ, т.-е. узналъ *самое главное*, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ: ну съ, и чтобы это *самое главное* я вынесъ оттуда, потому что оно пока скрывается только въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобы я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобъ другіе (хоть не всѣ, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку — хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого, стоило пойти на каторгу". Въ этихъ словахъ, въ этомъ признаніи необходимости нашей интеллигенціи учиться у народа, который обладаетъ *самымъ главнымъ*, уже есть источникъ мессіанистическаго взгляда Достоевскаго на Россію, какъ на страну съ высокимъ историческимъ призваніемъ, которая должна разрѣшить важнѣйшіе соціальные и политическіе вопросы міровою развитія; этотъ взглядъ обнаруживается хотя бы въ слѣдующей фразѣ того же письма къ Майкову: „я раздѣляю съ вами идею, что Европу и назначеніе ея окончитъ Россія. Для меня это давно было ясно". *Бороздинъ.*

Ѳ. М. Достоевскій по возвращеніи изъ ссылки.

Извѣстно, что въ ряду милостей, какими ознаменовано начало царствованія императора Александра Николаевича, было прощеніе всѣхъ пострадавшихъ по дѣлу М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Царская милость застала однихъ въ каторжныхъ работахъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, другихъ на поселеніи или въ военной службѣ

въ сибирскихъ батальонахъ и на Кавказѣ. Всѣ поспѣшили воспользоваться дарованной свободой и мало-по-малу возвратились изъ ссылки, кромѣ П. Н. Филипова, тяжело раненнаго при штурмѣ Карса и умершаго въ александропольскомъ госпиталѣ, и Петрашевскаго, который отказался отъ помилованія, требуя пересмотра своего дѣла, и остался въ восточной Сибири. Но не для всѣхъ освобожденныхъ каторжная жизнь прошла безслѣдно: нѣкоторые поплатились за нее здоровьемъ. Больше другихъ пострадалъ С. Ѳ. Дуровъ, сосланный, какъ я уже говорилъ, вмѣстѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ въ Омскъ. Кто читалъ „Записки изъ Мертваго дома“, тотъ знаетъ, при какихъ условіяхъ должны были провести четыре года молодые люди, незнакомые до тѣхъ поръ ни съ нуждой ни съ принудительной работой. Какое нужно было здоровье и запасъ нравственныхъ силъ, чтобы вынести переходъ отъ жизни въ развитомъ кружкѣ столичнаго общества къ страшному быту каторжнаго острога! Люди, посвятившіе себя литературѣ, страстные любители театра и музыки, одинъ даровитый поэтъ, другой высокоталантливый романистъ — вдругъ брошены были въ смрадную арестантскую казарму, въ толпу представителей всевозможныхъ пороковъ и преступленій, оторванные отъ всего, что было дорого для нихъ въ божьемъ мірѣ, и лишенные всякой умственной пищи. Какъ мучительна была для нихъ одна мысль о томъ, что придется надолго оставить литературныя занятія, видно изъ письма Достоевскаго къ брату изъ Петропавловской крѣпости, писаннаго 22-го декабря, по возвращеніи съ эшафота. Говоря о предстоящей каторгѣ, онъ пишетъ: „лучше пятнадцать лѣтъ въ казематѣ съ перомъ въ рукѣ“, и при этомъ прибавляетъ: „та голова, которая создавала, жила высшею жизнію искусства, которая свыклась съ возвышенными потребностями духа, та голова уже срѣзана съ плечъ моихъ“ [1]).

Дуровъ не выдержалъ тяжести арестантской жизни. „Онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка“ говоритъ Ѳ. М. Достоевскій въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“; „вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой“. По возвращеніи изъ Сибири, онъ послѣдніе годы жизни провелъ у А. И. Пальма больнымъ и разслабленнымъ калѣкой. При извѣстіи о томъ, что онъ ѣдетъ въ южную Россію А. Н. Плещеевъ писалъ ему:

Уѣдешь ты на теплый югъ,
И гдѣ лазурью блещетъ море —
Тебя покинетъ злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.
Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа, извѣдавшая муки,
И пѣсенъ, выстраданныхъ ей,
Къ намъ долетятъ святые звуки.
Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья,
И тихой радостью любви,
И дружбы ласковымъ участьемъ.

Но теплое участіе и постоянная заботливость А. И. Пальма не могли уже сохранить разбитой жизни несчастнаго.

---

[1]) Письмо это хранится у Анны Григорьевны Достоевской.

Ѳ. М. Достоевскій, благодаря своей энергіи и никогда не покидавшей его вѣрѣ въ лучшую судьбу, счастливѣе перенесъ тяжкое испытаніе каторжной жизни, хотя она отразилась и на его здоровьѣ. Если и до ссылки у него были, какъ говорятъ, припадки падучей болѣзни, то, безъ сомнѣнія, слабые и рѣдкіе. По крайней мѣрѣ, до возвращенія его изъ Сибири я не подозрѣвалъ этого, но, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, болѣзнь его не была ужа тайною ни для кого изъ близкихъ къ нему людей. Оно говорилъ однажды, что здоровье Дурова особенно пошатнулось съ тѣхъ поръ, когда осенью посылали ихъ разбирать на рѣкѣ старую барку, при чемъ иные арестанты стояли по колѣни въ водѣ. Можетъ быть, это подѣйствовало и на его здоровье и ускорило развитіе болѣзни до той степени, въ какой она обнаружилась впослѣдствіи.

Въ первое время послѣ помилованія, Достоевскому разрѣшено было жить только въ провинціи, и онъ поселился въ Твери, чтобы быть ближе къ роднымъ, изъ которыхъ одни жили въ Петербургѣ, а другіе въ Москвѣ. Братъ получилъ отъ него письмо, и тотчасъ же поѣхалъ повидаться съ нимъ. Въ это время Ѳедоръ Михайловичъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ: онъ женился въ Сибири, на вдовѣ Маріи Дмитріевнѣ Исаевой, которая умерла потомъ отъ чахотки, если не ошибаюсь, въ 1863 г. Дѣтей отъ этого брака у него не было, но на его попеченіи остался пасынокъ. Въ Твери Достоевскій прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ готовился возобновить свою литературную дѣятельность, прерванную каторгой, и много читалъ. Мы посылали ему журналы и книги. Между прочимъ, по просьбѣ его, я отправилъ къ нему „Псалтырь" на славянскомъ языкѣ, „Коранъ" во французскомъ переводѣ Казимирскаго и „Les romans de Voltaire". Онъ говорилъ потомъ, что задумывалъ какое-то философское сочиненіе, но послѣ внимательнаго обсужденія отказался отъ этой мысли.

Въ это время у М. М. Достоевскаго была собственная табачная фабрика, и дѣло шло недурно: его папиросы съ сюрпризами расходились по всей Россіи. Но занятія по фабрикѣ не отвлекали его однакоже отъ литературы. Между прочимъ, по моей просьбѣ онъ перевелъ романъ Виктора Гюго „Le dernier jour d'un condamné" для журнала „Свѣточъ", который я тогда редактировалъ вмѣстѣ съ издателемъ, Д. И. Калиновскимъ. Однажды Михаилъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостною вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ, и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ, наконецъ, я обнялъ нашего изгнанника послѣ десятилѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Ѳедоръ Михайловичъ, какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ-будто смотрѣлъ бодрѣе прежняго и не утратилъ нисколько своей обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями и вспоминали старые годы и на-

шихъ общихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю Бесѣды наши въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей во многомъ. уже не походили на тѣ, какія бывали въ Дуровскомъ обществѣ. И могло ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ-будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись впрахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи, и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали, и готовились или совершались реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма.

Мало-по-малу Ѳедоръ Михайловичъ началъ разсказывать подробности о своей жизни въ Сибири и нравахъ тѣхъ отверженцевъ, съ которыми пришлось ему прожить четыре года въ каторжномъ острогѣ. Бóльшая часть этихъ разсказовъ вошла потомъ въ его „Записки изъ Мертваго дома". Сочиненіе это выходило при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: въ цензурѣ вѣялъ уже въ то время духъ терпимости, и въ литературѣ появились произведенія, какія недавно еще были немыслимы въ печати. Хотя новость книги, посвященной исключительно быту каторжныхъ, мрачная канва всѣхъ этихъ разсказовъ о страшныхъ злодѣяхъ и, наконецъ, то, что самъ авторъ былъ только-что возвращенный политическій преступникъ, смущало нѣсколько цензуру; но это однакожъ не заставило Достоевскаго уклониться въ чемъ-нибудь отъ правды. И „Записки изъ Мертваго дома" производили потрясающее впечатлѣніе: въ авторѣ ихъ видѣли какъ бы новаго Данта, который спускался въ адъ тѣмъ болѣе ужасный, что онъ существовалъ не въ воображеніи поэта, а въ дѣйствительности. По условіямъ тогдашней цензуры Ѳедоръ Михайловичъ принужденъ только былъ выбросить изъ своего сочиненія эпизодъ о ссыльныхъ полякахъ и политическихъ арестантахъ. Онъ передавалъ намъ по этому предмету не мало интересныхъ подробностей. Кромѣ того, я помню еще одинъ разсказъ его, который тоже не вошелъ въ „Записки", вѣроятно по тѣмъ же цензурнымъ соображеніямъ, такъ какъ затрогивалъ щекотливый въ то время вопросъ о злоупотребленіяхъ крѣпостного права. Какъ теперь помню, что однажды на вечерѣ у брата, вспоминая свою острожную жизнь, Достоевскій разсказалъ этотъ эпизодъ съ такой страшной правдою и энергіею, какія никогда не забываются. Надобно было слышать при этомъ выразительный голосъ разсказчика, видѣть его живую мимику, чтобы понять, какое онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе. Постараюсь передать этотъ разсказъ, какъ помню и умѣю.

Въ казармѣ нашей, говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ, былъ одинъ молодой арестантъ, смирный, молчаливый и несообщительный. Долго я не сходился съ нимъ, не зналъ, давно ли онъ въ каторгѣ и за что попалъ въ особый разрядъ, гдѣ числились осужденные за самыя тяжкія преступленія. У острожнаго начальства былъ онъ по поведенію на хорошемъ счету, и сами арестанты любили его за кротость и услуж-

ливость. Мало-по-малу мы сблизились съ нимъ, и однажды по возвращеніи съ работы онъ разсказалъ мнѣ исторію своей ссылки. Онъ былъ крѣпостной крестьянинъ одной изъ подмосковныхъ губерній, и вотъ какъ попалъ въ Сибирь.

— Село наше, Ѳедоръ Михайловичъ, разсказывалъ онъ, не маленькое и зажиточное. Баринъ у насъ былъ вдовецъ, не старый еще, не то чтобы очень злой, а безтолковый и на счетъ женскаго пола распутный. Не любили его у насъ. Ну, вотъ надумалъ я жениться: хозяйка была нужна, да и дѣвка одна полюбилась. Поладили мы съ ней, дозволеніе барское вышло и повѣнчали насъ. А какъ отъ вѣнца-то вышли мы съ невѣстой да идучи домой поровнялись съ господской усадьбой, выбѣжало дворовыхъ никакъ человѣкъ шесть или семь, подхватили мою молодую жену подъ руки да на барскій дворъ и потащили. Я рванулся было за ней, а на меня набросились людишки-то; кричу, бьюсь, а мнѣ руки кушаками вяжутъ. Не подъ силу было вырваться. Ну, жену-то уволокли, а меня къ избѣ нашей потащили да связаннаго какъ есть на лавку бросили и двоихъ караульныхъ поставили. Всю ночь я прометался, а позднимъ утромъ привели молодую и меня развязали. Поднялся я, а баба-то припала къ столу — плачетъ, тоскуетъ. „Что, говорю, убиваться-то: не сама себя потеряла!“ И вотъ съ самаго этого дня задумалъ я, какъ мнѣ барина за ласку къ женѣ отблагодарить. Отточилъ это я въ сараѣ топоръ, такъ что хоть хлѣбы рѣжь, и приладилъ носить его, чтобы не въ примѣту было. Можетъ иные мужики, видя какъ я шатался около усадьбы, и подумали, что замышляю что-нибудь, да кому дѣло: больно не любили у насъ барина-то. Только долго не удавалось мнѣ подстеречь его: то съ гостями бывало онъ хороводится, то лакеешки около него... все несподручно было. А у меня словно камень на сердцѣ, что не могу я ему отплатить за надругательство: пуще всего горько мнѣ было смотрѣть, какъ жена-то тоскуетъ. Ну, вотъ иду я какъ-то подъ вечеръ позади господскаго сада, смотрю, а баринъ по дорожкѣ одинъ прохаживается, меня не примѣчаетъ. Заборъ садовый былъ невысокій, рѣшетчатый изъ балясинъ. Далъ я барину-то немного пройти да тихимъ манеромъ и махнулъ черезъ загородку. Вынулъ топоръ я, да съ дорожки на траву, чтобы загодя не услыхалъ, и по травѣ-то крадучись, пошелъ за нимъ шагать. Совсѣмъ ужъ близко подошелъ я, и забралъ топоръ-то въ обѣ руки. А хотѣлось мнѣ, чтобъ баринъ увидалъ, кто къ нему за кровью пришелъ, ну, я нарочно и кашлянулъ. Онъ повернулся, призналъ меня, а я прыгнулъ къ нему да топоромъ его прямо по самой головѣ... трахъ! Вотъ молъ тебѣ за любовь... Такъ это мозги-то съ кровью и прыснули... упалъ и не вздохнулъ. А я пошелъ въ контору и объявился, что такъ и такъ молъ. Ну, взяли меня, отшлепали, да на двѣнадцать лѣтъ сюда и порѣшили.

— Но вѣдь вы въ особомъ разрядѣ, безъ срока?

— А это, Ѳедоръ Михайловичъ, по другому ужъ дѣлу въ безсрочную-то каторгу меня сослали.

— По какому же дѣлу?

— Капитана я порѣшилъ.

— Какого капитана?

— Этапнаго смотрителя. Видно ему такъ на роду было написано. Шелъ я въ партіи, на другое лѣто послѣ того, какъ съ бариномъ-то покончилъ. Было это въ Пермской губерніи. Партія угонялась большая. День выдался жаркій-прежаркій, а переходъ отъ этапа до этапа большой былъ. Смаяло насъ на солнопекѣ, до смерти всѣ устали: солдаты-то конвойные чуть ноги двигали, а намъ съ непривычки въ цѣпяхъ страсть было жутко. Народъ же не весь крѣпкій былъ, иные почитай старики. У другихъ весь день корки хлѣба во рту не было: переходъ такой вышелъ, что подаянія-то дорогой не ломтя не подали, только мы раза два воды попили. Ужъ какъ добрались, Господь знаетъ. Ну, вошли мы на этапный дворъ, да иные такъ и полегли. Я, нельзя сказать, чтобъ обезсилѣлъ, а только очень ѣсть хотѣлось. Въ эту пору на этапахъ, какъ партія подойдетъ, обѣдать даютъ арестантамъ; а тутъ смотримъ — никакого еще распоряженія нѣтъ. И начали арестантики-то говорить: что же молъ это насъ не покормятъ; мочи нѣтъ отощали, кто сидитъ, кто лежитъ, а намъ куска не бросятъ. Обидно мнѣ это показалось: самъ я голоденъ, а стариковъ-то слабосильныхъ еще больше жаль. — Скоро ли, спрашиваемъ этапныхъ солдатъ, пообѣдать-то дадутъ? — Ждите, говорятъ, еще приказа отъ начальства не вышло. Ну, разсудите, Өедоръ Михайлычъ, каково это было слышать: справедливо что ли? Идетъ по двору писарь, я ему и говорю: для чего же насъ обѣдать не велятъ? — Дожидайся, говоритъ, не помрешь. — Да какъ же, говорю я: видите, люди измучились, чай знаете какой переходъ-то былъ на этакомъ жару... покормите скорѣе. — Нельзя, говоритъ, у капитана гости, завтракаетъ, вотъ встанетъ отъ стола и отдастъ приказъ. — Да скоро ли это будетъ? — А до сыта покушаетъ, въ зубахъ поковыряетъ, такъ и выйдетъ. — Что же это, говорю, за порядки: самъ прохлаждается, а мы съ голоду околѣвай! — Да ты, говоритъ писарь-то, что кричишь? — Я молъ не кричу, а насчетъ того сказываю, что немочные у насъ есть, чуть ноги двигаютъ. — Да ты, говоритъ, буянишь и другихъ бунтуешь; вотъ пойду капитану скажу. — Я, говорю, не буяню, а капитану какъ хочешь рапортуй. Тутъ, слыша разговоръ нашъ, иные изъ арестантовъ тоже стали ворчать, да кто-то ругнулъ и начальство. Писарь-то и обозлился. — Ты, говоритъ мнѣ, бунтовщикъ; вотъ капитанъ съ тобой справится. И пошелъ. Зло меня такое взяло, что и сказать не могу; чуялъ я, что дѣло не обойдется безъ грѣха. Былъ у меня въ ту пору ножъ складной, подъ Нижнимъ у арестанта на рубашку вымѣнялъ. И не помню теперь, какъ я досталъ его изъ-за пазухи и сунулъ въ рукавъ. Смотримъ — выходитъ изъ казармы офицеръ, красный такой съ рожи-то, глаза словно выскочить хотятъ, надо быть выпилъ. А писаришка-то за нимъ. — Гдѣ бунтовщикъ? крикнулъ капитанъ, да прямо ко мнѣ. Ты что бунтуешь? А? — Я, говорю, не бунтую, ваше благородіе, а только о людяхъ печалюсь, для того морить голодомъ ни отъ Бога

ни отъ царя не показано. Какъ зарычитъ онъ: — ахъ, ты такой-сякой! — я тебѣ покажу, какъ показано съ разбойниками управляться. Позвать солдатъ! А я это ножъ-то въ рукавѣ прилаживаю да изноровляюсь. — Я тебя, говоритъ, научу! — Нечего, молъ, ваше благородіе, ученаго учить; я и безъ науки себя понимаю. Это ужъ я ему на зло сказалъ, чтобы онъ пуще обозлился да поближе ко мнѣ подошелъ... не стерпитъ, думаю. Ну, и не стерпѣлъ онъ: сжалъ кулаки и ко мнѣ, а я этакъ немного подался, да какъ сигну впередъ и ножемъ-то его снизу животъ почитай до самой глотки такъ и пропоролъ. Повалился, словно колода. Что дѣлать? неправда-то его къ арестантамъ больно ужъ меня обозлила. Вотъ за этого самаго капитана и попалъ я, Ѳедоръ Михайлычъ, въ особый разрядъ въ вѣчные.

Все это, по словамъ Достоевскаго, арестантъ разсказывалъ съ такой простотой и спокойствіемъ, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь срубленномъ въ лѣсу гниломъ деревѣ. Онъ не фанфаронилъ своимъ преступленіемъ, не оправдывался въ немъ, а передавалъ это точно какой-нибудь обыденный случай. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ смирныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ. Въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“ есть нѣсколько похожій на это эпизодъ объ убійствѣ этапнаго маіора; но разсказъ, приведенный мною, я слышалъ отъ Ѳедора Михайловича лично и передаю, если не совсѣмъ его словами. то во всякомъ случаѣ близко, потому что онъ тогда сильно поразилъ меня и живо остался въ моей памяти. Можетъ быть, кто-нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ помнитъ его.

Изъ всѣхъ разсказовъ Достоевскаго о его житьѣ въ каторгѣ можно было видѣть, какое онъ вынесъ оттуда впечатлѣніе. Если прежде своей ссылки онъ особенно любилъ подмѣчать теплое чувство и симпатичныя черты въ бѣдной и приниженной средѣ, то теперь, кажется, еще внимательнѣе всматривался въ людей, отверженныхъ обществомъ, и старался отыскать въ нихъ ту искру божію, о которой говорилъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Вспоминая о преступникахъ, какихъ ему пришлось видѣть въ каторжномъ острогѣ, онъ не относился къ нимъ съ брезгливостью и презрѣніемъ человѣка, который по образованію стоялъ неизмѣримо выше ихъ, а старался найти какую-нибудь человѣческую черту въ самомъ ожесточенномъ сердцѣ. Съ другой стороны, онъ не жаловался никогда на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора ни на загубленные цвѣтущіе годы своей молодости. Правда, и отъ другихъ возвратившихся изъ каторги „петрашевцевъ“ мнѣ не случалось слышать рѣзкихъ жалобъ, но у нихъ это, кажется, происходило отъ присущаго русскому человѣку свойства не помнить зла; у Достоевскаго же соединялось еще какъ будто съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ, которая дала ему возможность въ ссылкѣ не только хорошо узнать русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше понять самого себя. О долгихъ лишеніяхъ въ острогѣ говорилъ онъ неохотно и только съ горечью вспоминалъ о своемъ отчужденіи отъ литературы, но и тутъ прибавлялъ, что, читая по необходимости одну библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ возобновляется литературная дѣятельность Ѳ. М. Достоевскаго, прерванная болѣе чѣмъ на десять лѣтъ его ссылкою. Еще въ сентябрѣ 1860 г., извѣщая меня о готовности быть крестнымъ отцомъ моего сына, онъ пишетъ между прочимъ: „приступаю къ писанію и не знаю, что еще будетъ, но рѣшаюсь работать, не разгибая шеи". И дѣйствительно, онъ принялся за литературную работу съ усиленной энергіей. Кромѣ того, что онъ принялъ дѣятельное участіе въ журналѣ „Время", который вскорѣ послѣ того былъ основанъ его братомъ; явились одинъ за другимъ романы его: „Дядюшкинъ сонъ", „Село Степанчиково", „Униженные и оскорбленные", задуманные еще въ Сибири или въ Твери. Читающая публика вспомнила автора „Бѣдныхъ людей", а „Записки изъ Мертваго дома" приковали къ нему вниманіе всего образованнаго общества. Между тѣмъ съ самаго пріѣзда въ Петербургъ онъ началъ мечтать о поѣздкѣ за границу, но это было затруднительно, такъ какъ онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи и Третье отдѣленіе не разрѣшало выдачу ему паспорта. Цѣлые два года онъ напрасно хлопоталъ, чтобы сняли съ него это тяжелое veto. Наконецъ, благодаря участію нашего добраго знакомаго Н. И. Г—о у котораго были вліятельныя связи, вожделѣнное дозволеніе было получено, и въ 1862 г. Ѳедоръ Михайловичъ уѣхалъ за границу. Поѣздка эта, какъ потомъ оказалось, не столько поправила его здоровье, сколько оживила нравственно и повліяла на его убѣжденія. При личномъ знакомствѣ съ европейскимъ бытомъ, послѣднія симпатіи его къ такъ называемому западному направленію ослабѣли, вѣра въ необходимость самобытнаго развитія русской жизни укрѣпилась, и онъ воротился почти славянофиломъ. Его ждали новыя невзгоды.

Журналъ „Время" былъ неожиданно запрещенъ за нѣсколько невинныхъ и неправильно истолкованныхъ страницъ о польскомъ вопросѣ. Это такъ поразило М. М. Достоевскаго, который употребилъ на изданіе всѣ свои средства, что здоровье его сильно пошатнулось. Хотя ему скоро и разрѣшено было возобновить журналъ подъ новымъ названіемъ „Эпоха", но катастрофа съ первымъ изданіемъ и сомнительная надежда на успѣхъ второго постоянно мучили его, и онъ умеръ лѣтомъ 1864 г. въ Павловскѣ. Смерть брата поставила Ѳедора Михайловича въ затруднительное положеніе. Рѣшась продолжать журналъ подъ своей редакціей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя и всѣ долги, какія были на изданіи. Дѣло не пошло: громкое литературное имя редактора не могло уже поддержать журнала, который при всей своей благонамѣренности подвергался ужасному надзору и, кромѣ того, по самостоятельности своего направленія, встрѣтилъ недоброжелательное противодѣйствіе въ особенно авторитетныхъ тогда литературныхъ органахъ. Достоевскій не могъ долго бороться съ враждебной кликой и принужденъ былъ прекратить изданіе. Уплативъ часть своихъ и братниныхъ долговъ изъ небольшаго наслѣдства, полученнаго послѣ одной близкой родственницы, онъ въ началѣ 1865 г. снова уѣхалъ за границу отдохнуть отъ пережитыхъ имъ тревогъ.

Средства его на этотъ разъ были такъ ограниченны, что онъ могъ взять съ собой только сорокъ два полуимперіаловъ, да обѣщаніе редакціи „Библіотеки для Чтенія“ высылать ему по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ въ счетъ гонорара за повѣсть или другую литературную работу, которую онъ обязывался прислать осенью. Но денегъ этихъ ему не высылали, и въ началѣ сентября Өедоръ Михайловичъ очутился въ Висбаденѣ безъ всякихъ средствъ. „Сижу въ отелѣ“, писалъ онъ мнѣ, „кругомъ долженъ и мнѣ грозятъ; денегъ ни гроша“. При этомъ онъ сообщаетъ, что сюжетъ, задуманной имъ литературной работы, „расширился и разбогатѣлъ“, и проситъ „запродать повѣсть хоть куда бы ни было, но только съ условіемъ выслать немедленно 300 рублей“. О содержаніи повѣсти онъ не говоритъ, но замѣчаетъ только: „вѣдь на нее вниманіе обратятъ, заговорятъ... въ этомъ родѣ ничего у насъ никогда не было; за оригинальность ручаюсь, да и за занимательность тоже“. Я не могу теперь сказать утвердительно, надъ какимъ именно работалъ онъ тогда сочиненіемъ, но, кажется, это былъ его знаменитый романъ „Преступленіе и наказаніе“.

Я тотчасъ же отправился съ его письмомъ въ редакцію „Библіотеки для Чтенія“, куда прежде всего просилъ онъ адресоваться. Тамъ мнѣ сказали, что дѣла журнала идутъ весьма дурно, почему и прежде не могли высылать Достоевскому денегъ и теперь не могутъ исполнить его просьбы, не зная навѣрное, будетъ ли продолжаться изданіе въ будущемъ году. Послѣ того былъ я въ редакціи „Современника“, куда Өедоръ Михайловичъ просилъ меня обратиться, если встрѣчу неудачу въ „Библіотекѣ“. Но тутъ съ первыхъ словъ меня отразили замѣчаніемъ, что не желаютъ вовсе принимать сочиненій того, кто бросалъ камешки въ Чернышевскаго. Подъ этими камешками, конечно, разумѣлись полемическія замѣтки, которыя печатались въ „Эпохѣ“, когда ею завѣдовалъ Өедоръ Михайловичъ. Оставалась послѣдняя надежда на „Отечественныя Записки“, съ редакціей которыхъ я былъ давно уже знакомъ. И здѣсь однако не удалось мнѣ ничего сдѣлать. На другой день послѣ моего визита, мнѣ написали отъ имени Дудышкина: „во-первыхъ, у насъ есть запасъ беллетристики до новаго года, и, во-вторыхъ, денежныя обстоятельства не такъ блестящи, чтобъ можно было давать деньги впередъ, когда предстоитъ еще три съ половиною мѣсяца платить взадъ“. Такимъ образомъ, всѣ попытки получить триста рублей за повѣсть, которая, разумѣется, стоила несравненно больше, оказались неудачными. Тогда Достоевскій написалъ М. Н. Каткову, съ которымъ сначала, по какимъ-то соображеніямъ, не хотѣлъ вступать въ переговоры, и ему немедленно выслали пятьсотъ рублей. Онъ расплатился съ долгами въ Висбаденѣ, воротился въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, вмѣсто повѣсти, началъ печататься романъ „Преступленіе и наказаніе“, который произвелъ сильное впечатлѣніе на все общество и придалъ новый блескъ имени талантливаго автора. Конечно, никто не будетъ оспаривать, что у насъ не было ничего подобнаго въ этомъ родѣ,

и романистъ не напрасно ручался за оригинальность и занимательность своего лучшаго произведенія.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Ѳедору Михайловичу платили хорошо, нерѣдко высылали значительныя суммы впередъ, и если у него бывали иногда недоразумѣнія съ редакціею, то въ одномъ только литературномъ отношеніи, при разницѣ въ понятіяхъ о приличіи и нравственности, въ чемъ, мнѣ кажется, онъ не всегда былъ правъ. Впрочемъ, до самой кончины своей онъ, какъ извѣстно, былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ московской редакціей. Если Достоевскій часто нуждался въ деньгахъ, то не отъ недостатка работы или утомленія, а потому что принужденъ былъ уплачивать и свои собственные долги, и тѣ, которые остались послѣ брата по журналу и даже по табачной фабрикѣ. Это въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не давало ему покоя и не разъ грозило долговымъ отдѣленіемъ. Чтобы погашать въ сроки векселя, онъ долженъ былъ входить иногда въ сдѣлки чрезвычайно невыгодныя, можно сказать безразсудныя, если бы онѣ не оправдывались крайней необходимостью и непремѣннымъ желаніемъ честно покончить дѣла и не оставить пятна на добромъ имени брата. Поэтому онъ продавалъ право на отдѣльныя изданія своихъ сочиненій на условіяхъ очень отяготительныхъ, лишь бы получить впередъ деньги, чѣмъ ловкіе люди обыкновенно и пользовались.

Особенно тягостна была для него сдѣлка съ книгопродавцемъ-издателемъ Стелловскимъ, который въ 1866 г. пріобрѣлъ у него право на полное изданіе его сочиненій. Передъ отъѣздомъ въ Москву Ѳедоръ Михайловичъ какъ-то вскользь сказалъ мнѣ, что лѣтомъ долженъ написать для этого изданія новый романъ. Въ іюлѣ онъ писалъ мнѣ изъ села Люблина, куда, по его словамъ, бѣжалъ изъ гостиницы Дюсо, потому что номеръ его въ жаркіе дни „походилъ на русскую печку, когда начнутъ въ нее сажать хлѣбы“, и слѣдовательно работать тамъ не было никакой возможности. Въ этомъ письмѣ, говоря о своемъ образѣ жизни, занятіяхъ и сношеніяхъ съ редакціею „Русскаго Вѣстника“, онъ въ заключеніе прибавляетъ: „За романъ Стеловскому я еще не принимался, но примусь. Составилъ планъ весьма удовлетворительнаго романчика, такъ что будутъ даже признаки характеровъ. Стеловскій безпокоитъ меня до мученія, даже вижу во снѣ“. Въ это время я не зналъ въ чемъ дѣло, по впослѣдствіи оказалось, что въ контрактѣ съ книгопродавцемъ было, между прочимъ, одно условіе, которое въ случаѣ невыполненія обязательства должно было отдать Достоевскаго въ безвыходную кабалу его предусмотрительному издателю. Только по возвращеніи Ѳедора Михайловича въ Петербургъ узналъ я, отчего этотъ издатель порождалъ въ немъ мучительные сны. Между тѣмъ этотъ „романчикъ“, о которомъ онъ писалъ, имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ праздники Покрова Богородицы, т.-е. 1-го октября, зашелъ я къ Достоевскому, который незадолго пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ быстро ходилъ по комнатѣ съ папиросой и видимо былъ чѣмъ-то очень встревоженъ.

— Что вы какой мрачный?—спросилъ я.

— Будешь мраченъ, когда совсѣмъ пропадаешь!—отвѣчалъ онъ, не переставая шагать взадъ и впередъ.

— Какъ! что такое?

— Да знаете вы мой контрактъ съ Стеловскимъ?

— О контрактѣ вы мнѣ говорили, но подробностей не знаю.

— Такъ вотъ посмотрите.

Онъ подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ него бумагу и подалъ мнѣ, а самъ опять зашагалъ по комнатѣ. Я былъ озадаченъ. Не говоря уже о незначительности суммы, за которую было запродано изданіе, въ условіи заключалась статья, по которой Өедоръ Михайловичъ обязывался доставить къ ноябрю того же года новый, нигдѣ еще не напечатанный романъ въ объемѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ большого формата, а если не выполнитъ этого, то Стеловскій имѣетъ право перепечатывать всѣ будущія его сочиненія безъ всякаго вознагражденія.

— Много у васъ написано новаго романа? — спросилъ я.

Достоевскій остановился передо мною, рѣзко развелъ руками и сказалъ: „ни одной строки!“ Это меня поразило.

— Понимаете теперь, отчего я пропадаю? — сказалъ онъ желчно.

— Но какъ же быть? вѣдь надобно что-нибудь дѣлать!—замѣтилъ я.

— А что же дѣлать, когда остается одинъ мѣсяцъ до срока. Лѣтомъ для „Русскаго Вѣстника“ писалъ, да написанное долженъ былъ передѣлывать, а теперь ужъ поздно: въ четыре недѣли десять большихъ листовъ не одолѣешь.

Мы замолчали. Я присѣлъ къ столу, а онъ заходилъ опять по комнатѣ.

— Послушайте, — сказалъ я, — нельзя же вамъ себя навсегда закабалить; надобно найти какой-нибудь выходъ изъ этого положенія.

— Какой тутъ выходъ! я никакого не вижу.

— Знаете что, — продолжалъ я: — вы, кажется, писали мнѣ изъ Москвы, что у васъ есть уже готовый планъ романа?

— Ну, есть, да вѣдь я вамъ говорю, что до сихъ поръ не написано ни строчки.

— А не хотите ли вотъ что сдѣлать: соберемте теперь же нѣсколько нашихъ пріятелей; вы разскажете намъ сюжетъ романа, мы намѣтимъ его отдѣлы, раздѣлимъ по главамъ и напишемъ общими силами. Я увѣренъ, что никто не откажется. Потомъ вы просмотрите и сгладите неровности или какія при этомъ выйдутъ противорѣчія. Въ сотрудничествѣ можно будетъ успѣть къ сроку; вы отдадите романъ С—кому и вырветесь изъ неволи. Если же вамъ своего сюжета жаль на такую жертву, придумаемъ что-нибудь новое.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ рѣшительно, — я никогда не подпишу своего имени подъ чужой работой.

— Ну, такъ возьмите стенографа и сами продиктуйте весь романъ: я думаю, въ мѣсяцъ успѣете кончить.

Достоевскій задумался, прошелся опять по комнатѣ и сказалъ:

— Это другое дѣло... Я никогда еще не диктовалъ своихъ сочиненій, но попробовать можно... Да, другого средства нѣтъ, не удастся — такъ пропалъ... Спасибо вамъ: необходимо это сдѣлать, хоть и не знаю, сумѣю ли... Но гдѣ стенографа взять? Есть у васъ знакомый?

— Нѣтъ, но найти не трудно.

— Найдите, найдите, только скорѣе.

— Завтра же похлопочу.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ въ возбужденномъ состояніи: онъ, очевидно, началъ надѣяться на возможность выйти изъ своего тяжелаго положенія, но въ то же время не совсѣмъ еще былъ увѣренъ въ успѣхѣ новой для него работы. На другой день я обратился къ одному изъ моихъ сослуживцевъ, Е. Ѳ. В—ру, съ вопросомъ: нѣтъ ли у него знакомаго стенографа, и объяснилъ ему при этомъ, въ чемъ дѣло. Онъ обѣщалъ съѣздить къ своему знакомому, П. М. Ольхину, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ открылъ курсы стенографіи, преимущественно для женщинъ. Я просилъ сдѣлать это не мѣшкая — и вотъ на другой же день къ Достоевскому явилась по рекомендаціи Ольхина, въ качествѣ стенографистки, одна изъ лучшихъ его учениць, Анна Григорьевна Сниткина. Послѣ объясненія относительно подробностей работы и условій, съ слѣдующаго же утра 4-го октября началось стенографированіе романа „Игрокъ". Я изрѣдка заходилъ къ Ѳедору Михайловичу въ такіе часы, когда не могъ помѣшать работѣ, и видѣлъ, что онъ мало-по-малу становился покойнѣе и веселѣе, и надежда на успѣхъ дѣла превращалась у него уже въ положительную увѣренность. Наконецъ, романъ былъ оконченъ и переписанъ ровно къ 30 октября. Несмотря на возбужденное состояніе автора и новый для него способъ работы, сочиненіе вышло замѣчательнымъ въ литературномъ отношеніи: нравы городка Рулетенбурга очерчены въ оригинальной картинѣ, и при этомъ раскрылись не только „признаки характеровъ", какъ выразился Достоевскій, но цѣльныя, бойко и смѣло написанныя лица, какъ, напримѣръ, типичная старуха-самодурка Тарасевичева, которая впухъ проигрывается въ рулетку.

Но романъ этотъ, какъ я уже замѣтилъ, не только освободилъ Достоевскаго отъ эксплуатаціи издателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю остальную жизнь автора. Во время ежедневной работы надъ сочиненіемъ, Ѳедоръ Михайловичъ и его сотрудница хорошо узнали и оцѣнили другъ друга; онъ сдѣлалъ ей предложеніе, не умолчавъ, конечно, ни о своихъ денежныхъ нуждахъ, ни о роковой болѣзни, — и 15 февраля 1867 г. мы были уже на ихъ вѣнчаніи въ Троицкомъ Измайловскомъ соборѣ. Я позволю себѣ прибавить, что этотъ второй бракъ Достоевскаго былъ вполнѣ счастливъ, и онъ пріобрѣлъ въ Аннѣ Григорьевнѣ и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную цѣнительницу своего таланта. Если Ѳедоръ Михайловичъ, при своей житейской непрактичности, успѣлъ

выплатить болѣе двадцати-пяти тысячъ своихъ и братниныхъ долговъ, то это могло сдѣлаться только при распорядительности и энергіи его жены, которая умѣла и вести дѣло съ кредиторами и поддерживать мужа въ тяжелые дни. На слѣдующее лѣто послѣ свадьбы Достоевскіе уѣхали за границу и прожили до 1871 года, большею частію въ Германіи и Италіи. Тамъ были задуманы романы „Бѣсы" и „Идіотъ".

Милюковъ.

Достоевскій за границей.

Возвратившись изъ ссылки, Достоевскій всего себя отдаетъ литературѣ, издаетъ съ братомъ журналъ сначала „Время", потомъ „Эпоху", пишетъ произведеніе за произведеніемъ, въ душѣ его идетъ страшная внутренняя работа, взгляды его еще и еще углубляются. Еще въ Сибири, гдѣ послѣ каторги онъ служилъ въ одномъ изъ Сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, Достоевскій женился на вдовѣ М. Д. Исаевой. По возвращеніи, въ Москвѣ жена его умерла отъ чахотки. Послѣ нея остался пасынокъ. Время изданія журналовъ и позднѣйшей работы полно для Достоевскаго постоянной борьбой съ безденежьемъ. Вскорѣ умеръ и его старшій братъ Михаилъ, оставивъ семью безъ средствъ. Теперь вся его жизнь идетъ въ безпрерывной работѣ и въ постоянномъ безпокойствѣ изъ-за нужды въ деньгахъ. Постоянно въ его письмахъ слышатся жалобы и идутъ безконечные денежные расчеты, постоянные долги, съ которыми онъ не умѣетъ справиться. Я охотно бы, — восклицаетъ онъ однажды, — пошелъ опять въ каторгу на столько же лѣтъ, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя опять свободнымъ". Онъ въ безпрерывной денежной кабалѣ, вѣчно подъ ярмомъ долговъ и денежныхъ обязательствъ, и въ этомъ гнетущемъ, тряскомъ состояніи пишетъ свои геніальныя вещи, „по громадному роману въ годъ", какъ онъ самъ говоритъ.

Съ 1865 г. Достоевскій проводитъ жизнь больше за границей, здѣсь онъ написалъ цѣлый рядъ романовъ, порою диктуя прямо стенографисткѣ. Его стенографисткой была будущая, вторая, жена его Анна Григорьевна Достоевская. Это случилось въ 1867 г. Отъ этого брака у Достоевскаго были дѣти.

Время заграничной жизни было временемъ особенно усиленной и напряженной работы религіознаго сознанія Достоевскаго, хотя всю жизнь у него была сильная страсть къ религіознымъ вопросамъ. „Потребность вѣры во Христа" мы видимъ у него уже въ бесѣдахъ съ Бѣлинскимъ, изъ петрашевцевъ онъ выдѣлялся свой религіозностью, въ каторгѣ съ нимъ была библія, и, явившись затѣмъ въ литературѣ послѣ каторги, углубляясь въ смыслъ страданія личности человѣка, онъ ищетъ спасенія отъ зла міра во Христѣ. Но все-таки въ первое время центръ тяжести его болѣній лежалъ гораздо болѣе въ сферѣ нравственныхъ, чѣмъ религіозныхъ вопросовъ. Нравственный вопросъ

не представлялся ему еще въ столь зависимомъ положенiи по отношенiю къ религiозной вѣрѣ, какъ это мы видимъ впослѣдствiи. Впервые явственно сказалась религiозная точка зрѣнiя въ рѣшенiи нравственныхъ вопросовъ въ „Преступленiи и Наказанiи". Далѣе идетъ глубокая работа въ этомъ направленiи за границей. Здѣсь многое изъ того, что только чуть брезжило, едва показывалось на порогѣ сознанiя, окончательно выяснилось, перешло въ сознанiе, прiобрѣло силу и убѣдительность. Много способствовали тому и внѣшнiя условiя жизни Достоевскаго. За границей „онъ очень усиленно работалъ и нуждался,— читаемъ мы въ воспоминанiяхъ Страхова; — но онъ имѣлъ покой и радость счастливой семейной жизни, и почти все время жилъ въ совершнномъ уединенiи, т.-е. вдали отъ всякихъ значительныхъ поводовъ оставлять прямой путь развитiя своихъ мыслей и глубокой душевной работы... Нѣмъ сомнѣнiя, что именно за границей, *при этой обстановкѣ и этихъ долгихъ и спокойныхъ размышленiяхъ, въ немъ совершилось особенное раскрытiе того христiанскаго духа*, который всегда жилъ въ немъ. Въ его письмахъ подконецъ вдругъ раздались звуки этой струны; она стала звучать въ немъ такъ сильно, что онъ не могъ оставлять эти звуки для себя одного, какъ это дѣлалъ прежде. Объ этой существенной перемѣнѣ однако же письма не даютъ полнаго понятiя. Но она очень ясно обнаружилась для всѣхъ знакомыхъ, когда Θеодоръ Михайловичъ вернулся изъ-за границы. *Онъ сталъ безпрестанно сводить разговоръ на религiозныя темы.* Мало того, онъ перемѣнился въ обращенiи, получившемъ большую мягкость и впадавшемъ иногда въ полную кротость. Даже черты его лица носили слѣдъ этого настроенiя и на губахъ появлялась нѣжная улыбка".

Помимо этого впечатлѣнiя Страхова о подъемѣ религiозной мысли Достоевскаго, въ перiодъ его заграничной жизни, говорятъ и тѣ произведенiя, которыя написаны за это время, и письмо его изъ-за границы. Въ 1868—69 г. онъ написалъ „Идiота", вслѣдъ за нимъ появляются въ 1870 г. въ I-й и II-й книгахъ „Зари", „Вѣчный мужъ", послѣднiй, впрочемъ, болѣе интересный съ психологической, чѣмъ съ религiозной точки зрѣнiя. Весь 1870 г. Достоевскiй занятъ „Бѣсами", которые печатаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ 1871 г. Въ письмахъ Достоевскаго этого перiода его жизни изъ-подъ обычнаго обилiя пространныхъ денежныхъ расчетовъ то и дѣло проскальзываетъ то или иное замѣчанiе, обнаруживающее неослабное вниманiе Достоевскаго къ вопросамъ религiи и нравственности, атеизма и соцiализма, которымъ и здѣсь Достоевскiй интересуется болѣе всего съ точки зрѣнiя его религiозно-нравственныхъ предпосылокъ. Здѣсь же, какъ видно изъ его писемъ къ А. Н. Майкову и Страхову, онъ задумалъ своихъ „Братьевъ Карамазовыхъ" подъ названiемъ „Житiе великаго грѣшника". Въ письмѣ отъ 11 декабря 1868 г. изъ Флоренцiи къ Ап. Майкову онъ пишетъ, что задумалъ огромный романъ „Атеизмъ". Называя то, что служило матерiаломъ чтенiя Достоевскаго за границей, Страховъ пишетъ: „Θедоръ Михайловичъ во все время пребыва-

пія за границею получалъ „Русскій Вѣстникъ“, съ 1869 г. „Зарю“. Но, кромѣ того, онъ читалъ и другія русскія книги. Нѣкоторыя были взяты имъ съ собой, напр., „Странствованіе инока Парѳенія“, „Сочиненія Бѣлинскаго“, „Исторія Россіи“ Соловьева; другія онъ выписывалъ, напр., „Войну и Миръ“ Л. Н. Толстого. *Но постояннымъ чтеніемъ его было евангеліе;* онъ читалъ его по той самой книгѣ, которую имѣлъ въ каторгѣ и съ которой никогда не разставался“.

Вернувшись изъ-за границы, Достоевскій пишетъ въ 1873 г. свой „Дневникъ Писателя“, въ 1875 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ печатаетъ „Подростка“, 1876 и 1877 гг. сплошь заняты опять „Дневникомъ“, въ 1879 и 1880 г. печатаются „Братья Карамазовы“, наконецъ, еще нѣсколько нумеровъ „Дневника Писателя“ за 1880 и 1881 гг. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ нравственная проблема личности, теперь окончательно ставшая религіозной проблемой Бога и личнаго безсмертія.

Страстно-ищущая, неугомонная и бурная душа Достоевскаго, какъ бушующее море и страшный ураганъ, не знала спокойствія. Съ дѣйствительностью онъ не могъ примириться, бунтовалъ противъ нея, ища разрѣшенія въ религіи. Всю свою жизнь Ѳедоръ Михайловичъ стремился подняться надъ скучнымъ бездушіемъ плоской дѣйствительности. Надъ гробомъ его русскій философъ Вл. Соловьевъ, теперь тоже уже сошедшій въ могилу, сказалъ: „Въ томъ-то и заслуга, въ томъ-то и все значеніе такихъ людей, какъ Достоевскій, что *они не преклоняются предъ силой факта и не служатъ ей.* Противъ этой грубой силы того, что существуетъ, у нихъ есть духовная сила вѣры въ истину и добро, въ то, что должно быть. Не искушаться видимымъ господствомъ зла и не отрекаться ради него отъ невидимаго добра есть подвигъ вѣры. Въ немъ вся сила человѣка... *Жизнь творятъ* люди вѣры. Это тѣ, которые называются мечтателями и утопистами, юродивыми, — они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества. Такого человѣка мы сегодня поминаемъ“.

И въ этомъ глубоко правъ русскій философъ, онъ въ своей религіозно-христіанской проповѣди былъ близокъ Достоевкому по духу. Вѣчно исполненный святого безпокойства о высшемъ смыслѣ жизни, вѣчно ищущій святынь, съ душой, простертой къ Богу, Достоевскій всю жизнь свою провелъ въ этомъ тревожно-вдохновенномъ порываніи въ міръ иной, лучшій и высшій. Крайній идеалистъ по натурѣ, глубоко-вѣрующій и религіозный человѣкъ, онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на страшную неразрѣшимую тайну. Вдохновенная страстность Ѳедора Михайловича доходила до религіознаго упоенія. Часто слышали мы всѣ о немъ: „Достоевскій — больной человѣкъ“! Этимъ объясняютъ, оправдываютъ, а подчасъ и просто умаляютъ великаго писателя, всего чаще за недостаточнымъ пониманіемъ сокровищъ его богатѣйшей творческой работы. Да, Ѳедоръ Михайловичъ былъ дѣйствительно боленъ, боленъ не столько падучей и другими недугами, сколько своимъ огромнымъ геніемъ, своей необычайной религіозной жаждой, идеализмомъ,

и, наконецъ, своимъ пламеннымъ исканіемъ Бога и возсоединенія съ Нимъ. „Я неисправимый идеалистъ“, говоритъ онъ самъ про себя въ „Дневникѣ Писателя“, „я ищу святынь, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь“.

И Достоевскій нашелъ эту святыню души своей, принесъ ее съ собой чрезъ всѣ мрачныя видѣнія, черезъ всѣ страшныя испытанія всей долгой страдальческой жизни. „Черезъ большое *горнило сомнѣній* моя осанна пришла“, записалъ какъ-то Достоевскій въ своей „записной книжкѣ“; онъ зналъ страшныя сомнѣнія, томился, падалъ, изнывалъ въ тоскѣ безысходной, въ мукѣ мученической, подходилъ къ краю послѣднихъ отрицаній, но Христосъ былъ съ нимъ. Свое исповѣданіе онъ запечатлѣлъ въ геніальныхъ художественныхъ образахъ неимовѣрной глубины. Влекущая его правда христіанскихъ озареній раскрывается въ образахъ часто противоположныхъ по своему духовному облику, она блеститъ, какъ молнія, въ тучахъ душевной тьмы, святость просвѣчиваетъ изъ-за страшной тьмы грѣха въ молитвенныхъ восторгахъ религіознаго просвѣтлѣнія; духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, но больше всего эта правда духа Христова сіяетъ въ чистыхъ сердцемъ Мышкина въ „Идіотѣ“ и Алеши Карамазова въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“; они—живой намекъ на жизнь иную, мерцаніе отдаленной зари христіанскаго возрожденія. Старецъ Зосима, около котораго живетъ и дышитъ Алеша, въ жизни и ученіи своемъ еще ближе къ осаннѣ Достоевскаго, ближе къ зовущей его святынѣ Христовой правды.

Глинка.

Смерть Достоевскаго.

Послѣ Пушкинской рѣчи Достоевскій жилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Въ январѣ 1881 г. онъ захворалъ припадкомъ давнишней своей болѣзни, эмфиземы, которая въ ночь на 26-е осложнилась разрывомъ легочной артеріи; разсказываютъ, что во всѣ сомнительныя минуты жизни онъ имѣлъ обыкновеніе раскрывать на удачу то евангеліе, которое было съ нимъ въ Сибири, и читать верхнія строки открывшейся страницы. Такъ онъ сдѣлалъ и теперь, въ день кончины (28 января), когда ему было трудно. Открылось Матѳ. гл. III, ст. 11: „Іоаннъ же удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя и Ты ли приходишь ко мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду“ Когда жена прочла ему эти строки, онъ сказалъ ей: „Ты слышишь—*не удерживай*; значитъ я, умру“. Въ тотъ же вечеръ, благословивъ дѣтей и жену, онъ умеръ.

Необозримыя массы народа собрались къ его гробу въ день похоронъ; и какъ въ теченіе жизни онъ не былъ для людей *только* писателемъ, такъ не писателя только собрались хоронить эти люди: всегда и прежде и теперь онъ имѣлъ силу волновать человѣческія

сердца совершенно особымъ родомъ чувствъ. Что же это были за чувства? Кого хоронили тогода? Кого потеряла Россія въ немъ? Проще всего будетъ сказать, что это былъ одинъ изъ насъ, отъ нашей кости и плоти человѣкъ, но такъ неизмѣримо болѣе насъ переживщій, такъ въ неизмѣримо большее прозрѣвшій, что это прозрѣніе естественно представляется намъ, какъ мудрость; не та мудрость, что составляетъ плодъ умственныхъ выкладокъ, и которую мы любимъ, какъ предметъ любопытства, но не считаемъ ее достаточно серіозною, что бы по ней жить, — но мудрость сердца, которой мы ищемъ именно для того, чтобы научиться, какъ жить. Всѣ другіе дары дала ему природа, — этотъ онъ пріобрѣлъ и имъ сталъ великъ. *В. Розановъ.*

Похороны Достоевскаго.

Никогда еще Россія не видѣла такихъ многолюдныхъ проводовъ, какіе пришлись на долю Ѳ. М. Достоевскаго. Искреннее чувство выразилось въ участіи всей петербургской учащейся молодежи, собравшейся проводить своего любимаго учителя до мѣста вѣчнаго покоя. Никогда еще у насъ на Руси не высказывалось того единства учащихъ и учащихся, какое оказалось на этотъ разъ. Никогда еще не бывало такого русскаго братства, сплотившагося во едино, чтобы выразить скорбное сочувствіе всей Россіи въ ея великой утратѣ. Но нельзя подобрать словъ, нельзя ихъ сопоставить такъ, чтобы вполнѣ выразить то непритворное, задушевное чувство, какимъ проникнуты были всѣ до единаго провожавшіе гробъ съ бренными останками Ѳедора Михайловича. Это были національные русскіе проводы національнаго русскаго писателя. Учащейся молодежи предоставленъ былъ самый широкій просторъ относительно участія въ этой процессіи, и, къ чести ея надо сказать, все было чинно.

А кто не перебывалъ у гроба почившаго дѣятеля въ его квартирѣ? Тутъ были представители всѣхъ слоевъ и состояній нашего общества, понимающаго заслуги Ѳедора Михайловича: тутъ были и высокопоставленныя лица, и свѣтскія дамы, и труженники науки и литературы. Въ числѣ явившихся поклониться праху почившаго были и дѣти, принесшія букетъ цвѣтовъ на гробъ автору „Мальчика у Христа на елкѣ“...

31 января, съ 9-ти часовъ утра, несмѣтныя толпы народа стремились къ Кузнечному переулку, гдѣ была квартира Ѳ. М. Достоевскаго. Квартира покойнаго настолько мала, что въ ней могли помѣститься, съ грѣхомъ пополамъ, только родственники, близкіе, знакомые, друзья покойнаго и литераторы. Около 10-ти часовъ въ Кузнечномъ переулкѣ собрались воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, освобожденныхъ отъ учебныхъ занятій. Воспитанники установились въ отдѣльныя группы, и къ началу шествія процессія растянулась на полверсты. Ровно въ 11 часовъ утра изъ квартиры вынесенъ былъ гробъ покойнаго, и процессія двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ:

Главный распорядитель погребальнаго шествія, товарищъ Ѳ. М. Достоевскаго по инженерному училищу, Д. В. Григоровичъ; за нимъ — большой лавровый вѣнокъ отъ военнаго Николаевскаго инженернаго училища, несомый юнкерами этого училища въ полной парадной формѣ, подъ предводительствомъ начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба, генерала Дандевиля съ нѣсколькими офицерами.

Далѣе отдѣльными группами слѣдовали:

1) Петербургскія прогимназіи, съ вѣнками отъ каждой; 2) воспитанники мужскихъ петербургскихъ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7 гимназій съ вѣнкомъ отъ каждой; 3) воспитанники реальныхъ училищъ, съ вѣнкомъ впереди[1]); 4) воспитанники земледѣльческаго училища, тоже съ вѣнкомъ; 5) воспитанники коммерческаго училища; впереди они несли большой лавровый вѣнокъ, среди котораго изъ бѣлыхъ иммортелей изображены были литеры: Ѳ. М. Д., а у нижней части вѣнка, соприкасающейся съ тремя палками, двѣ широкія бѣлыя ленты съ надписью: „Отъ воспитанниковъ Спб. коммерческаго училища“.

За симъ слѣдовали вѣнки отъ учебныхъ корпорацій съ депутатами:

1) вѣнокъ отъ Покровскихъ педагогическихъ женскихъ курсовъ; 2) вѣнокъ отъ студентовъ-технологовъ; 3) вѣнокъ отъ студентовъ Горнаго института; 4) вѣнокъ отъ учениковъ Императорской академіи художествъ; 5) небольшой вѣнокъ отъ москвичей, перевязанный бѣлою лентою съ большими концами, на которыхъ черными большими буквами значилось: „Великому учителю изъ сердца Россіи“, а вверху вѣнка „Изъ Москвы“; 6) вѣнокъ отъ учителей и учительницъ; 7) вѣнокъ отъ студентовъ Петербургской духовной академіи; 8) вѣнокъ отъ студентовъ института Инженеровъ путей сообщенія; 9) вѣнокъ отъ Женскаго хороваго музыкальнаго общества; 10) вѣнокъ отъ женскихъ медицинскихъ курсовъ; 11) вѣнокъ отъ студентовъ медико-хирургической академіи.

Хоръ пѣвчихъ-любителей, свыше 100 человѣкъ, исполнявшихъ на всемъ пути шествія осьмиголосное погребальное „Святый Боже“ очень стройно.

За ними слѣдовали депутаціи:

1) вѣнокъ отъ правовѣдовъ; его несли три воспитанника училища правовѣдѣнія во главѣ своего инспектора, профессора римскаго права Петербургскаго университета, г. Дорна; 2) вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ маргаритокъ, отъ слушательницъ Высшихъ женскихъ бестужевскихъ курсовъ, во главѣ профессора О. Ѳ. Миллера; курсистки образовали вокругъ себя ручную цѣпь, въ центрѣ которой слѣдовалъ ихъ хоръ; 3) вѣнокъ, самый красивый, богатѣйшій и больше всѣхъ другихъ, отъ студентовъ Петербургскаго университета, сдѣланный изъ самыхъ дорогихъ цвѣтовъ: камелій, розановъ, маргаритокъ, тюльпановъ, гіацинтовъ, сирени, ландышей и т. п. дорогихъ зимою цвѣтовъ.

---

[1]) Каждая группа воспитанниковъ отдѣлялась отъ другой извѣстною дистанціею, разграничивавшеюся вѣнками, на которыхъ было отмѣчено, отъ какого именно учебнаго заведенія, съ обозначеніемъ: Ѳ. М. Д.

Среди этого вѣнка гиганта, несомаго студентами на трехъ высокихъ палкахъ, изъ бѣлыхъ иммортелей была сдѣлана надпись: „Отъ студентовъ Спб. университета“. У рукоятокъ завязанъ былъ большой бантъ изъ широкой бѣлой ленты, заканчивающійся длинными четырьмя концами, поддерживаемыми студентами; на нихъ чернымъ крупнымъ шрифтомъ отпечатано было: „Униженные и Оскорбленные“, „Преступленіе и Наказаніе“, „Записки изъ Мертваго Дома“, „Рѣчь въ Москвѣ“ и „Братья Карамазовы“. Отъ вѣнка, впереди котораго шелъ ректоръ университета, Бекетовъ, сдѣлана была ручная цѣпь студентами, въ центрѣ которой шелъ хоръ студентовъ университета; 4) вѣнокъ отъ С.-Петербургскаго университета; 5) вѣнокъ отъ Комитета грамотности; 6) вѣнокъ отъ Врачебной общины, который несли два военныхъ доктора въ полной парадной формѣ; 7) вѣнокъ отъ русскихъ художниковъ; 8) вѣнокъ отъ учениковъ Строительнаго училища; 9) вѣнокъ отъ Консерваторіи.

Хоръ пѣвчихъ-любителей.

1) вѣнокъ отъ Общества русскихъ драматическихъ писателей; 2) вѣнокъ отъ русской оперы; его несли артисты Васильевъ 1-й и Мельниковъ; 3) вѣнокъ отъ русской драматической труппы, несомый Сазоновымъ и Давыдовымъ; 4) вѣнокъ отъ судебныхъ слѣдователей Петербургскаго окружного суда; его несли слѣдователи въ парадной формѣ, въ треуголкахъ; 5) вѣнокъ отъ секретарей и кандидатовъ на судебныя должности Петербургскаго окружного суда; 6) вѣнокъ отъ судебныхъ приставовъ того же суда; 7) вѣнокъ отъ присяжныхъ повѣренныхъ; 8) вѣнокъ, довольно красивый, изъ живыхъ цвѣтовъ и большой, съ литерами изъ темно-желтыхъ иммортелей: „Отъ города Петербурга“; его несли три депутата отъ петербургской думы, съ траурными перевязями черезъ плечо; 9) вѣнокъ отъ Московскаго лицея.

Депутація отъ всѣхъ петербургскихъ журналовъ и газетъ, за которою слѣдовали:

1) Большая трехцвѣтная русская хоругвь, изъ оранжеваго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ съ большимъ лавровымъ вѣнкомъ, съ надписью посрединѣ: „Достоевскому“, а внизу: „Отъ редакціи журнала „Русская Рѣчь“; 2) вѣнокъ лавровый отъ „Петербургскаго Листка“, съ литерами посрединѣ: „другу чести и правды“; 3) вѣнокъ отъ редакціи „Новое Время“; 4) красивый вѣнокъ изъ бѣлыхъ маргаритокъ, переплетенныхъ лавровыми листьями, полевою засушенною травою, стебельками и мхомъ, перевязанный бантомъ изъ бѣлой ленты, на которой золотистыми буквами отпечатано: „Всемірная Иллюстрація“, „Огонекъ“.

Хоръ владимірскихъ пѣвчихъ.

Духовенство, состоящее изъ пяти священниковъ, въ томъ числѣ профессоръ церковнаго права, о. протоіерей Горчаковъ, и діаконъ.

Вѣнокъ лавровый, съ литерами изъ бѣлыхъ иммортелей подпись: „Отъ Спб. Славянскаго Общества Русскому человѣку“. Отъ вѣнка идетъ по обѣ стороны гирлянда изъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ длиною въ 30 саженей; ее поддерживаютъ студентки и курсистки на

высокихъ палкахъ и образуютъ большой овальный кругъ, въ центрѣ котораго несутъ высоко на носилкахъ гробъ Θедора Михайловича литераторы, публицисты и журналисты; по обѣ стороны гроба идутъ профессора университета; сзади родственники и друзья покойнаго. Вдали двигается колесница, покрытая малиновымъ бархатомъ съ перьями.

Таковъ былъ порядокъ шествія, не нарушаемый ни полиціею ни жандармами, которыхъ было только шесть человѣкъ: все было чинно.

На пути шествія отслужены были двѣ литіи: у Владимирской и Знаменской церкви.

На всемъ пути этой процессіи, по обѣ стороны Невскаго проспекта, шпалерами стоялъ народъ. По мѣрѣ движенія, выставлены были шпалерами воспитанники и воспитанницы частныхъ учебныхъ заведеній, не участвовавшіе въ процессіи. Во все время слѣдованія — отъ Кузнечнаго переулка до воротъ Александро-Невской лавры пѣли неумолкаемо „Святый Боже" всѣ воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній, каждая группа отдѣльно и вполнѣ самостоятельно, при чемъ, въ виду широко раскинувшейся процессіи, не слышно было диссонанса. Пѣли юнкера Николаевскаго инженернаго училища, пѣли гимназисты и гимназистки, студентки, курсистки и студенты, пѣли хоры любителей и владимирскіе пѣвчіе. Въ особенности стройно пѣли любители, курсистки и студенты. Погребальное шествіе тянулось чинно, безъ давки и толкотни, въ порядкѣ. У воротъ лавры вышли навстрѣчу воспитанники духовнаго училища и духовной семинаріи; духовенство въ полныхъ облаченіяхъ, во главѣ настоятеля лавры, архимандрита о. Симеона, и ректора духовной академіи, о. Янышева, съ монастырской братіей и лаврскими пѣвчими.

Толпы народа, провожавшаго тѣло Θедора Михайловича, состояли изъ 25—30 тысячъ человѣкъ, которыя, конечно, не могли проникнуть въ самую лавру. Въ виду этого установленъ былъ слѣдующій порядокъ: всѣ депутаціи, состоявшія изъ трехъ человѣкъ, каждая съ вѣнками, которыхъ было до 62, проходятъ безпрепятственно въ самую церковь, при чемъ воспитанники, воспитанницы, студенты и студентки останавливаются по порядку шпалерами у воротъ лавры.

Было уже три часа, когда толпа стала расходиться, унося съ собою отрадное сознаніе выполненнаго долга передъ памятью о человѣкѣ, который всю жизнь работалъ на пользу русскаго общества и народа.

Участвовавшіе въ процессіи получили „визитныя карточки" покойнаго: небольшой въ траурной рамкѣ листъ, на которомъ отлитографирована подпись руки покойнаго — *Θедоръ Достоевскій;* внизу: справа — „родился 30 октября 1821 г.", слѣва — „скончался 28 января 1881 г."

Похороны Θедора Михайловича происходили на другой день, въ воскресенье 1-го февраля. Въ этотъ день толпы народа съ ранняго утра стекались къ Невскому монастырю.

Къ 62 вѣнкамъ, перечисленнымъ уже нами, въ день похоронъ присоединились еще новые, такъ что составилось всего до 74 вѣн-

ковъ; въ числѣ прибывающихъ мы видѣли лирообразный вѣнокъ отъ артиллерійской академіи, отъ академіи Генеральнаго штаба, отъ юридической, отъ воспитанниковъ морского училища, отъ гимназіи Спѣшневой, отъ лицеистовъ, отъ редакціи „Русской Мысли“, отъ „русскихъ дѣтей“, отъ „Общества драматическихъ писателей“ и громадный вѣнокъ изъ искусственныхъ и живыхъ цвѣтовъ и лавровъ съ надписью изъ иммортелей „отъ литераторовъ“. Великая княгиня Александра Іосифовна прислала вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а дѣти ея — крестъ изъ такихъ же цвѣтовъ. Отъ академіи наукъ депутатомъ явился М. И. Сухомлиновъ. Вѣнки съ депутаціями составили цвѣточную шпалеру по сторонамъ катафалка съ гробомъ отъ алтаря до входныхъ церковныхъ дверей. Много вѣнковъ еще лежало на гробѣ и на ступеняхъ около балдахина. Большая трехцвѣтная хоругвь съ вѣнкомъ и серебряными кистями съ надписью „Достоевскому“, была водружена противъ балдахина на хорахъ и ниспускалась внизъ, какъ бы осѣняя молящихся.

Нечего и говорить, что всѣ литераторы, представители разныхъ редакцій, депутаты отъ учебныхъ заведеній и разныхъ обществъ переполнили собою церковь, въ которую впускъ производился только по билетамъ. Въ числѣ представителей драматическаго міра былъ В. В. Самойловъ. При богослуженіи также присутствовали: оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ, министръ народнаго просвѣщенія г. Сабуровъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Н. С. Абаза, и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ 10 часовъ, встрѣченный духовенствомъ, прибылъ архіерей, преосвященный Несторъ, епископъ Выборгскій, второй викарій с.-петербургской епархіи, и началъ литургію въ сослуженіи архимандритовъ и іеромонаховъ. Стройно пѣли превосходные пѣвчіе, горячо молились русскіе люди, когда раздались грустно-величественные и скорбно-торжественные звуки тропаря: „Со святыми упокой“. По окончаніи литургіи преосвященный Несторъ вышелъ на середину церкви передъ гробомъ для совершенія отпѣванія. Съ нимъ вышли о. ректоръ с.-петербургской духовной академіи Янышевъ, о. намѣстникъ лавры архимандритъ Симеонъ, два очередные архимандрита и за ними пять протоіереевъ стали по правую сторону гроба, пять іеромонаховъ — по лѣвую. Архидіаконъ провозгласилъ: „Благослови, Владыко“, и тихіе, полные скорби и умиленія звуки панихиднаго пѣнія полились тихой волной, исторгая слезы изъ глазъ молящихся. Въ это время вѣнки стали выносить изъ церкви, часть ихъ окружила могилу Ѳ. М. Достоевскаго, часть стала шпалерами по направленію къ кладбищу. Между тѣмъ въ церкви, по окончаніи чтенія евангелія, протоіерей о. Янышевъ обратился къ молящимся съ проповѣдью. Звучный голосъ, теплое чувство, которое слышалось въ каждомъ звукѣ проповѣди, и краснорѣчіе проповѣдника произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Смыслъ проповѣди приблизительно былъ таковъ. О. протоіерей обратилъ вниманіе на торжественность обстановки, на то, что здѣсь, вокругъ гроба одного

человѣка соединились всѣ ученые, литераторы, учащіеся, всѣ русскіе люди. Здѣсь на глазахъ у насъ снова подтверждаются слова Божественнаго учителя Христа: „Блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю; блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ; блаженни изгнанніи правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное“.

Вся дѣятельность покойнаго, многострадальнаго, многолюбившаго писателя, заключалась въ отыскиваніи свѣтлыхъ чертъ въ самой низкой душѣ. Онъ рылся въ грязи для того, чтобы отыскать и тамъ чистое и высокое. Стоитъ только припомнить заглавія его произведеній, чтобы видѣть, кого изображалъ нашъ великій писатель, о комъ болѣло его сердце, кому онъ сочувствовалъ; это были: „Бѣдные люди“, „Униженные и Оскорбленные“, „Мертвый домъ“, „Идіотъ“. Онъ обращалъ на нихъ наше вниманіе, онъ глубоко заглядывалъ въ душу человѣка, онъ своими произведеніями продолжалъ намъ нагорную проповѣдь Христа и мы какъ бы слышали: „Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное; блаженни плачущіе, яко тіи утѣшатся; блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся; блаженни, егда возненавидятъ васъ человѣцы“. Всю жизнь свою покойный искалъ истины и правды. Затѣмъ проповѣдникъ очертилъ его личность какъ высокаго христіанина, полагавшаго хранилище истины въ православной вѣрѣ, полагавшаго хранилище добрыхъ началъ въ душѣ русскаго человѣка. Дадимъ теперь ему, какъ многолюбившему, послѣдній поцѣлуй нашей любви.

Послѣ рѣчи и краткаго молитвословія, литераторы и друзья покойнаго подняли гробъ и понесли его въ предшествіи епископа съ духовенствомъ на кладбище. Передъ гробомъ несли нѣсколько малыхъ вѣнковъ, за гробомъ слѣдовало семейство покойнаго и литераторы. По мѣрѣ того, какъ проносили гробъ между шпалерами изъ вѣнковъ, державшіе вѣнки тихо склоняли ихъ надъ гробомъ. Это была умилительная картина. Когда стали опускать гробъ въ могилу, маленькая дочка Достоевскаго тронула всѣхъ своимъ простымъ, глубоко-сердечнымъ крикомъ: „Прощай, милый, добрый, хорошій папа, прощай!“ Всѣ стоявшіе въ оградѣ пѣли вмѣстѣ съ пѣвчими „Со святыми упокой“. Часть вѣнковъ была оборвана и гробъ весь былъ засыпанъ зеленью и цвѣтами и затѣмъ могилу засыпали землей. Начали говорить рѣчи и читать стихи. Желавшихъ было такъ много, что не всѣмъ удалось исполнить это желаніе. Отъ женщинъ желала, напримѣръ, говорить г-жа Архангельская, и когда пробралась къ оградѣ кладбища, то церемонія уже кончилась. Всѣ вѣнки потомъ были сложены на могилѣ Ѳ. М. Достоевскаго.

Долго, еще до самой вечерни толпился у могилы народъ; многіе уносили на память цвѣты изъ вѣнковъ и старались добыть хотя просто зеленую вѣточку.

На могилѣ были произнесены многими депутатами рѣчи. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Нашъ извѣстный драматургъ А. И. Пальмъ, товарищъ Достоевскаго по дѣлу Петрашевскаго, сказалъ слѣдующее:

„Если художественныя творенія и вся писательская дѣятельность нашего Достоевскаго имѣютъ глубокое поучительное и воспитательное для насъ значеніе, то неменьшую долю этого значенія представляетъ намъ и жизнь Ѳедора Михайловича, жизнь, начавшаяся въ суровой школѣ невзгодъ, къ сожалѣнію, едва ли не общихъ всей русской молодежи, ищущей идеаловъ правды и какихъ бы то ни было путей саморазвитія,—невзгодъ, можно сказать, неминучихъ, роковымъ образомъ, исторически необходимыхъ въ трудномъ своеобразномъ ростѣ русскаго человѣка. Считаю большимъ счастьемъ,—считаю законною гордостью, что на мою скромную долю выпала честь быть товарищемъ знаменитаго покойника именно въ ту пору его жизни, когда въ небольшой группѣ сверстниковъ и онъ извѣдалъ эту тяжелую невзгоду... Какъ теперь вижу минуту нашего прощанья въ декабрѣ 49 года. Онъ бодрый, почти веселый и какой-то свѣтлый, вѣрующій, обнялъ меня и сказалъ: „до свиданія, П., увидимся непремѣнно,—ужъ это непремѣнно—увидимся! Четыре года каторги, потомъ солдатчина—все вздоръ, пустяки, пройдетъ, а будущее наше!“ Глаза его сверкали, прекрасная, любящая, хотя и не безъ тонкаго юмора, улыбка загорѣлась на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ... Прошли многіе трудные годы и въ самомъ дѣлѣ наступило наше свиданіе. Ѳ. М., опять все тотъ же бодрый, свѣтлый, вѣрующій,—на литературномъ чтеніи въ пользу учащейся молодежи, шепчетъ мнѣ: „А вѣдь мы не пропали! Мало насъ, а все-таки нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнятъ стариковъ... Вѣдь вотъ же пригодились, не пропали!..“ Глубокопоучительна эта неумирающая вѣра въ свое душевное дѣло, которое тихонько, но безъ перерыва двигается, теплится въ человѣкѣ, помимо всѣхъ невзгодъ, всего шума, гама и сумятицы внѣшнихъ, переходящихъ явленій... Безъ этой вѣры нѣтъ ничего истинно-прочнаго, ничего истинно-великаго... И она же, эта вѣра въ свое душевное дѣло, неизмѣнно и прямо ведетъ къ всепрощенію, къ признанію правъ человѣческой личности, къ полному примиренію. Увы, господа, примиреніе почти всегда настаетъ для человѣка послѣ смерти, но въ настоящемъ случаѣ утѣшительно сознать, что примиреніе для Достоевскаго совершилось еще при жизни. Онъ не унесъ въ могилу горькой, ѣдкой мысли о неконченныхъ земныхъ счетахъ, онъ умеръ тихо, ясно, любовно, всѣми признанный и оправданный во всѣхъ путяхъ его жизни и дѣятельности... Оттого-то и наша скорбь о немъ не мрачна, не безотрадна, а облекается въ какія-то праздничныя одежды, обращается въ торжество всенароднаго признанія заслугъ геніальнаго человѣка... Въ виду его свѣжей могилы пожелаемъ, чтобы всѣ страждущіе, униженные и оскорбленные, бытописателемъ которыхъ былъ нашъ знаменитый художникъ, укрѣпляли и очищали правдой свое душевное дѣло, увѣровали въ завѣщанный жизнію Достоевскаго великій урокъ и дождались при жизни яснаго дня примиренія, возстановленія, всепрощенія—Свѣтлаго Христова Воскресенія, какъ сказалъ бы онъ самъ нашъ дорогой покойникъ.

Профессоръ В. С. Соловьевъ, между прочимъ, говорилъ:

„Всѣ мы сошлись здѣсь ради общей нашей любви къ Достоевскому. Но если Достоевскій всѣмъ намъ такъ дорогъ, значитъ всѣ мы любимъ то, что онъ самъ болѣе всего любилъ, что ему было всего дороже; значитъ мы вѣримъ въ то, во что̀ онъ вѣрилъ и что̀ проповѣдывалъ. А то зачѣмъ бы и приходить намъ сюда чествовать его кончину, если бы намъ было чуждо то, ради чего онъ жилъ и дѣйствовалъ? А любилъ Достоевскій прежде всего живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ, и вѣрилъ онъ, что всѣ мы — рабы Божіи, вѣрилъ въ безконечную божественную силу человѣческой души, торжествующую надъ всякимъ внѣшнимъ насиліемъ и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Воспріявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и, преодолѣвъ все это безконечною силою любви и всепрощенія, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ божественную силу души, пробивающуюся черезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій вѣрилъ въ Бога и въ Богочеловѣка. Дѣйствительность Бога и Христа открылась ему во внутренней силѣ любви и всепрощенія, и эту же всепримиряющую и всепрощающую силу любви проповѣдывалъ онъ какъ основаніе для осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю свою жизнь.

„И мы, собравшіеся на могилѣ, чѣмъ лучшимъ можемъ выразить свою любовь къ нему, чѣмъ лучшимъ помянуть его, какъ если согласимся и провозгласимъ, что любовь Достоевскаго есть наша любовь и вѣра Достоевскаго — наша вѣра. Соединенные любовью къ нему, постараемся, чтобы такая любовь соединила насъ и другъ съ другомъ. Тогда только воздадимъ мы достойное духовному вождю русскаго народа за его великіе труды и великія страданія“.

Студентъ Павловскій произнесъ на могилѣ слѣдующія слова:

„Еще нѣсколько минутъ — и эти мерзлыя глыбы навсегда придавятъ грудь человѣка, который всю жизнь бился за угнетенныхъ и униженныхъ, всю жизнь болѣлъ и страдалъ за исчезновеніе въ насъ правды и нравственнаго совершенства, за нашу бѣдную, нищую землю и ея права на самобытную, самостоятельную жизнь. Изъ рудниковъ Сибири принесъ онъ вѣсть о вѣчно живущихъ въ человѣкѣ, не умирающихъ въ немъ и тамъ, въ царствѣ живой смерти, его лучшихъ душевныхъ силахъ. У насъ не было другого подобнаго художника-психолога, который бы умѣлъ открыть Божью искру тамъ, гдѣ ея нельзя было и чаять. Онъ по преимуществу художникъ того горя-горькаго, безысходнаго, понять которое, войти въ суть котораго доступно было только тому, кто самъ перенесъ это горе, кто самъ на своей многострадальной груди перетерпѣлъ его, кто самъ былъ причисленъ къ паріямъ человѣчества и, въ цѣпяхъ, вдали отъ всего родного и живого, въ глухомъ рудникѣ, за каторжной работой изучалъ, слѣдилъ и любилъ несчастныхъ и ихъ душу. Онъ повѣдалъ намъ про этихъ несчастныхъ и жизнь ихъ внутренняго „я“. Онъ съ та-

кимъ глубокимъ анализомъ изслѣдовалъ всѣ изгибы ихъ больной души, съ такой фотографической точностью и правдой воспроизвелъ ихъ думы, что до подобной высоты не возвышался ни одинъ европейскій писатель. Онъ не захватываетъ душу слегка, не скользитъ по ней и не убѣгаетъ отъ нея. Нѣтъ... Онъ распластываетъ ее всю предъ нами наизнанку и тамъ, гдѣ не справился бы другой талантъ, онъ лишь мощно развертываетъ свои силы и вездѣ, и въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ", и въ этихъ тѣняхъ изъ „Мертваго Дома", и въ несчастномъ „Раскольниковѣ", вездѣ онъ съ вѣрой смотритъ на эти внутреннія силы, видитъ ихъ лишь изуродованными, но вездѣ въ нихъ онъ умѣетъ найти живущими лучшія силы человѣческой души. Изъ этой-то вѣры въ силы русской души вытекала у него вѣра и во всю нашу жизнь, въ нашъ народъ и нашу землю. „Наша земля нищая, но эту нищую землю исходилъ благословляя Христосъ" — и за эти-то глубоко правдивыя, за эти-то изъ изученія души русскаго человѣка въ ея несчастной обстановкѣ вытекавшія и полныя вѣры слова, наше либеральное тупоуміе набросилось на великаго страдальца и отравило его послѣдніе дни. Но, — нашъ родной, нашъ незабвенный! — если не при твоей жизни, такъ теперь, въ эти горькія минуты, здѣсь надъ твоимъ прахомъ позволь намъ повторить твои слова и раздѣляемую нами твою глубокую вѣру въ могучія силы родной Руси, въ нашу „нищую землю" съ ея Христовымъ идеаломъ.

„Не забудьте, далѣе, гг., что Достоевскій олицетворилъ для насъ идею нравственнаго совершенства, полную гармонію слова съ дѣломъ, поступковъ съ убѣжденіями. Думается, что онъ не произнесъ за свою жизнь ни единаго фальшиваго, не искренняго слова. Его печатная рѣчь была всегда призывомъ изстрадавшагося, изболѣвшаго человѣка, страстнымъ воззваніемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣческой натуры. Его нравственно-изящный образъ недосягаемъ по своей высотѣ. Онъ будетъ всегда свѣтить намъ, молодежи, въ нашей жизненной борьбѣ, всегда будетъ говорить о возможности сохранить чистыми и неприкосновенными вѣру въ добро и чистоту души при всякой обстановкѣ и средѣ жизни... Мы будемъ приближаться къ тебѣ, нашъ родимый, и твой образъ будетъ ободрять насъ въ нашемъ тернистомъ и горькомъ пути.

„Понесемъ же, гг., отъ этой свѣжей могилы того генія добра, который слетѣлъ было, по призыву Ѳедора Михайловича, на всѣхъ присутствовавшихъ въ Москвѣ, во время его знаменитой, геніальной рѣчи... Этого генія затоптали потомъ и изгнали, замѣнивъ вседневными кумирами; но лучшей наградой покойному будетъ, если ему, этому генію добра, опять слетѣвшему къ намъ сегодня проводить своего усопшаго друга, мы не дадимъ улетѣть опечаленнымъ, и понесемъ съ собой въ наши дома и исполнимъ завѣтъ покойнаго, покончивъ наши дрязги и пререканія и въ дружной работѣ будемъ двигать общее святое дѣло.

„Смиримся же, гордые люди; покоримся, гордые люди, и правда и добро да будутъ съ нами по завѣту Ѳедора Михайловича Достоевскаго".

Приводимъ слова, сказанныя у могилы профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ:

„То, что происходило на этихъ дняхъ, есть великое торжество человѣческаго духа. Вдохновеннымъ великимъ его исповѣдникомъ былъ покойникъ. Дѣло внутренняго самосовершенствованія, какъ первая основа усовершенствованія строя общественнаго, — вотъ что онъ намъ проповѣдывалъ. Матеріализмъ и общественное служеніе несовмѣстимы — вотъ его исповѣданіе. Пребудемъ же всѣ ему вѣрны.

„Онъ имѣлъ — кто не знаетъ этого — громадное вліяніе на молодежь. Со всѣхъ сторонъ получаются — и мною и, конечно, другими — задушевныя выраженія горя о немъ — большею частію въ видѣ стихотвореній. Вотъ одно изъ нихъ — неизвѣстной слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ:

Надъ гробомъ Ѳ. М. Достоевскаго.

Еще прибавилось одной
　　Безвременной могилой,
Еще про скорбь земли родной
　　Вѣщаетъ звонъ унылый.
Но если бъ могъ заговорить
　　Поэтъ нашъ незабвенный,
То онъ сказалъ бы: „Что тужить
　　„Объ этой жизни тлѣнной?
„Не плачьте, милые друзья,
　　„Горючими слезами!
„Хоть и въ гробу, живъ духомъ я
　　„И буду вѣчно съ вами.
„Пусть плоть навѣки умерла!
　　„Надъ духомъ смерть безсильна:
„Не даромъ сѣялъ я: взошла
　　„Мнѣ жатва изобильна.
„И эти слезы, что текутъ
　　„На прахъ мой бездыханный,
„Меня торжественнѣе чтутъ,
　　„Чѣмъ мѵръ благоуханный.
„Настанутъ дни, и вслѣдъ за мною
　　„Придутъ жнецы другіе
„И зерна, брошенныя мною,
　　„Сберутъ въ снопы густые".

За недостаткомъ времени Ап. Ник. Майковъ не успѣлъ прочесть у могилы слѣдующія строки, вызванныя сегодняшнимъ грустнымъ событіемъ: „Мнѣ говорятъ, что я долженъ сказать что-нибудь передъ этой могилой. Но и теперь у меня слишкомъ сильно бьется сердце, — какъ и дома, когда хотѣлъ написать нѣсколько стиховъ покойному. Сорокъ почти лѣтъ дружбы, почти единомыслія сдѣлали бесѣду съ Достоевскимъ для меня *потребностью.* Объ немъ сказано и написано было много. Но не сказано, кажется, то, что для меня всегда казалось самымъ великимъ проявленіемъ его души. Это — *какимъ* онъ возвратился изъ Сибири. Не убитымъ, не озлобленнымъ, не *возгордившимся* ссылкой. Нѣтъ, *примиреннымъ* и *просвѣтленнымъ.* Тамъ онъ узналъ русскій народъ въ его историческомъ и человѣческомъ образѣ и по этому народу, войдя душой въ его душу, узналъ Христа, „а все это, говорилъ онъ, — такое благо, за которое немного заплатить каторгой".

„Это-то примиреніе (или разумѣніе) и просвѣтлѣніе, это возрожденіе умомъ и сердцемъ и дало ту силу его таланту и ту мудрость его разуму, которыя сдѣлали его свѣтильникомъ для всѣхъ, жаждавшихъ свѣта и способныхъ его пріять".

Слѣдующее стихотвореніе прочитано на могилѣ:

На смерть Ѳ. М. Достоевскаго[1]:

Тяжелый для Руси ударилъ смертный часъ,
И звукъ его въ сердцахъ болѣзненно отдался —
Великій человѣкъ безвременно угасъ,
Великихъ словъ потокъ безвременно прервался!
Усопшій геній нашъ! Въ душѣ своей чистѣйшей
Христовой правоты ученіе вмѣстилъ,—
И низшей братьѣ онъ, униженной, слабѣйшей
Глаголъ святой любви, участья возвѣстилъ!
Чье сердце, какъ его, любовью къ ближнимъ билось?
Кто могъ, какъ онъ, сердца на путь добра увлечь?
Предъ кѣмъ такъ, какъ предъ нимъ, все низкое таилось,
Почуявъ словъ его разящій, острый мечъ!...
Что насъ собрало здѣсь, предъ вырытой могилой,
Предъ прахомъ дорогимъ?... О, братья! этотъ часъ
Воочью показалъ съ неотразимой силой,
Что теплится любви святой огонь у насъ.
Что не померкъ въ душѣ, среди житейской смуты,
Тотъ свѣточъ правоты, что въ ней зажегъ самъ Богъ!...
О, братья! Велика торжественность минуты!...
А вызвать этотъ свѣтъ — Достоевскій лишь могъ!...
Раздвиньтеся гробы, отмѣченные славой,
Примите новый гробъ въ свой неподвижный рядъ,
Въ вашъ тихій сонмъ пришелъ вашъ геній величавый,
Къ кому сердца всѣхъ насъ любовію горятъ.
Усни же, геній нашъ! Не зависть здѣсь тебя,
А чистая любовь сердечная хоронитъ!...
Отсюда всякъ пойдетъ, въ душѣ своей скорбя,
А здѣсь на прахъ слезу горячую уронитъ!...

Александръ Арсеньевъ.

1 февраля 1881 г.
Кладбище Александро-Невскаго монастыря.

Кромѣ приведенныхъ рѣчей и стиховъ, на могилѣ Достоевскаго г. Гайдебуровъ прочелъ стихотвореніе; затѣмъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ говорилъ рѣчь, потомъ двое студентовъ читали стихи. Послѣднимъ закончилъ П. В. Быковъ, произнесшій пятистишіе:

Любя глубоко правды свѣтъ,
Ты самъ былъ свѣтъ намъ, наша сила!
Неволя дни твои сломила
Прими жъ прощальный нашъ привѣтъ:
„Пусть дастъ тебѣ покой могила“.

Изъ брош.: Ѳ. М. Достоевскій, 1881 г.

Некрологъ Достоевскаго.

Тяжкими испытаніями для русской литературы начался 1881 г. Не прошло и недѣли послѣ смерти А. Ѳ. Писемскаго, какъ намъ уже снова приходится заносить въ свою лѣтопись прискорбное извѣстіе о кончинѣ одного изъ талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ русскихъ людей

---

[1]) Помѣщено въ „Игрушечкѣ“ № 6, 1881 г.

и писателей. Өедоръ Михайловичъ Достоевскій скончался 28 января, въ 8 час. 40 мин. вечера, скончался почти внезапно, послѣ двухдневной болѣзни. Вся Россія съ глубокою, искреннею скорбью узнаетъ объ этой утратѣ, столь неожиданно поразившей и безъ того слишкомъ тѣсный кружокъ передовыхъ дѣятелей нашей литературы; всѣ мыслящіе русскіе люди, всѣ, кому близки и дороги умственные интересы русскаго общества, безъ различія политическихъ убѣжденій, даже и тѣ, кому въ литературѣ приходилось выступить противниками Достоевскаго, одинаково назовутъ эту утрату тяжкою и невознаградимою.

Внѣшніе факты біографіи Достоевскаго, конечно, достаточно извѣстны. Его сочиненія читала и читаетъ вся Россія, давно по достоинству оцѣнившая и полюбившая его за ту глубокую жизненную правду, за тѣ высоко-гуманныя стремленія, которыми было проникнуто его творчество. „Записки изъ Мертваго дома“, отголосокъ пережитаго и передуманнаго авторомъ въ тяжелые годы его изгнанія „Униженные и Оскорбленные“ „Преступленіе и Наказаніе“, „Подростокъ“, „Идіотъ“, „Бѣсы“, наконецъ послѣдній, недавно вышедшій въ отдѣльномъ изданіи романъ „Братья Карамазовы“ — всѣ эти произведенія служатъ и долго будутъ служить высокимъ образцомъ необыкновенно тонкаго, вдумчиваго психологическаго анализа и глубокаго, искренняго чувства. Достоевскій не былъ и по натурѣ своей не могъ быть объективнымъ художникомъ; онъ слишкомъ много переиспыталъ и перечувствовалъ, чтобы отдаваться спокойному творчеству; къ героямъ своихъ произведеній онъ относится страстно, нервно, почти болѣзненно; онъ, можно сказать, переживаетъ ихъ жизнь, радуется ихъ скудными радостями, плачетъ ихъ обильными слезами, мучится ихъ душевными тревогами и сомнѣніями и, какъ замѣтилъ еще Добролюбовъ, вездѣ, въ самыхъ забитыхъ нравственно-павшихъ, искалѣченныхъ жизнью существахъ ищетъ и находитъ живую душу, образъ и подобіе вѣчной правды.

Исканіе правды — исканіе страстное, тревожное, неудержимое, полное мукъ и сомнѣній, стремленіе уяснить себѣ и другимъ тотъ идеалъ, который могъ бы сдѣлаться непреложнымъ руководящимъ началомъ дѣятельности русскаго человѣка — таково было внутреннее содержаніе всей жизни Достоевскаго, — жизни, полной лишеній и страданій, борьбы съ горемъ и нуждою. Этому стремленію онъ отдавался всецѣло и беззавѣтно, служилъ ему честно и безкорыстно до гробовой доски. Безпощадная русская дѣйствительность, сломившая столь многихъ, чистыхъ душою, на первые тревожные запросы впечатлительнаго юноши, только что вступавшаго въ жизнь и въ литературу, отвѣтила кандалами каторжника и сѣрой шинелью солдата; одиннадцать лучшихъ лѣтъ молодости, полной силъ и надеждъ, проникнутой желаніемъ послужить благу родины — одиннадцать лѣтъ долженъ былъ отдать Достоевскій за то, что слишкомъ вѣрилъ въ людей, за то, что слишкомъ горячо любилъ ихъ... Но изъ этого тяжкаго испытанія онъ вышелъ съ прежнею любовью къ людямъ, съ прежнею вѣрою въ лучшее будущее, съ проповѣдью всепрощенія и внутренняго

нравственнаго самосовершенствованія. Онъ возвратился въ общество для новыхъ трудовъ и испытаній. Годы изгнанія и бѣдствія не могли, конечно, пройти даромъ; они оставили глубокій, неизгладимый слѣдъ въ душѣ Достоевскаго; ихъ вліяніемъ объясняется очень многое и въ его произведеніяхъ. Изображеніе болѣзненныхъ, явленій русской жизни, болѣзненныхъ, нравственно надломленныхъ натуръ, сильныхъ, но невѣрно направленныхъ житейскими условіями, стараніе обнаружить самые глубокіе тайники ихъ души и сердца, самыя сокровенныя побужденія ихъ поступковъ, логически послѣдовательно представить развитіе характера — все это, конечно, не даромъ сдѣлалось главной задачей творчества Достоевскаго; въ этомъ находила себѣ удовлетвореніе потребность высказать въ живыхъ, рельефныхъ образахъ все, что наболѣло на душѣ въ долгій срокъ отчужденія отъ общества и жизни среди его отверженцевъ, которыхъ мы если и жалѣемъ, то всегда очень скоро забываемъ, лишь только они уходятъ съ глазъ долой...

Другая потребность, жившая въ покойномъ писателѣ — потребность поставить волновавшіе его вопросы прямо, не въ беллетристической, а въ публицистической формѣ, заставила его предпринять въ 1876 г., ежемѣсячное изданіе „Дневникъ Писателя". Это изданіе, продолжавшееся два года, имѣло громадный успѣхъ, читалось и перечитывалось всѣми, вызывало газетную полемику и разъясненія автора, получавшаго множество самыхъ разнообразныхъ запросовъ. Если въ его сужденіяхъ, среди блестящихъ, истинно-талантливыхъ страницъ, слышалась иногда мысль, поражавшая своею странностью или ведущая къ нежелательнымъ выводамъ, если въ словахъ его звучала иногда невѣрно взятая нота, то каждый хорошо понималъ, что все это пишется и говорится прямо отъ души, искренно и безъ всякой задней мысли, безъ всякаго посторонняго соображенія. Безукоризненно честный и нравственно чистый труженикъ, Достоевскій, по натурѣ своей, былъ неспособенъ ни на малѣйшую сознательную фальшь, ни у кого не заискивалъ, ни передъ кѣмъ не сгибался; онъ прямо высказывалъ все, что есть на душѣ, всѣ свои мнѣнія и сомнѣнія, открывалъ читателямъ тотъ путь, по которому онъ думалъ притти къ своей постоянной и единственной цѣли — къ правдѣ. И если на этомъ трудномъ и тернистомъ пути онъ, какъ многіе упрекали его въ послѣднее время, иногда дѣлалъ невѣрный шагъ, то упрекъ этотъ раздѣлятъ съ нимъ, конечно, всѣ искатели истины.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, его знаменитую рѣчь на пушкинскомъ торжествѣ. Впечатлѣніе, ею произведенное, полемика, ею вызванная — у всѣхъ еще свѣжи въ памяти. Но, повторяемъ, даже литературные противники покойнаго преклонятся предъ свѣтлымъ нравственнымъ обликомъ этого человѣка, всю свою жизнь служившаго только правдѣ и добру, сумѣвшаго, несмотря на всѣ житейскія невзгоды, шестьдесятъ лѣтъ прожить честно, гордо и независимо.

Смерть застигла Достоевскаго почти внезапно, среди обычныхъ трудовъ, почти за письменнымъ столомъ. И странное, грустное впечатлѣніе производилъ этотъ неприбранный столъ въ небольшой квартиркѣ покойника,—столъ, заваленный книгами, бумагами, недописанными письмами, какъ-будто сидѣвшій за нимъ только ушелъ на минуту, сейчасъ придетъ опять и, взявъ перо, еще не успѣвшее засохнуть, будетъ продолжать свое дѣло... А онъ лежалъ тутъ же, въ сосѣдней комнатѣ, окруженный толпою, съ утра до вечера наполнявшею всю квартиру и желавшею въ послѣдній разъ взглянуть на того, кого такъ безвременно лишилось русское общество. *Морозовъ.*

Памяти Достоевскаго.

Мнѣ досталось счастіе быть очень близкимъ къ покойному Ѳедору Михайловичу въ послѣднія двадцать лѣтъ, особенно же въ началѣ этого времени. Я былъ постояннымъ и ревностнымъ сотрудникомъ журналовъ „Время“ и „Эпоха“; мы вмѣстѣ ѣздили за границей въ 1862 г., вмѣстѣ хоронили въ 1864 г. редактора этихъ журналовъ Михаила Михайловича Достоевскаго и ихъ главнаго критика Аполлона Григорьева; потомъ во время изданія „Зари“, когда Ѳедоръ Михайловичъ жилъ за границей, онъ былъ сотрудникомъ „Зари“, съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за этимъ журналомъ, и мы съ нимъ вели дѣятельную переписку; а когда онъ вернулся и былъ одинъ годъ редакторомъ „Гражданина“, я былъ усерднымъ вкладчикомъ этого журнала.

Въ началѣ этихъ годовъ, когда мы жили въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга и занимались исключительно журнальною работою, мы видались каждый день, и даже не разъ въ день; мы разговаривали безъ конца и такъ сговорились, что и до послѣдняго времени ни съ кѣмъ другимъ я не могъ вести такихъ живыхъ и разнообразныхъ разговоровъ, какіе у насъ неудержимо начинались при каждой встрѣчѣ.

Мнѣ нельзя не гордиться былымъ расположеніемъ такого человѣка, и я постоянно чувствовалъ къ нему и не перестану чувствовать глубокую благодарность за одобреніе, которымъ онъ меня встрѣтилъ; оно было безконечно дорого для начинающаго и оно постоянно внушало мнѣ радость и бодрость. Но я вовсе не хочу о себѣ говорить; я хотѣлъ только оправдать передъ вами свою смѣлость и объяснить, почему могли пожелать отъ меня какихъ-нибудь воспоминаній о дорогомъ покойникѣ. Я познакомился съ Ѳедоромъ Михайловичемъ въ концѣ 1859 г. Настроеніе кружка, въ который я тогда вступилъ, во многомъ для меня было ново и неожиданно. Это было одно изъ знаменитыхъ направленій *сороковыхъ* годовъ, направленіе, очевидно сложившееся подъ вліяніемъ французской литературы. Теперь, издали, совершенно понятно мужество, съ которымъ отразилась на насъ нѣкогда духовная жизнь Европы. Между 1830 и 1848 г., между іюльской и

февральской революціей, Европа пережила едва ли не самую счастливую эпоху своей исторіи. Это было время надеждъ и вѣрованій, предшествующее жестокимъ разочарованіямъ. Въ настоящее время Европа потеряла свои идеалы; ея политическая жизнь, и именно съ 1848 г., все больше и больше проникается матеріализмомъ; и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи она несомнѣнно дичаетъ, несмотря на всякіе успѣхи. Но не то было въ счастливую эпоху до 1848г .; Европа крѣпко вѣрила въ себя; ея политическія мечтанія были свѣтлы и радостны, къ нимъ не примѣшивалось никакой мысли о крови и огнѣ; литература, поэзія, философія были исполнены жизни и стремились подняться къ какимъ-то недосягаемымъ высотамъ. Францiя какъ всегда, занимала первое мѣсто по жизненности и опредѣленности своихъ стремленій. Понятно, почему подобный расцвѣтъ европейской жизни долженъ былъ сильно подѣйствовать на насъ, вѣчныхъ учениковъ Европы; впослѣдствіи я часто, однако же, удивлялся, что въ 1859 г. когда Европа давно уже вступила въ свой нынѣшній безрадостный періодъ, у насъ продолжало жить и дѣйствовать, и долго увлекало меня самого одно изъ минувшихъ европейскихъ настроеній. Очевидно, мы всегда отстаемъ отъ Европы, отстаемъ потому, что не живемъ ея жизнію, а беремъ отъ нея только мысли, которыя часто сохраняемъ навсегда, оставаясь глухи и нѣмы къ новымъ урокамъ нашей учительницы.

Въ томъ настроеніи 1859 г., о которомъ я говорю, я могу указать на двѣ черты, отразившіяся очень ясно на дѣятельности Достоевскаго. Во-первыхъ, проповѣдывалась совершенная гуманность къ человѣческимъ слабостямъ и даже преступленіямъ. Сожалѣніе къ людямъ, объясненіе ихъ дурныхъ поступковъ изъ обстоятельствъ и строя общества, прощеніе всего того, что̀ не составляло прямо злого нарушенія чужой безопасности, словомъ безграничная мягкость отношеній считалась неизмѣннымъ правиломъ. Во-вторыхъ, литературѣ, художеству давалась опредѣленная задача. Художникъ долженъ быть въ сущности политикомъ и публицистомъ; онъ обязанъ слѣдить за развитіемъ общества, схватывать образы новыхъ и новыхъ типовъ, которые въ немъ зарождаются, и показывать ихъ корни, объяснять источники того зла и добра, которыя они въ себѣ представляютъ. Проповѣдь извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, вмѣшательство въ вопросы минуты — вотъ что̀ ставилось главнымъ правиломъ.

Скажу прямо, что оба правила были вредныя, и мнѣ доводилось потомъ видѣть жестокій вредъ, испытанный отъ нихъ нѣкоторыми членами литературныхъ кружковъ. Это одно изъ самыхъ яркихъ уроковъ моей литературной жизни. Правила эти вредны не потому, что они невѣрны, а потому, что они неполны, недостаточны, что ихъ слѣдуетъ дополнить такими прибавками, которыя важнѣе самихъ правилъ. Казалось бы, что можетъ быть лучше гуманности? Или что̀ можетъ быть интереснѣе такого художественнаго произведенія, въ которомъ ясно и глубоко отразилась современная минута? Между тѣмъ гуманность безъ руководящихъ началъ ведетъ часто къ распущенности

нравовъ, какъ это было во времена цезарей и въ XVIII вѣкѣ. Одного снисхожденія къ людямъ, одного сожалѣнія къ ихъ страданіямъ мало; нужно еще знать, за что́ любить людей, нужно понимать, въ чемъ красота и достоинство души человѣческой. Точно такъ художникъ только тогда можетъ дѣйствительно служить минутѣ, когда у него крѣпки на душѣ начала, годныя на вѣки вѣчные. А иначе, какъ это часто и бывало, онъ будетъ не учителемъ, а рабомъ минуты.

Что̀ касается Достоевскаго, то при своей удивительной широтѣ ума и сердца онъ никогда вполнѣ не подчинялся односторонности своего направленія. И чѣмъ дальше онъ дѣйствовалъ, т.-е. писалъ, тѣмъ яснѣе у него выступали другія, истинныя начала. При концѣ своей жизни онъ прямо высказывался за формулу *искусства для искусства*, т.-е. за самостоятельность, за свободу художества, и точно такъ же уже давно всѣ общественные идеалы онъ подчинилъ одному вѣковѣчному идеалу *Христа*. Съ Достоевскимъ случилось то же, что̀ совершается вотъ уже болѣе столѣтія со всѣми нашими крупными писателями: всѣ они начинали съ того, что увлекались *чужимъ*, и всѣ потомъ возвратились *къ своему*. Такъ было отчасти съ Фонвизинымъ и очень ясно съ Карамзинымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ. Достоевскій въ этомъ отношеніи — новый соблазнъ нашимъ западникамъ, новый и огромный поводъ къ раздраженію противъ русской литературы.

Эти внутренніе перевороты, совершающіеся у насъ съ лучшими душами, часто называютъ измѣной, отступничествомъ; но едва ли на комъ такъ ясно можно видѣть, какъ на Достоевскомъ, что часто все дѣло тутъ только въ развитіи, въ раскрытіи задатковъ, лежавшихъ въ натурѣ человѣка, а не въ перемѣнѣ однѣхъ чужихъ мыслей на другія — чужія же. Съ первой своей повѣсти и до конца Достоевскій остался однимъ и тѣмъ же; ему нельзя было измѣниться, потому что уже въ этомъ первомъ произведеніи вылилась его душа, сказался весь складъ его пониманія жизни. Отъ природы этой души зависѣло то, какія именно вліянія на нее дѣйствовали. И онъ нашелъ вокругъ себя вліянія, поставившія его на его прекрасный путь, на тотъ русскій и христіанскій путь, который возбудилъ такое широкое и глубокое сочувствіе. Двѣ главныя силы спасли его отъ всякихъ односторонностей и дали высокое и чистое направленіе его таланту: одна сила была русская литература, другая — русскій народъ, т.-е. простой народъ. Когда я узналъ Достоевскаго, онъ былъ горячимъ поклонникомъ Пушкина и Гоголя. Онъ и тогда любилъ читать тѣ самыя стихотворенія Пушкина, которыя потомъ читалъ на пушкинскомъ праздникѣ. Но тогда, въ тѣ молодые годы, онъ читалъ хуже, читалъ нѣсколько подавленнымъ голосомъ; въ этотъ же послѣдній годъ онъ достигъ такой твердости тона и мастерства выраженія, что я изумлялся: часто это было совершенство въ своемъ родѣ. Послѣ торжества, которое онъ одержалъ на пушкинскомъ праздникѣ, я часто думалъ: это торжество досталось ему по всѣмъ правамъ, потому что, безъ сомнѣнія, во всей

этой толпѣ писателей и слушателей онъ *больше всѣхъ* любилъ Пушкина. На Гоголѣ же онъ былъ воспитанъ, какъ все поколѣніе, къ которому принадлежалъ, поколѣніе, для котораго литература имѣла въ тысячу разъ больше значенія, чѣмъ для нынѣшнихъ поколѣній.

Пушкинъ и Гоголь, эти два великана нашей словесности, замѣчательнымъ образомъ отразились уже въ первой повѣсти Достоевскаго, въ „Бѣдныхъ Людяхъ". Именно тутъ прямо и ясно выражено, что авторъ не вполнѣ доволенъ Гоголемъ и что прямымъ своимъ руководителемъ онъ признаетъ только Пушкина. Тутъ выведенъ на сцену чиновникъ, очень похожій на героя „Шинели" и „Записокъ Сумасшедшаго". Знакомая этого чиновника даетъ ему прочесть „Станціоннаго Смотрителя"; тотъ очень хвалитъ повѣсть и жалѣетъ о бѣдномъ смотрителѣ. Потомъ та же знакомая посылаетъ Макару Дѣвушкину (такъ зовутъ героя „Бѣдныхъ Людей") „Шинель" Гоголя; Дѣвушкинъ обижается, узнавъ себя въ такомъ безжалостномъ изображеніи, упрекаетъ свою добрѣйшую знакомую, горюетъ, напивается пьянъ и подвергается всякимъ бѣдамъ и оскорбленіямъ. Такимъ образомъ безпощадная иронія Гоголя осуждена, какъ слишкомъ жестокое, сухое отношеніе къ людямъ. Еще болѣе она осуждается тѣмъ, какъ изображенъ самъ Дѣвушкинъ. Между тѣмъ, какъ у Гоголя выставлена только одна ужасающая пустота и пошлость, Макаръ Дѣвушкинъ, этотъ новый Поприщинъ, обладаетъ сокровищами нѣжности, самоотверженія, лучшихъ сердечныхъ чувствъ, о красотѣ которыхъ онъ самъ и не догадывается. Между тѣмъ какъ никто въ мірѣ не пожелалъ бы быть Акакіемъ Акакіевичемъ или Поприщинымъ, всякій читатель долженъ съ завистью смотрѣть на несчастнаго Макара Дѣвушкина, всякій долженъ сознаться, что ему далеко до такой душевной красоты.

Таковъ былъ первый шагъ Достоевскаго, сдѣланный еще въ 1846 г. Это была смѣлая и рѣшительная *поправка* Гоголя, существенный, глубокій поворотъ въ нашей литературѣ. Дѣло въ томъ, что поправка Гоголя была необходима [1]), что ее неминуемо должна была сдѣлать наша литература и дѣлаетъ ее до сихъ поръ, что въ извѣстномъ смыслѣ и всѣхъ другихъ нашихъ крупныхъ писателей, Островскаго, Л. Н. Толстого, можно считать поправкою Гоголя, можно въ этомъ видѣть главную ихъ оригинальность. Достоевскій началъ первый.

Да, не даромъ тосковалъ Гоголь, не даромъ усиливался создать что то новое. То напряженно-чуткое настроеніе, въ которомъ Гоголю такъ ясно открывалась пошлость существующаго, было слишкомъ напряжено. Непобѣдимое отвращеніе поднималось въ немъ при видѣ безобразія и безсмыслія русской жизни, этой жизни, въ которой все хорошее стыдливо и упорно прячется въ глубину, тогда какъ пошлое

---

¹) *Примѣчаніе прибавленное* въ „Руси". „Не *поправка*, а *дополненіе*, движеніе впередъ по открытому, намѣченному Гоголемъ пути. Мы предоставляемъ себѣ высказать когда-нибудь свое слово о Гоголѣ. *Ред.*"

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ И. С. Аксаковъ не успѣлъ высказать свои мысли о столь любимомъ имъ писателѣ. Мы хотѣли пока обратить лишь вниманіе читателей на то, что здѣсь именно заключается существенный вопросъ, важнѣйшій пунктъ дѣла. *Н. С.*

и грязное щеголяетъ на виду и всѣмъ мечется въ глаза. Конечно, Гоголь лилъ тѣ *тайныя слезы*, о которыхъ онъ говоритъ; но это были слезы сожалѣнія восторженнаго идеалиста, а не слезы любви. И чѣмъ больше мы станемъ вникать въ смыслъ всей послѣ гоголевской литературы, которую начинаетъ собою Достоевскій, тѣмъ намъ яснѣе будетъ и коренной недостатокъ Гоголя и вся настоятельная потребность, которую чувствовали наши художественные писатели — избѣжать односторонности и пойти по новому пути.

Пусть простятъ мнѣ эти указанія на развитіе нашей литературы. Художественная дѣятельность была для покойнаго главнымъ, первымъ дѣломъ въ жизни, и если мы хотимъ почтить его память, соблюсти его завѣтъ, то прежде всего, больше всего намъ слѣдуетъ вникать въ глубину и духъ его художественной дѣятельности и беречься, какъ бы не истолковать этой дѣятельности въ неправильномъ смыслѣ. Примѣръ того, что сталось съ Гоголемъ, навѣки поучителенъ. Настроенія, господствующія въ нашемъ обществѣ, предубѣжденія, которыми оно постоянно заражено, отсутствіе твердыхъ началъ, которыя сдерживали бы шатаніе мыслей и душъ, все это производитъ то, что самое чистое и простое явленіе у насъ подвергается самымъ страннымъ перетолкованіямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Достоевскій будетъ перетолкованъ; на немъ станутъ строить такіе выводы, и его произведеніями будутъ питать такія чувства, которыя глубоко противорѣчатъ его истиннымъ мыслямъ и чувствамъ. Умы нашей интеллигенціи слишкомъ привыкли ходить по извѣстнымъ колеямъ и будутъ на нихъ сбиваться, несмотря на сильнѣйшія потрясенія. Есть два чувства, привычныя для нашихъ образованныхъ людей и обыкновенно питающія ихъ душевную жизнь, сверхъ житейскихъ интересовъ: одно — чувство негодованія, такъ называемаго благороднаго негодованія, на всякое зло и безобразіе, и другое — чувство сожалѣнія къ Россіи, сострадательное созерцаніе ея скудости и жалкой участи. Оба чувства — очень хорошія, но, къ несчастью, отдѣленныя слишкомъ тонкою чертою отъ дурныхъ чувствъ: негодованіе граничитъ съ озлобленіемъ, а сожалѣніе съ высокомѣріемъ, такъ что часто люди, повидимому, постоянно предающіеся самому благородному настроенію, въ сущности, даже сами того не замѣчая, питаютъ лишь свои дурныя свойства и только изъ нихъ почерпаютъ все свое видимое благородство. О Достоевскомъ могу твердо свидѣтельствовать, что онъ былъ безупреченъ въ этомъ отношеніи, что никогда онъ не измѣнялъ уваженію къ великой родинѣ и никогда негодованіе у него не могло перейти въ озлобленіе. Въ этомъ онъ истинный образецъ для насъ. Онъ ли не потерпѣлъ отъ существовавшихъ порядковъ? Но изъ страданій, которыя онъ перенесъ, онъ не вынесъ ни малѣйшаго озлобленія и не выводилъ даже права на тотъ особый авторитетъ, который у насъ общество приписываетъ пострадавшимъ, и который часто присвоиваютъ себѣ пострадавшіе. Онъ вовсе не хотѣлъ быть въ чьихъ нибудь глазахъ страдальцемъ и, бывало, сердился, когда съ нимъ начинали рѣчь въ такомъ смыслѣ. Обыкно-

венный тонъ его былъ веселый и бодрый, тотъ неподражаемо-прекрасный тонъ, который онъ часто бралъ потомъ въ своемъ „Дневникѣ“, когда разсуждалъ о самыхъ тяжелыхъ и больныхъ вопросахъ. Въ то время, около 1860 г., были въ ходу, какъ и теперь, литературныя чтенія, и Өедоръ Михайловичъ иногда читалъ на нихъ отрывки изъ „Мертваго Дома“, только что написаннаго. Однажды, по поводу такого чтенія, онъ сказалъ мнѣ: „Знаете ли, мнѣ всегда немножко непріятно читать изъ „Мертваго Дома“; выходитъ такъ, какъ будто я все жалуюсь публикѣ, все жалуюсь, — это нехорошо“.

Вообще въ немъ было поразительное развитіе личности, необыкновенная душевная энергія. Мнѣ довелось видѣть его въ самыя тяжелыя минуты, послѣ запрещенія журнала, послѣ смерти брата, въ жестокихъ затрудненіяхъ отъ долговъ — онъ никогда не падалъ духомъ до конца, и, мнѣ кажется, нельзя представить себѣ обстоятельствъ, которыя могли бы подавить его. Это было особенно изумительно при его страшной впечатлительности, при чемъ онъ обыкновенно не сдерживался, а предавался вполнѣ своимъ волненіямъ. Какъ будто одно другому не только не мѣшало, а даже способствовало. Прямо изъ его собственной души говоритъ одинъ изъ его героевъ, Дмитрій Карамазовъ: „столько во мнѣ силы, что я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ — я есмь; въ пыткѣ корчусь, но есмь!“ („Братья Карамазовы“, т. II, стран. 411).

Въ своей литературной дѣятельности онъ также проявилъ живучесть и энергію, какъ никто другой. У него были періоды ослабленія дѣятельности, какъ будто упадка; но потомъ онъ вдругъ подымался выше прежняго и показывался съ новой стороны. Такихъ подъемовъ можно насчитать четыре: первый — „Бѣдные Люди“, второй — „Мертвый Домъ“, третій — „Преступленіе и Наказаніе“, четвертый — „Дневникъ Писателя“. Подъемы эти были поразительны для самыхъ близкихъ къ нему людей: въ немъ былъ неистощимый запасъ силъ, что-то загадочное, не подчинявшееся обыкновенной постепенности развитія.

Новые образы, новые планы романовъ, новыя задачи являлись у него безпрестанно, осаждали его. Это даже мѣшало ему работать, и иные изъ его романовъ составляютъ цѣлые клубки переплетшихся между собою темъ. Конечно, онъ написалъ только десятую долю тѣхъ романовъ, которые онъ уже обдумалъ, уже носилъ иногда въ себѣ многіе годы; нѣкоторые онъ разсказывалъ подробно и съ большимъ увлеченіемъ; а такимъ темамъ, которыхъ онъ не успѣвалъ разрабатать, у него конца не было.

И вотъ онъ неутомимо изображаетъ тѣ лица и картины, которыя составили его славу. Онъ рисуетъ чудесныя идилліи среди величайшей грязи; благородство, нѣжность, великодушіе въ пошлѣйшей обстановкѣ; онъ не дѣлаетъ своихъ лицъ, какъ Викторъ Гюго, театральными героями, не заставляетъ ихъ совершать чудесъ и подвиговъ; онъ твердо держится строгаго реализма, завѣщаннаго Гоголемъ, но въ вели-

чайшемъ безобразіи умѣетъ видѣть человѣческія черты. Онъ идетъ далѣе: онъ выводитъ предъ нами вереницу преступниковъ, полупомѣшанныхъ, идіотовъ, самоубійцъ, больныхъ физически и еще болѣе нравственно, и изображаетъ ихъ душевную жизнь съ удивительною точностью и объективностью, но онъ, какъ Диккенсъ, признаетъ за всѣми ими человѣческія права; онъ не ставитъ ихъ въ положеніе не людей, такихъ существъ, которыя должны быть чужды нормальному человѣческому обществу: у него „Идіотъ“ выходитъ лучше самыхъ здравомыслящихъ людей. На этомъ пути Достоевскій шелъ очень далеко: страшно было видѣть (по крайней мѣрѣ я иногда не могъ воздержаться отъ страха), какъ онъ все глубже и глубже спускается въ душевныя бездны, въ ужасныя бездны нравственнаго и физическаго растлѣнія (это его собственное слово). Но онъ выходитъ изъ нихъ невредимо, т.-е. не утрачивая мѣрила добра и зла, красоты и безобразія.

О достоинствѣ этихъ изображеній не можетъ быть спора. Несмотря на неправильную и неясную постройку иныхъ романовъ (не въ цѣломъ, которое весьма было стройно и ясно, а въ частяхъ), несмотря на полуфантастическую постановку сценъ и отношеній между дѣйствующими лицами, изъ каждой картины Достоевскаго била такая правда душевная, такая глубина душевной правды, что невозможно было не испытывать живѣйшаго впечатлѣнія. Бредъ идіота и сумасшедшаго, муки преступника и самоубійцы, лихорадочные сны, галлюцинаціи — все было понятно и ясно. Читатель съ жадностью слѣдилъ за мыслями и чувствами лицъ, о которыхъ никогда не имѣлъ понятія, и съ изумленіемъ видѣлъ, какъ эти мысли и чувства отражаются въ его собственной душѣ.

И такъ, страданіе, отчаяніе, преступленіе, болѣзнь — вотъ постоянныя темы Достоевскаго. А въ чемъ же главное поученіе, какой выводъ? Неужели опять — уныніе и злоба? О нѣтъ, это ясно всѣмъ до очевидности. Надъ гробомъ покойнаго, на этомъ великомъ торжествѣ его похоронъ, великомъ по своей искренности, безпрерывно раздавались слова, сами собой приходившія на умъ при воспоминаніи о его дѣятельности. Эти слова: *прощеніе, любовь.* Думаю, что это высшая честь изъ всѣхъ, возданныхъ покойнику.

Идеалъ христіанина — вотъ та господствующая мысль, которую онъ такъ смѣло и горячо проповѣдывалъ въ своемъ „Дневникѣ“, которую прямо выразилъ въ своемъ послѣднемъ романѣ и которая особенно ясно установилась въ его душѣ, кажется, во время его четырехлѣтняго житья за границей (1868—1871 гг.). Въ 1869 г. онъ писалъ изъ Флоренціи: „Сущность русскаго призванія состоитъ въ разоблаченіи предъ міромъ русскаго Христа міру невѣдомаго и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи. По-моему, въ этомъ вся сущность нашего будущаго цивилизаторства и воскресшія хоть бы всей Европы и вся сущность нашего могучаго будущаго бытія. Но въ одномъ словѣ не выскажешься, и я напрасно даже заговорилъ“. (Письмо 1869 г. 30 (18) марта.)

Въ идеалѣ Христа онъ нашелъ такимъ образомъ оправданіе своей всегдашней любви къ простому русскому народу и нашелъ высшій смыслъ своего горячаго патріотизма. Любовь къ простому народу, къ *почвѣ*, какъ говорилъ Достоевскій, есть знаменательное явленіе въ нашей литературѣ вообще; сознаніе духовной красоты и духовнаго здоровья, которыя народъ сохранилъ, а мы утратили, давно у насъ зародилось и возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Достоевскій, по всему складу души, по своей способности симпатизировать внутренней красотѣ, былъ всегда, какъ Пушкинъ, поклонникомъ простого народа. „Записки изъ Мертваго Дома“, въ которыхъ съ такимъ сочувствіемъ нарисованы народные типы, написаны раньше, чѣмъ онъ могъ назвать себя славянофиломъ, какъ называлъ въ послѣдніе годы. А еще раньше, до ссылки, написана повѣсть „Хозяйка“, такъ разсердившая нашихъ западниковъ.

Такому человѣку, конечно, долженъ былъ открыться и главный нервъ народной жизни, высокій идеалъ святости, подчиняющій себѣ весь нравственный складъ народа, дающій этому народу такую несокрушимую жизненность и крѣпость. Вотъ тотъ послѣдній и высшій авторитетъ, которому подчинился Достоевскій, вотъ самое важное изъ вліяній, имѣвшихъ на него дѣйствіе, вотъ окончательная дорога, къ которой пришло это развитіе. Когда онъ вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ жилъ почти уединенно со своею семьею, безъ развлеченій и дѣлъ (хотя въ большихъ затрудненіяхъ и трудахъ), онъ принесъ съ собою то настроеніе глубокаго умиленія, въ которое привело его долгое погруженіе въ этотъ строй мыслей. Были минуты, когда онъ и выраженіемъ лица и рѣчью походилъ на кроткаго и яснаго отшельника. Да, онъ былъ христіаниномъ, онъ ясно зналъ тотъ идеалъ, къ которому нужно стремиться прежде всего другого.

Это тотъ путь, по которому идутъ простыя души и къ которому, какъ мы видимъ, приходятъ и самыя одаренныя души, иногда долго блуждавшія по другимъ путямъ. Всѣ знаютъ уже, что идеалъ Христа сталъ высшимъ идеаломъ и для другого нашего художника, гр. Л. Н. Толстого. Переходы были тѣ же, какъ у Достоевскаго. Л. Н. Толстой всею своею натурою, всею симпатіею своего великаго художественнаго чувства былъ направленъ и устремленъ къ народу, и долгое и любовное созерцаніе народа открыло ему идеалъ, которымъ живетъ народъ. Это совпаденіе съ Достоевскимъ было поразительно. Они не были знакомы другъ съ другомъ, но въ послѣднее время оба все собирались познакомиться. Позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ письма Л. Н. Толстого, писаннаго ко мнѣ въ концѣ сентября прошлаго года. „Я не понимаю“, писалъ онъ, „жизни въ Москвѣ тѣхъ людей, которые сами не понимаютъ ее. Но жизнь большинства, — мужиковъ, странниковъ и еще кое-кого, понимающихъ свою жизнь, я понимаю и ужасно люблю. Я продолжаю работать надъ тѣмъ же, и кажется не безполезно. Надняхъ нездоровилось, и я читалъ „Мертвый Домъ“. Я много забылъ, перечиталъ и не знаю лучше книги изъ всей новой

литературы, включая Пушкина. Не тонъ, а точка зрѣнія удивительна, — искренняя, естественная и христіанская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера цѣлый день, какъ давно не наслаждался. Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю". (Письмо 1880 г., 26 сентября.)

Я принесъ это письмо Ѳедору Михайловичу, и это была одна изъ прекрасныхъ минутъ и для него и для меня, какъ свидѣтеля.

Итакъ, въ любви къ народу, переходящей въ преданность высшему народному идеалу, идеалу Христа, завершается дѣятельность двухъ нашихъ лучшихъ художниковъ слова.

Отсюда намъ всего яснѣе открывается и смыслъ произведеній Достоевскаго. Кромѣ общей симпатіи ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ", у него, особенно во второй половинѣ дѣятельности, является опредѣленная задача — изобразить больныя стороны нашего общества, оторваннаго отъ народа. Онъ выводитъ намъ два ряда типовъ: „нигилистовъ", явившихся въ послѣдніе десятки лѣтъ, и предшествовавшихъ имъ „людей сороковыхъ годовъ". Такъ и въ послѣднемъ романѣ драма идетъ между отцомъ Карамазовымъ, принадлежащимъ къ сороковымъ годамъ, и между его дѣтьми-нигилистами, Иваномъ и Смердяковымъ. И вотъ съ безподобною глубиною и тонкостью Достоевскій рисуетъ намъ извращеніе этихъ душъ, искаженіе ихъ нашимъ такъ называемымъ просвѣщеніемъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ романахъ, наибольшая доля сочувствія принадлежитъ молодому поколѣнію, именно Ивану, въ которомъ изображена серьезная, искренняя преданность своимъ убѣжденіямъ, хотя и превратнымъ, увлеченіе, доходящее до поэзіи и грандіозности. Нельзя не замѣтить, что меньше всего Достоевскій щадилъ людей сороковыхъ годовъ; ихъ онъ какъ-будто уже не прощалъ и выставлялъ или рѣзко-комическими, какъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій въ „Бѣсахъ", или рѣзко отвратительными, какъ живьемъ схваченная фигура Ѳедора Павловича Карамазова. Къ нигилистамъ же онъ отнесся, можно сказать, съ отеческою скорбью, съ отеческимъ состраданіемъ. Молодое поколѣніе мало-по-малу поняло, съ какимъ сердцемъ онъ къ нему обращался, и отвѣчало заявленіями своей любви.

Но тутъ яснѣе, чѣмъ въ другихъ романахъ, Достоевскій поставилъ и положительную сторону дѣла. Не вся же Россія состоитъ изъ прогнившихъ западниковъ, какъ Ѳедоръ Павловичъ, и изъ безмѣрно-дерзкихъ умомъ нигилистовъ, какъ его сынъ Иванъ. Отцеубійство совершено несчастнымъ Смердяковымъ, грѣхъ котораго долженъ равно пасть и на его отца и на брата Ивана, сбившаго съ пути жалкое созданіе. Но кромѣ ихъ есть еще Дмитрій Карамазовъ, ординарный русскій человѣкъ, грубый богатырь, въ которомъ много зла, но много и добра, и который отвѣчаетъ собою за чужія вины. Есть еще и задатки будущаго — благочестивый и чистый сердцемъ Алеша. Да и Иванъ, любимецъ автора, Иванъ, который въ душѣ, въ мысли, убилъ отца, какъ нигилисты въ мысли совершаютъ покушеніе на убійство

нашего царства. Иванъ пораженъ своею совѣстью, какъ громомъ, и, если онъ выздоровѣетъ, онъ опомнится и станетъ другимъ человѣкомъ. Вотъ гдѣ намъ слѣдуетъ искать поученія. Будемъ сильны и бодры, и несокрушимы никакой бѣдой, какъ Дмитрій Карамазовъ. При всѣхъ нашихъ безобразіяхъ, при всѣхъ претерпѣваемыхъ несправедливостяхъ, будемъ чисты отъ ненависти и преступленія. Научимся, если придется, терпѣть за чужія вины и прощать, потому что онъ правду говоритъ: „Всѣ за всѣхъ виноваты“.

Это черты настоящаго русскаго духа, того духа, которымъ живетъ, и растетъ, и навѣки могуча Русская земля. Будемъ любить Россію тою любовью, которая дышитъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, научимся смотрѣть на нее не съ униженностью, какъ ея рабы, и не съ высокомѣріемъ, какъ ея господа и учителя, а съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ сыновья смотрятъ на мать. Постараемся „возродиться“, какъ замышляетъ Дмитрій Карамазовъ, воспитать въ себѣ „новаго“ человѣка, чтобы имѣть право на такія сыновнія отношенія, чтобы сталъ и для насъ идеаломъ идеалъ Христа, наполняющій собою душу нашей великой родины. Такъ, мнѣ думается, завѣщалъ намъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Приведу еще нѣсколько строкъ изъ письма, полученнаго мною на-дняхъ отъ Л. Н. Толстого. Его здѣсь нѣтъ, но пусть и онъ участвуетъ въ нашихъ поминкахъ.

„Какъ бы я желалъ умѣть сказать все, что̀ я чувствую о Достоевскомъ! Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда. Все, что̀ онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что̀ онъ дѣлалъ), было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ тоже, но дѣло сердца — только радость. Я его такъ и считалъ своимъ другомъ, и иначе не думалъ, какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдругъ читаю — умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня. Я растерялся, а потомъ стало ясно, какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и я плакалъ, и теперь плачу. На-дняхъ, до его смерти, я прочелъ „Униженные и Оскорбленные“ и умилялся“. *Страховъ.*

Затѣмъ слѣдовала рѣчь О. Ѳ. Миллера.

Милостивые Государи!

Никогда еще торжественныя собранія славянскаго общества не были такъ многолюдны, какъ нынче! Этимъ множествомъ не только своихъ сочленовъ, но и множествомъ гостей мы обязаны грустной злобѣ дня — поминовенію Ѳ. М. Достоевскаго, вслѣдъ за столькими другими поминовеніями, справляемому въ томъ обществѣ, которое имѣло счастье въ послѣднее время считать его товарищемъ предсѣдателя.

Была полоса, когда къ намъ стекались толпой — не сразу такой многолюдной, но зато постоянной, не оскудѣвавшей ни въ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней въ недѣлю, въ которые собирались особо избранная комиссія славянскаго общества, стремившаяся откликнуться на запросъ, сказавшійся въ самомъ русскомъ обществѣ, въ цѣломъ обществѣ. То было лѣто 1876 г. — пора сербской войны и русскаго добровольчества. Ѳедоръ Михаиловичъ Достоевскій, при свойственной ему всегда прозорливости психолога и наблюдателя нравовъ, провидѣлъ, конечно, уже тогда, что такое необычайное одушевленіе неизбѣжно должно у насъ смѣниться настроеніемъ прямо противоположнымъ. Не даромъ писалъ онъ еще въ 60-хъ годахъ: „Увизжаться и прорваться отъ восторга — это у насъ самое первое дѣло; смотришь — года черезъ два и расходимся вновь, повѣсивъ носы“ [1]). Со славянскими восторгами оно у насъ вышло такъ даже какихъ-нибудь *мѣсяца* черезъ два. Но Достоевскій никогда не унывалъ и не падалъ духомъ, при всей впечатлительности и болѣзненной нервности своей природы. Твердый въ своихъ славянскихъ сочувствіяхъ, онъ вѣрилъ, что общество наше рано или поздно уже прочнымъ образомъ вернется къ нимъ. Дѣло въ томъ, что для него эти сочувствія не представлялись только мимоходною данью и этого рода благотворительности, данью, вызванною приглашеніемъ на то со стороны какихъ-нибудь добрыхъ знакомыхъ. Славянскія сочувствія не могли не выдвинуться у него прямо на первый планъ, ибо къ нимъ неибѣжно приводили его задушевныя основы его направленія.

Достоевскій сталъ съ самаго начала и навсегда остался честнѣйшимъ, а потому и вполнѣ послѣдовательнымъ адвокатомъ всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“. Могъ ли онъ не почувствовать въ себѣ неотразимаго призыва на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ народностей? А не такими ли издавна являлись въ Европѣ славяне всѣхъ отраслей (за исключеніемъ развѣ поляковъ — но вѣдь и тѣ приголубливались ею лишь лицемѣрно, въ пику Россіи). Не такими ли окончательно оказались славяне передъ послѣдней турецкой войной, а еще болѣе послѣ нея — въ лицѣ самихъ побѣдителей русскихъ, обратившихся въ подсудимыхъ на Берлинскомъ конгрессѣ? Но дѣло въ томъ, что мы вѣдь и сами себя издавна унижали и оскорбляли. Мы сами забивали себя, свою народную личность, отрекаясь отъ своей исторіи, представлявшейся намъ какою-то „глуповщиной“, еще задолго до употребленія этого слова сатирикомъ. Между тѣмъ Достоевскій любилъ и умѣлъ выставлять не вполнѣ забитыми самыхъ маленькихъ, самымъ даже несчастныхъ людей, хотя ему приходилось подчасъ, съ болью въ сердцѣ, выставлять ихъ и вполнѣ опустившимися. Каково же было ему узнавать черты самой глубокой опущенности и приниженности въ русскомъ обществѣ — тѣмъ болѣе вызывавшемъ у него жалость, что само оно, это общество, не чувствовало своего

---

[1]) „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“, глава 3.

положенія, а напротивъ того въ этой народной своей обезличенности видѣло какую-то благовоспитанную печать европейскаго благородства. Каково было ему замѣчать, какъ, гордое этою печатью, оно унижало и оскорбляло родной народъ, видя въ немъ лишь голодные желудки и ненасыщенные мозги, которые бралось оно наполнить со всѣми обычными презрительными пріемами *благодѣтелей?* Вспомните же, наконецъ, не могъ онъ не говорить, что эти, какъ вамъ представляется, пустые сосуды — живые люди, достойные не одной милостыни, но и уваженія и любви! Вспомните, что ваша умственная подачка — только чужое добро, усвоенное старой привычкой жить не своимъ умомъ, подобно тому, какъ вы уже давно привыкли и физически жить не своимъ, а народнымъ трудомъ; — да, трудомъ этого самаго народа, въ которомъ вы вдругъ взялись изгладить будто ему присущій „звѣриный образъ“.

Не мало различныхъ видовъ униженности и оскорбленности, унизителей и оскорбителей представляла Достоевскому наша русская жизнь при всѣхъ обращаемыхъ къ ней запросахъ совсѣмъ на иное, — запросахъ всего славянства. Но съ тѣми же запросами *на иное* нужно было куда-нибудь обратиться и европейскому міру — со всѣми его уцѣлѣвшими, на зло вѣковой и великой цивилизаціи, „несчастными“ — въ широкомъ русскомъ смыслѣ этого слова.

Достоевскій былъ вполнѣ причастенъ европейской цивилизаціи со всѣми ея „святыми чудесами“. Но именно потому, что, при всемъ величіи этихъ „чудесъ“, въ ней все же остаются неисцѣлимые недуги, онъ обращается къ Европѣ, нашей путеводной звѣздѣ не со вчерашняго дня, съ непочтительными словами: „врачу, исцѣлися самъ“. Впрочемъ, сочувствіе этимъ словамъ явственно слышалось ему въ самой Европѣ — въ лицѣ ея лучшихъ людей, — тѣхъ, что̀, подобно ему, способны были принимать къ сердцу застарѣлые недуги, хотя бы гнѣздо ихъ оказалось вѣковѣчно свитымъ собственно въ той толпѣ, которую они уже не въ силахъ были вслѣдъ за Вольтеромъ называть la canaille. Достоевскій еще въ 60-хъ годахъ писалъ подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства съ Европой:

„Предрекъ же аббатъ Сіэйсъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это *все*. *„Что такое* tiers-etat? *Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ“* [1]). Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались... Въ самомъ дѣлѣ, провозгласили вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté? — Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что̀ угодно, въ предѣлахъ закона. *Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь милліонъ.* Даетъ ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? *Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ,*

---

[1]) Подчеркнуто авторомъ.

съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно[1]). Что жъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что жъ остается изъ формулы: *братство?* Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человѣчества, и не догадывается, что *негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности.* Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братства нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской да и вообще западной его въ личности не оказалось, а оказалось *начало личное,* начало особняка, усиленнаго самоохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *я,* сопоставленія этого *я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *я* должно хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ,* а все то это *остальное* должно бы было *само* притти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я* и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т.-е всему остальному, что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *я,* всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но напротивъ отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою, она требуетъ права, она хочетъ *дѣлиться* — ну и не выходитъ братства... Что жъ, скажете вы, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: *самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ непринужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть по-моему признакъ высочайшаго развитія личности,* высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за собою никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать

---

[1]) Подчеркнуто ораторомъ.

другого изъ своей личности, т.-е. никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. *Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка.* Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадется подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: *бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды...*[1]). Сдѣлать братства нельзя, а надо, чтобъ оно *само собой сдѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ*[2]), безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобы было братское, любящее начало, — надо любить. Надо, чтобы самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплеменниковъ, — однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, если бы переложить его на разумный сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: „мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность; не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько,—я всѣ свои права вамъ отдаю и, пожалуйста, располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличьемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось“. А братство, напротивъ, должно сказать: „ты слишкомъ много даешь намъ. То, что̀ ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что̀ же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія...“

„...Послѣ этого, разумѣется, ужъ нечего дѣлиться, тутъ ужъ все само собой раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится...

„Но опять-таки что же дѣлать соціалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а напротивъ начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее съ мечемъ въ рукахъ своихъ правъ? Соціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство... опредѣлять будущее братство, разсчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько

---

[1]) Все это подчеркнуто ораторомъ.
[2]) Подчеркнуто авторомъ.

выиграетъ; опредѣляетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготѣетъ, и определяетъ заранѣе расчетъ благъ земныхъ, насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину... Впрочемъ, провозглашена была формула: „Каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго". Ужъ лучше этого, разумѣется, ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе, что вся формула цѣликомъ взята изъ одной, всѣмъ извѣстной книжки[1]). Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу, и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала и все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ... Кажется ужъ совершенно гарантируютъ человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу ему доставить и за это требуютъ съ него самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому — полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки кажется чудаку, что своя воля лучше. Разумѣется, соціалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды...

„И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи соціалистъ провозглашаетъ наконецъ liberté, égalité, fraternité *ou la mort*. Ну ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

„А если буржуа торжествуетъ, такъ стало-быть и сбылась формула Сіейса буквально и въ послѣдней точности".

Эта большая выписка была совершенно необходима. Важно, что уже тогда, въ 60-хъ годахъ, у Достоевскаго вполнѣ сложились основы всего того, что онъ впослѣдствіи проводилъ въ своемъ „Дневникѣ писателя", что̀ внушило ему самыя горячія мѣста его Пушкинской рѣчи, оборону ея въ единственномъ лѣтнемъ номерѣ „Дневника" за прошлый годъ, наконецъ его лебединую пѣснь — тотъ первый и послѣдній номеръ „Дневника" за текущій годъ, который вышелъ въ свѣтъ въ день выноса его тѣла.

Корень европейскаго зла Достоевскій усматривалъ въ историческомъ началѣ запада — *развитіи личности во всей ея исключительности*. Но не даромъ, характеризуя *индивидуализмъ*, и извѣстный французъ-радикалъ, историкъ революціи, яркимъ образчикомъ противоположнаго — de la fraternité — выставлялъ явленіе славянскаго міра: гуситство. Оно же сложилось на почвѣ *общины*, коренившейся, по выраженію Достоевскаго, „въ природѣ всего племени", хотя вслѣдствіе (его же выраженіе) „вѣковыхъ страданій", „варварской грубости и невѣжества", „нашествія иноплеменниковъ" и т. п., издавнее

---

[1]) Евангелія, разумѣется.

расположеніе къ общинѣ могло быть и дѣйствительно было всячески заглушаемо и извращаемо. Несмотря на весь этотъ фактическій упадокъ общинности въ самомъ славянскомъ мірѣ, Достоевскій продолжалъ возлагать всѣ свои надежды на ея принципъ — на воспитательную силу ея преданій, воспитательную не столько въ *политическомъ*, сколько въ *нравственномъ* смыслѣ. Потому-то и говорилъ Достоевскій въ своей пушкинской рѣчи: „О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я вѣрю въ это... будущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ-концовъ, можетъ-быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи... Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ“. Онъ не раскаивался и послѣ того, какъ въ отвѣтъ ему было указано на тѣ европейскія учрежденія, при помощи которыхъ на Западѣ справились съ тѣмъ, съ чѣмъ не можемъ справиться мы. „Это Европа-то справилась?“ — спрашивалъ онъ въ отвѣтъ. Да кто только могъ вамъ это сказать?.. „Муравейникъ, давно уже создавшійся въ ней безъ церкви и безъ Христа (ибо церковь, замутивъ идеалъ свой, давно уже и повсемѣстно перевоплотилась тамъ въ государство), съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утратившимъ все, все общее и все абсолютное, — этотъ созидавшійся муравейникъ, говорю я, весь подкопанъ“. Слова эти опять послужили у насъ „камнемъ преткновенія и соблазна“ для многихъ, но именно на западѣ они бы не смутили и не оскорбили ни одной дѣйствительно вѣрующей души, такъ же точно, какъ именно *радикальные* западные политики не смущаются и не оскорбляются невыгодными картинами европейскаго политическаго строя. Въ словахъ Достоевскаго объ этомъ „муравейникѣ“ нѣтъ и тѣни мысли, чтобы въ нѣдрахъ католичества и порожденнаго имъ протестантства не было дѣйствительно вѣрующихъ, — но эти вѣрующіе, по его представленію, давно уже жаждутъ и ищутъ церкви — дѣйствительной церкви, т.-е. *вѣрующей общины*. Увы! она давно уже замѣнилась въ католичествѣ единоличнымъ авторитетомъ государя-папы, въ протестантствѣ — авторитетностью личнаго разумѣнія каждаго (т.-е. каждаго развитаго человѣка). А въ результатѣ выходитъ издавнее безвѣріе именно офиціальныхъ блюстителей вѣры въ католичествѣ, такъ глубокомысленно разоблаченное Достоевскимъ въ его „Великомъ Инквизиторѣ“ [1]), и неизбѣжность перехода отъ положительной вѣры къ раціонализму въ протестантствѣ, напрасно думающемъ остановиться на половинѣ дороги, въ качествѣ исповѣданія,

---

[1]) „Братья Карамазовы“, т. I, кн. 5, гл. 5.

формулированнаго государственною властью, къ соблазну искренно вѣрующихъ протестантовъ, ищущихъ и не находящихъ настоящей точки опоры. На расшатанное до основанія религіозное начало указывало и указываетъ въ Европѣ многое множество числящихся какъ католиками, такъ и протестантами; но на дѣлѣ часто оказываясь просто пребывающими внѣ всякой церкви, они эту утрату „всего общаго и всего абсолютнаго“ не хотятъ или не умѣютъ себѣ объяснить тѣмъ, что усовершенствованный механизмъ европейскаго общества движется „безъ Христа“. Между тѣмъ для Достоевскаго этимъ-то и объясняется непрочность того, что̀ держится такимъ механизмомъ. „Грядетъ четвертое сословіе, говоритъ онъ, стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякій доселѣ бывшій законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочки только разжигаютъ, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдаемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки, жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно, кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить, такъ что имъ даже въ руку будетъ работа. Все это „близко при дверяхъ“. И это служило, конечно, „камнемъ преткновенія“, представляясь какимъ-то юродствованіемъ великаго таланта, юродствованіемъ даже и не совсѣмъ гуманнымъ — между прочимъ, потому, что тутъ задѣвались *жиды*. Но Достоевскій зналъ очень хорошо, что они даже вовсе *не національность* — что *жиды* могутъ быть и между *не евреями* всѣхъ національностей. Разумные между *евреями* (интеллигентные, какъ они сами себя называютъ) не обижались и даже писали Достоевскому теплыя, задушевныя письма. Зато вовсе не евреи обижались, и сильно обижались за Европу! „Вы смѣетесь? — продолжалъ Достоевскій. — Блаженны смѣющіеся. Дай Богъ вамъ вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мнѣ, смѣясь: „Хорошо же вы любите Европу, коли такъ ей пророчите“. А я развѣ радуюсь? Я только предчувствую, что подведенъ итогъ. Окончательный же расчетъ, уплата по итогу, можетъ произойти даже гораздо скорѣе, чѣмъ самая сильная фантазія могла бы предположить. Симптомы ужасны. Ужъ одно только стародавне неестественное политическое положеніе европейскихъ государствъ можетъ послужить началомъ всему. Да и какъ бы оно могло быть естественнымъ, когда неестественность заложена въ основаніи ихъ и накоплялась вѣками? *Не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ какъ рабомъ*[1]). А вѣдь для этой единственной цѣли и слагались до сихъ поръ *всѣ* гражданскія (уже не христіанскія) учрежденія Европы, теперь совершенно языческой. А теперь-то вы, теперь-то — указываете намъ на Европу и зовете пересаживать къ намъ тѣ самыя учрежденія, которыя тамъ завтра же рухнутъ, какъ изжившій свой вѣкъ абсурдъ, и въ которыя

---

[2]) Подчеркнуто ораторомъ.

 тамъ уже многіе умные люди давно не вѣрятъ, которыя держатся существуютъ тамъ до сихъ поръ лишь по одной инерціи. Да и кто, ромѣ отвлеченнаго доктринера, могъ принимать комедію буржуазнаго диненія, которую видимъ въ Европѣ, за нормальную формулу челоѣческаго единенія на землѣ? Они де тамъ давно справились. *Это осль двадцати-то конституцій менѣе чѣмъ въ столѣтіе, и безъ мааго послѣ десятка революцій*" [1])! Живое воображеніе Достоевскаго, ъ которомъ, при всѣхъ его свойствахъ психолога и философа, потоянно сказывался и художникъ,—рисовало ему эту неизбѣжную артину точно будто уже открывающеюся, къ вящему соблазну и ретвновенію людей разсудительныхъ. „Завтра,—говорили они,—завтра же не станетъ Европы, всей Европы — и это намъ приходится слыпать отъ такого таланта, какъ Достоевскій!" Но изъ чего же выводили вы, господа, что онъ предсказываетъ гибель *всей* Европѣ, а не ой лишь, которая, при всѣхъ своихъ „святыхъ чудесахъ", до сихъ оръ держала и держитъ въ положеніи *илотовъ* свое же „четвертое ословіе"? Хоть бы вы немножко вдумались въ слова Достоевскаго, то вѣдь собственно только для *малой части человѣчества*, для ея нтересовъ и наслажденій, до сихъ поръ слагались всѣ — и самыя аже прогрессивныя учрежденія Европы.

Но вы считаете ее, эту Европу, единою спасающей — владѣтельницей ключей отъ земного рая, безъ которыхъ, коли оно такъ, и намъ пкогда туда не войти. Но подумали ли вы о томъ, что соотвѣтствующее у насъ европейской „малой части" властнаго человѣчества тѣмъ наче есть *малая* часть сравнительно съ громаднымъ численнымъ преобладаньемъ у насъ того, что соотвѣтствуетъ „четвертому сословію"? Хорошо бы вышло представительство для подавляющаго у насъ, какъ нигдѣ, крестьянскаго большинства, — при простой пересадкѣ къ намъ любой, хотя бы и самой просторной, западной формы! Каково бы пришлось „стихійному большинству" отъ горсти интеллигенціи изъ рѣдкихъ „захудалыхъ родовъ", болѣе частыхъ „потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ", различныхъ бароновъ, пановъ и, наконецъ, *жидовъ* — какъ изъ евреевъ, такъ и изъ христіанъ (т.-е. людей, по выраженію Достоевскаго, „съ аппетитомъ" и притомъ вооруженныхъ культурными способами удовлетворять аппетитъ). Вѣдь опасность отъ этой „интеллигенціи" неизбѣжно усиливалась бы тою запущенностью, въ какой оставалось и остается у насъ дѣло просвѣщенья *народа* — т.-е. до трехъ четвертей всего населенія Россіи. А если вспомнить, что часть этой интеллигенціи выросла еще на крѣпостномъ правѣ, наслѣдовала его хотя бы и замаскированныя преданія, то какъ же не признать поразительной глубины вопроса, задаваемаго Достоевскимъ въ предсмертномъ его „Дневникѣ":

„Захочетъ ли прежній помѣщикъ стать интеллигентнымъ народомъ?... Не захочетъ ли, напротивъ, опять возгордиться и стать опять

---

[1]) Подчеркнуто ораторомъ.

надъ народомъ властью силы... изъ самаго образованія своего создать новую властную и разъединительную силу и стать надъ народомъ аристократіей интеллигенціи, его опекающей?“ Или, какъ замѣчаетъ онъ тутъ же нѣсколько выше, „и теперь уже эта интеллигенція не думаетъ ли про себя:

„А народъ опять скуемъ?“

Но самъ Достоевскій предвидѣлъ и оправдательные отвѣты на свои возраженія.

„Да не мы ли, скажете вы, объ народѣ болѣемъ, не мы ли объ немъ столь много пишемъ, не мы ли его и къ нему призываемъ?“ выражается онъ языкомъ своихъ противниковъ. „Такъ, вы все это дѣлаете, отвѣчаетъ онъ, но русскій народъ убѣжденъ почему-то, что вы не объ немъ болѣете, а объ какомъ-то иномъ народѣ, въ вашу голову засѣвшемъ и на русскій народъ не похожемъ, а его такъ даже презираете. Это презрительное отношеніе къ народу — въ нѣкоторыхъ изъ насъ даже совсѣмъ безсознательное, положительно можно сказать, невольное. *Это остатокъ крѣпостного права*“.

Да, именно оно и сказывается до сихъ поръ, сказывается совершенно невольно, у людей, считающихъ себя великими либералами, сказывается въ этомъ, постоянно повторяющемся, особенно въ послѣднее время, превозношеніи нашей интеллигенціи за одно съ столь же часто повторяющимся приниженьемъ народа, признаваніемъ въ немъ на всѣ лады, ничего иного, по выраженію Достоевскаго, какъ „печати звѣриной“ и „звѣринаго образа“. Въ послѣднемъ своемъ „Дневникѣ“ Достоевскій вспомнилъ басню Крылова про свинью, готовую, дорожа только желудями, подрыть корни дуба. Но такъ же умѣстно было бы вспомнить другую, болѣе приличную басню: о „листахъ и корняхъ“. Все и сводится у насъ теперь именно къ отношеніямъ между ними. Хотите ли узнать человѣка? Добейтесь прежде всего, за кого онъ: за листы или за корни? Но многіе будутъ чистосердечно увѣрять, что они за корни, тогда какъ на повѣрку выйдетъ, что они только за листы. Достоевскій всегда стоялъ за корни.

Въ послѣднемъ своемъ „Дневникѣ“ онъ говорилъ про одно магическое словцо, именно: „оказать довѣріе“. „Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду. И не нужно никакихъ великихъ подъемовъ и сборовъ; народъ можно спросить по мѣстамъ, по уѣздамъ, по хижинамъ. Ибо народъ нашъ, и по мѣстамъ сидя, скажетъ точь-въ-точь все то же, что сказалъ бы и весь вкупѣ, ибо духъ его одинъ. Каждая мѣстность только лишь свою мѣстную особенность прибавила бы, но въ цѣломъ, въ общемъ, все бы вышло согласно и едино. Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужикъ, одинъ только заправскій мужикъ. О, не изъ какихъ-либо политическихъ цѣлей я предложилъ бы устранить на время нашу интелли-

генцію, — не приписывайте мнѣ ихъ, пожалуйста, — но предложилъ бы я это (ужь извините, пожалуйста) — изъ цѣлей лишь чисто *педагогическихъ*. Да, пускай въ сторонкѣ пока постоимъ и послушаемъ, какъ ясно и толково сумѣетъ народъ свою правду сказать, совсѣмъ безъ нашей помощи, и объ дѣлѣ, именно объ заправскомъ дѣлѣ въ самую точку попадетъ, да и насъ не обидитъ, коли объ насъ рѣчь зайдетъ. Пусть постоимъ и поучимся у народа, какъ надо правду говорить. Увидавъ отъ народа столько дѣловитости и серьезности, мы будемъ озадачены и ужъ, конечно, явятся изъ насъ, что не повѣрятъ глазамъ своимъ, но такихъ будетъ слишкомъ мало, ибо всѣ дѣйствительно искренніе, всѣ во-истину жаждущіе правды, а главное дѣла, заправскаго дѣла и общей пользы, — такіе всѣ присоединятся къ премудрому слову народному; всѣ же неискренніе разомъ обнаружатъ все свое содержаніе и обнаружатся сами. А если останутся и искренніе, что и тогда въ народъ не увѣруютъ, — то это какіе-нибудь староверы и доктринеры сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, *старыя неисправимыя дѣти, и они будутъ только смѣшны и безвредны*.

„Я, — продолжалъ Достоевскій, — *на молодежь надѣюсь; и она у насъ страдаетъ „исканіемъ правды“* и тоской по ней, а стало-быть она народу сродни наиболѣе, и сразу пойметъ, что и народъ ищетъ правды. А познакомясь столь близко съ душою народа, броситъ тѣ крайнія бредни, которыя увлекли было столь многихъ изъ нея, *вообразившихъ, что они нашли истину въ крайнихъ европейскихъ ученіяхъ*. Совсѣмъ новая идея вошла бы вдругъ въ нашу душу и освѣтила бы въ ней все, что пребывало до сихъ поръ во мракѣ, свѣтомъ своимъ, обличила бы ложь и прогнала ее. И, кто знаетъ, можетъ быть, это было бы *началомъ такой эпохи*, которая по значенію своему даже могла бы быть выше крестьянской: тутъ произошло бы тоже „освобожденіе“ — *освобожденіе умовъ и сердецъ нашихъ отъ нѣкоей крѣпостной зависимости, въ которой и мы тоже пробыли цѣлыхъ два вѣка у Европы, подобно какъ крестьянинъ, недавній рабъ нашъ, у насъ*. Я желалъ бы только, *чтобъ поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ, — какъ въ святыню вѣрую* [1]), главное въ спасительное ихъ назначеніе, въ великій народный охранительный и зиждительный духъ, и жажду лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ. Только что узрятъ, тотчасъ же начнутъ понимать и все остальное“.

Слова эти, — только восторженный набросокъ мысли, которая должна была практически выясниться въ теченіе года — въ остальныхъ нумерахъ „Дневника“. Въ нихъ собирался онъ подробно высказать, какъ это, какимъ способомъ „оказать довѣріе“, т.-е. полное довѣріе. Онъ разсчитывалъ, какъ я заключаю изъ недолгаго разговора съ нимъ при нашемъ предпослѣднемъ свиданіи, на участіе извѣстной

---

[1]) Все это подчеркнуто ораторомъ.

части интеллигенціи — той, которая ближе къ народу, а она у насъ все-таки есть. Составить какой-нибудь сколокъ съ готоваго европейскаго образца могли бы и просвѣщенные *бюрократы*, но на творческую работу въ духѣ „корней“ способны лишь просвѣщенные *земскіе люди.* А именно къ *творчеству* и призывалъ Достоевскій! Страна съ нигдѣ небывалымъ численнымъ перевѣсомъ „основныхъ, коренныхъ людей“ должна себѣ выработать совершенно своеобразныя соціальныя формы, — подобно тому, какъ, съ другой стороны, она неизбѣжно должна создать себѣ и совершенно своеобразную учебную систему. Творчество, только творчество, находилъ Достоевскій, послужило бы намъ настоящею „живою водою!“

„Оказать довѣріе“ — полное довѣріе именно и значило бы вызвать творчество. А русскій народъ, пояснялъ Достоевскій, заслуживаетъ довѣрія потому уже, что самъ никогда не переставалъ довѣрять своей верховной власти. Дѣло выходитъ тутъ обоюдное. „Царь для народа, — говоритъ Достоевскій все въ томъ же послѣднемъ своемъ „Дневникѣ“, — не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь побѣдителя (какъ была, напримѣръ, съ династіями прежнихъ королей во Франціи), а всенародная, всеединящая сила, которую самъ народъ восхотѣлъ, которую вырастилъ въ сердцахъ своихъ, которую возлюбилъ, за которую претерпѣлъ, потому что отъ нея только одной ждалъ исхода своего изъ Египта“...

„У насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ... Не письменнымъ листомъ она утвердится, а созиждается лишь на дѣтской любви народа къ царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ“...

Опираясь на старое историческое наше начало *довѣрія*, Достоевскій тѣмъ самымъ призывалъ верховную власть на ничѣмъ несмущающееся постоянство въ великомъ освободительномъ подвигѣ. Вполнѣ захотѣть дать народу на самомъ дѣлѣ то, чего онъ еще нигдѣ не имѣетъ — значило бы, конечно, пойти на зло всѣмъ предостереженіямъ изчужа относительно „тождества“ такъ называемой русской партіи, панславизма и „нигилизма!“ Это значило бы смѣло прочесть и признать на русскомъ, на общеславянскомъ знамени новое слово, слово дѣйствительно страшное для „Европы“ — той Европы, которая въ сущности составляетъ только, по пониманію Достоевскаго, малую властную часть человѣчества. Это значило бы пойти прямо навстрѣчу стремленіямъ той Европы, которая, по выраженію Достоевскаго, „стучится въ двери“, т.-е. загладить передъ нею, какъ и передъ собою, передъ своимъ *славянскимъ*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *міровымъ* призваніемъ, старый вольный и невольный грѣхъ состоянія на службѣ у „Меттерниховщины“. Это значило бы неразумную службу Европѣ искупить разумнымъ служеніемъ человѣчеству! Тогда бы успокоился, наконецъ, и тотъ нашъ „скиталецъ“, про котораго Достоевскій сказалъ въ Москвѣ, что „ему необходимо именно всемірное счастіе... дешевле онъ не примирится“.

Достоевскій, говорятъ болѣе добросовѣстные изъ противниковъ, былъ *утопистъ* (въ сущности это то же, что *пророкъ* — званіе, котораго не хотятъ ему предоставить); но онъ, пожалуй, и самъ признавалъ себя утопистомъ. Да, онъ вѣрилъ въ концѣ концовъ въ *добрую волю* человѣка. Онъ вѣрилъ въ возможность конечнаго совпаденія доброй воли единоличной верховной власти съ природными стремленіями и задушевными чаяніями народа — отчасти отражающагося и въ своихъ интеллигентныхъ „скитальцахъ", хотя сами они не признаютъ этого. Вотъ онъ и говорилъ имъ въ Москвѣ; „смирись, гордый человѣкъ"! т.-е. смирись передъ своимъ народомъ, признай себя духомъ отъ его духа. Но Достоевскій говорилъ также: „найди себя въ себѣ" — т.-е. запасись же и самъ у себя тою доброю волею, недостатокъ которой въ другихъ сферахъ тебя такъ возмущаетъ.

Оглянись на тотъ же народъ, поучись у него, несмотря на то, что порою онъ, можетъ быть, грубъ до животности. Въ немъ, при всякихъ грѣхахъ, живо *сознаніе грѣха*, т.-е. личной отвѣтственности передъ всѣми, а есть ли оно въ тебѣ? Привыкнувъ винить только все постороннее, ты и надежду привыкъ возлагать лишь на то, что опять таки внѣ тебя — *на формы, на механизмъ*, а что если даже при величайшемъ его совершенствѣ ты испортишь все дѣло собой: вѣдь довольно, по замѣчанію Достоевскаго, и того „тоненькаго волоска", какимъ является малѣйшій разсчетъ въ пользу собственной выгоды, — а что, если въ тебѣ, по его же замѣчанію, засѣло вовсе не маленькое желаніе: „а самому то мнѣ пусть будетъ *какъ можно лучше*? Что, если, между тѣмъ какъ ты ораторствуешь о братствѣ, тебя даже вовсе не тянетъ на братство? Что, если и самые твои подвиги — въ угоду тебѣ же, твоему тщеславію, а „долго тебѣ не вытерпѣть, особенно безъ шуму и безъ широкой огласки"? Что, если, даже трудясь, ты остаешься чуждъ сознанья, что лишь „трудомъ спасенъ будеши"? Что, если при всемъ твоемъ высшемъ уровнѣ — въ сущности твоему „аппетиту", твоему хотя бы и утонченному, но все же чувственному, т.-е. животному *я*, постоянно приносится въ жертву то духовное, высшее, властное надъ собою *я*, которое именно и сказывается въ самопожертвованіи — единственномъ, настоящемъ самопожертвованіи, въ постоянномъ, неказистомъ самообереженіи отъ малѣйшаго залѣзанья въ чужія права? Загляни въ свою душу, не кривя душой? Вспомни московскій кличъ Достоевскаго: „Найди себя въ себѣ"?

Ор. Миллеръ.

Литература и общество времени Достоевскаго.

„Въ тѣ годы, когда Достоевскій жилъ безъ дѣла въ Петербургѣ, переходя изъ одной „комнаты отъ жильцовъ" въ другую и знакомясь, такимъ образомъ, наглядно съ печальною жизнію бѣдняковъ столицы, вся русская умственная жизнь, весь духовный прогрессъ нашъ сосредоточивался въ литературѣ. Она существовала для большинства об-

разованныхъ людей. Наука въ серьезномъ видѣ не могла интересовать это большинство, да въ ней, за исключенiемъ нѣкоторыхъ потребныхъ для государства практическихъ свѣдѣнiй, никто не нуждался. Науку ничто не вызывало; ей не было мѣста въ обществѣ, которое посылало свое молодое поколѣнiе *въ науку* лишь исключительно для того, чтобы прiобрѣтенiемъ свѣдѣнiй, а главное — дипломомъ начать приличнымъ образомъ служебную карьеру. Университеты, гдѣ только и могла существовать наука, стояли, по своему влiянiю, особенно въ провинцiи, гораздо ниже литературы. Въ ничтожномъ только меньшинствѣ юношей могли они пробудить научное стремленiе и жажду знанiя. Идеальнымъ порывамъ большинства тогдашняго молодого поколѣнiя всего больше отвѣчала литература съ ея расширившимся въ тѣ годы содержанiемъ. Въ ней разомъ появилось тогда нѣсколько талантливыхъ именъ. Главнѣйшимъ органомъ тогдашняго литературнаго, да можно сказать и умственнаго движенiя, стали „Отечественныя Записки“, съ того времени, какъ отдѣлъ критики поступилъ въ распоряженiе Бѣлинскаго. Съ нетерпѣнiемъ ожидалась каждая новая книжка журнала, и тогдашнiй студентъ, послѣ безцвѣтныхъ, скучныхъ по своей реторикѣ или по очевиднымъ уступкамъ господствующей дѣйствительности лекцiй, съ страстнымъ молодымъ трепетомъ, погружался въ чтенiе новой статьи критика, казавшейся откровенiемъ. Горячiя слова наполняли душу честными стремленiямя, звали къ честной дѣятельности.

Имя, выше всѣхъ стоявшее въ тогдашней литературѣ, было имя Гоголя, и Бѣлинскiй былъ великимъ объяснителемъ генiальнаго писателя. Мы убѣждены, что безъ его критики глубокiй, жизненный, историческiй смыслъ Гоголевскихъ созданiй, являвшiйся для большинства лишь забавнымъ малороссiйскимъ жанромъ, не скоро бы усвоился сознанiемъ общества. Горькiй смѣхъ Гоголя нарушилъ продолжительное праздничное ликованье, смутилъ торжество, освѣтилъ настоящимъ, хотя и зловѣщимъ свѣтомъ, огромное историческое пространство, счастливые острова, гдѣ, казалось, жили только доблестные герои. Вмѣсто нихъ, мы разглядѣли Чичиковыхъ и Ноздревыхъ, Коробочекъ и Маниловыхъ и большую компанiю другихъ лицъ, съ которыми скоро пришлось переживать тяжелыя историческiя испытанiя. Что бы ни говорила современная славянофильская школа, объясняя мысль отрицательныхъ типовъ Гоголя какимъ то психическимъ актомъ самоочищенiя и искупленiя, какъ говорилъ, впрочемъ, и самъ нравственно больной подъ конецъ жизни писатель, — его типы выросли и окрѣпли въ обществѣ; они — его характеристика и созданiе.

Но Гоголь, какъ и современный намъ великiй русскiй сатирикъ, не дающiй заснуть и одеревенѣть мысли и чувству посреди явленiй, способствующихъ тому, звалъ впередъ, указывалъ идеалы. Гоголемъ было воспитываемо въ то время гуманное и мягкое чувство въ обществѣ. Подъ влiянiемъ его произведенiй люди измѣнялись; Божья искра западала въ готовую очерствѣть душу, какъ случилось это съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который позволилъ было себѣ грубую шутку

надъ героемъ „Шинели“. „Все перемѣнилось предъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ: какая то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. Въ проникающихъ словахъ: „оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете“? звенѣли другія слова: „я братъ твой“! И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже, даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ“. Гоголь увлекалъ въ широкое человѣческое движеніе: „Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ, юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточенное мужество, говорилъ онъ современному молодому поколѣнію, „забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ по дорогѣ — не подымете потомъ“.

Вполнѣ было естественно, что все молодо и талантливое въ нашей литературѣ того времени, все, что смотрѣло впередъ и сознательно относилось къ своей дѣятельности, должно было примкнуть къ этому направленію. Высокая художественность Гоголевскихъ созданій и глубокій нравственный смыслъ ихъ сдѣлали Гоголя главою школы. Литература стала во главѣ нравственнаго развитія общества; она сдѣлалась воспитательницей его, совѣстью. Какъ бы почувствовавъ свою силу и внутреннее значеніе, она расширила кругъ своего дѣйствія, стала касаться такихъ слоевъ общества, куда не желали спускаться прежніе писатели, и тамъ искала людей. Это былъ уже значительный успѣхъ съ ея стороны. Конечно, немного сторонъ и вопросовъ дѣйствительной русской жизни, вслѣдствіе безправнаго положенія русскаго общества, было доступно литературѣ. Цензура зорко слѣдила за нею, преслѣдовала всякое ея отклоненіе и загоняла назадъ, въ привычный заколдованный кругъ, заставляя ее вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ исключительно сердечныхъ волненій и любовныхъ приключеній. Новое направленіе не нравилось въ высшихъ сферахъ, не нравилось между старыми писателями и въ такъ называемыхъ славянофильскихъ кружкахъ, гдѣ подъ громкими фразами царило старое преданіе. Но литература дѣлала свое дѣло.

Прекрасно характеризуетъ это дѣло новой литературы и ея отношеніе къ тогдашнему обществу Бѣлинскій: „Представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ-быть, богатаго: онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся въ спокойныхъ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ, — и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы, и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! Книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ живутъ такъ хорошо, какъ онъ, что есть *углы*, гдѣ подъ лохмотьями дрожитъ отъ

холода цѣлое семейство, можетъ-быть, недавно еще знавшее довольство, — что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, — что послѣдняя копейка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія. И нашему счастливцу неловко, какъ-будто совѣстно своего комфорта. А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для своего удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку. Прочь ее!... Представьте теперь въ такомъ же положеніи другого любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедорычъ, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять та же исторія! Проклятая книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Ѳедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему, то, незнакомому ни съ какимъ человѣческимъ чувствомъ, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу! Представьте теперь еще въ такомъ комфортномъ состояніи человѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинахъ, имѣетъ „малую толику". Всѣ читаютъ — надо и ему читать; но что находитъ онъ въ книгѣ? — свою біографію, да еще какъ вѣрно разсказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя похожденія его жизни — тайна для всѣхъ, и ни одному сочинителю неоткуда было узнать ихъ... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшенъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: „Вотъ какъ пишутъ нынѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! „Такъ ли писали прежде! Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или возвышенныхъ „читать сладко и обидѣться нечѣмъ!" (*Сочин.* XI, 343—345.)

Мы привели эти слова Бѣлинскаго для того, чтобъ показать новое отношеніе литературы къ обществу, созданное Гоголемъ и содержаніемъ его произведеній. Новое направленіе получило тогда названіе *натуральной школы*, названіе, какъ это часто случается, не точно опредѣляющее его; оно дано было, какъ кажется, Бѣлинскимъ. Толки о натуральной школѣ, сдерживаемые, разумѣется, цензурой, наполняли тогдашніе журналы, раздѣливъ представителей литературы на два противоположные и враждебные лагеря. Подъ натуральною школою надобно разумѣть болѣе живое пониманіе дѣйствительности, болѣе глубокое отношеніе къ ней, больше простора въ пониманіи окружающей жизни и совершенное отчужденіе отъ реторики, т.-е. отъ того лганья, которымъ преисполнена была жизнь и литература. Весь успѣхъ этой послѣдней и ея движеніе впередъ, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, „зависятъ больше *отъ объема и количества предметовъ*, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для

ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Въ натуральной школѣ было уже это расширеніе границъ.

Надобно замѣтить, что годы 1843—1848 были, говоря относительно, довольно благопріятны для успѣховъ мысли и для развитія литературы у насъ въ теченіе всей однообразной и послѣдовательной тридцатилѣтней системы. Поводья какъ-будто ослабли; мысль и сознаніе, бродившія въ обществѣ, несмотря на случайное появленіе свое, стали получать тогда болѣе опредѣленную форму и выраженіе. Цензура сдѣлалась какъ бы благодушнѣе, смотрѣла иногда сквозь пальцы. Это была передышка въ нѣкоторомъ родѣ, и очень скоро, съ 1848 г. эта цензура съ усиленною дѣятельностью принялась за хирургическую операцію вылущиванія мысли. Какъ ни много было заказано вообще путей русской литературѣ, все же, въ эти льготные годы, мы слышимъ въ ней толки о самобытности, о дѣйствительности, о болѣе широкомъ и вѣрномъ изображеніи жизни; мы видимъ появленіе двухъ литературныхъ партій, въ основѣ которыхъ была сознательная мысль и зародыши политическихъ убѣжденій. Нравственное чувство и умственные интересы пробуждаются и растутъ въ обществѣ. Главное содержаніе этого возбужденія давалось европейскими вліяніями. Высока и крѣпка была та китайская стѣна, которая поднималась на западной нашей границѣ, но для крылатыхъ свойствъ человѣческой мысли она не была безусловнымъ препятствіемъ, а въ Европѣ въ это время, послѣ спокойныхъ годовъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ Наполеона и только на короткое время прерванныхъ іюльскими днями, развивалось и крѣпло умственное движеніе. Мысль зрѣла, дѣлалась интенсивнѣе; она стала касаться самыхъ существенныхъ и коренныхъ сторонъ человѣческаго общества и, недовольная ходомъ исторіи, результатами продолжительной и жестокой борьбы, только что пережитой Европою, осуждала эту исторію. Содержаніе этой европейской мысли, недоступное массѣ, необходимо должно было войти въ сознаніе незначительнаго меньшинства русскаго общества, которое шло по историческому пути, проложенному Петромъ В. Это образованное меньшинство, конечно, принадлежало литературѣ. Мы видѣли, что она развивалась. Анализъ окружающихъ ее явленій былъ необходимъ. Неизбѣжнымъ явленіемъ анализирующей мысли было критическое недовольство. Счастлива та страна, гдѣ не засыпаетъ этотъ критическій процессъ мысли и, возбуждая дѣятельность сознанія, раскрывая „несовершенства и бѣдность“, работаетъ безостановочно для лучшаго будущаго. Мысль можно изуродовать, пустить ее по кривымъ путямъ, но она не заглохнетъ, не уснетъ навѣки.

На Гоголя, какъ основателя школы, на молодыхъ талантливыхъ его продолжателей въ литературѣ, какъ извѣстно, долго падали обвиненія за *отрицательное* или, какъ стали потомъ выражаться — за *обличительное направленіе*, за то, что они постоянно изображаютъ все „бѣдность да бѣдность, да несовершенства человѣческой жизни“, но въ изображеніи отрицательныхъ явленій, если въ нихъ была жизнен-

ная правда, и заключался успѣхъ литературы. Она разсталась съ ложью и фразою, если бы даже въ нихъ и заключался „насъ возвышающій обманъ“; она стала однимъ изъ существенныхъ факторовъ духовнаго развитія страны; она дѣлала гражданскій подвигъ. За отталкивающими явленіями, ею изображаемыми, носились впереди, какъ цѣль, свѣтлые идеалы; она призывала ихъ, ждала ихъ осуществленія; отрицаніе являлось сознаніемъ того, что должно быть вмѣсто того, что на самомъ дѣлѣ было. Говорить поэтому объ односторонности этого направленія, даже оскорбляться имъ, какъ это часто случалось въ полемикѣ тѣхъ годовъ — было совершенно несправедливо. „Натуральная школа имѣла будущее.

Въ эпоху первой литературной дѣятельности Достоевскаго, т.-е. до 1849 г., это направленіе имѣло уже нѣсколькихъ талантливыхъ представителей. Упомянемъ прежде всего о Григоровичѣ, товарищѣ по Инженерному училищу Достоевскому. Его „Деревня“, его „Антонъ Горемыка“, написанные въ то время съ теплою любовію къ русскому крестьянину въ его безправномъ положеніи, и съ замѣчательнымъ талантомъ, были какъ бы откровеніемъ новой стороны русской жизни, совсѣмъ неизвѣстной прежде или представляемой чрезвычайно фальшиво. Несмотря на нѣкоторую молодую идеализацію свою, совершенно необходимую въ виду той высокой и благородной цѣли, которая присутствовала въ созданіи автора, повѣсти эти вносили въ общество міръ новыхъ и плодотворныхъ идей, затрогивали, хотя и робко, крестьянскій вопросъ, строго запрещенный для литературы. „По прочтеніи трогательной повѣсти „Антонъ Горемыка“, въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя“, — сказалъ о ней Бѣлинскій. Тургеневъ, этотъ величайшій послѣ Гоголя нашъ художникъ, тогда же отъ первоначальныхъ поэтическихъ попытокъ, гдѣ его мысль еще бродила между портретами и сценами русской провинціальной и помѣщичей жизни и общими человѣческими идеалами, обратился къ тому, что онъ наблюдалъ, что хорошо знаетъ, чему горячо сочувствуетъ его сердце, — къ русской природѣ и той же печальной дѣйствительности, которую затронулъ и Григоровичъ. Рядъ великолѣпныхъ очерковъ „Записокъ Охотника“ останется навсегда однимъ изъ драгоцѣнныхъ достояній русской литературы, гдѣ образы дѣйствительности схвачены глубокимъ чувствомъ поэта и тонкимъ умомъ наблюдателя. По другой дорогѣ шелъ Гончаровъ, но и его первый романъ „Обыкновенная исторія“, хотя и не касающаяся общественныхъ вопросовъ, принадлежитъ также къ натуральной или, лучше сказать, къ реальной школѣ, основателемъ которой былъ Гоголь. Лица Гончарова, обрисованныя съ холоднымъ увлеченіемъ настоящаго художника, стоятъ предъ читателемъ, какъ живыя, будятъ его мысль, но не заставляютъ задумываться о той общественной средѣ, къ которой они принадлежатъ. Къ этимъ главнымъ представителямъ „натуральной школы“ необходимо присоединить еще одного, произведенія котораго относятся къ тѣмъ же годамъ и часто появлялись тогда въ нашихъ журналахъ. Мы говоримъ объ авторѣ весьма замѣчательной повѣсти

„Кто виноватъ?“, нѣкоторыхъ другихъ разсказовъ, затрогивающихъ, какъ „Сорока-воровка“ напримѣръ, въ высшей степени любопытные вопросы русскаго общественнаго сознанія, и цѣлаго ряда статей научнаго содержанія по исторіи философіи и по философіи исторіи, отличающихся глубиною смѣлой и самостоятельной мысли и изложенныхъ такимъ блестящимъ, оригинальнымъ и остроумнымъ слогомъ, какой изъ всѣхъ русскихъ писателей того времени принадлежалъ исключительно ему. О значеніи критики Бѣлинскаго, какъ для объясненія Гоголя и его школы, такъ и для указанія цѣлей и стремленій для всей русской литературы, мы уже говорили. Это былъ великій и благородный учитель для всѣхъ писателей.

Въ этихъ главныхъ представителяхъ въ то время нашей литературы заключался успѣхъ общественнаго сознанія. Они были отраженіемъ этого сознанія. Литература измѣнила радикальнымъ образомъ и содержаніе и тонъ свой. Повѣсти великосвѣтскаго содержанія, безъ которыхъ не обходилась ни одна книжка прежнихъ журналовъ, съ ходульными героями и эффектно-невозможными страстями, историческіе романы, гдѣ изображались въ совершенно ложномъ свѣтѣ и съ напыщенною реторикою, придуманныя патріархальныя добродѣтели русскаго человѣка, quasi-патріотическія драмы Кукольника и Полевого и много другихъ того же рода явленій сдѣлались невозможными. Литература оставила блестящій салонъ и пошла въ бѣдную избу, въ мрачный петербургскій „уголъ“; она поднималась на „вершины“ многоэтажныхъ петербургскихъ домовъ, спускалась въ сырые и затхлые подвалы, гдѣ гнѣздятся люди, обойденные судьбой, падшіе и несчастные, „униженные и оскорбленные“, но все-таки люди и братья. Съ участіемъ и любовью, съ глубокимъ уваженіемъ нравственнаго человѣческаго достоинства, подъ лохмотьями нищеты, литература искала человѣка и, изображая его страданія, старалась показать, насколько это было возможно для нея въ ея несвободномъ состояніи, на чемъ и на комъ лежитъ вина часто незаслуженнаго страданія, съ кого взыскать обиду. Извѣстно, что тогдашнее общество было значительно проникнуто благотворительнымъ или филантропическимъ направленіемъ; для однихъ это было дѣломъ христіанскаго убѣжденія и чувства, для другихъ — дѣломъ подражанія и моды. „Общество посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ“ основано было въ тѣ годы на очень широкихъ и разумныхъ основаніяхъ. Его любопытная исторія закончилась закрытіемъ по распоряженію высшей власти, но оно отвѣчало требованіямъ времени. Бѣлинскій говоритъ, что все это направленіе общества должно было необходимо отразиться въ литературѣ, какъ его выраженіи. Но литература, по словамъ его, сдѣлала едва ли не больше: „она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его, скорѣе упредила его, нежели только не отстала отъ него“. *(Сочин.* XI, 349—350.) Участникомъ этого крайне любопытнаго и плодотворнаго литературнаго движенія сдѣлался и Достоевскій. *Буличъ.*

Содержаніе и композиція „Бѣдныхъ людей“.

„Бѣдные люди“ — очень обыкновенная исторія, разсказанная въ перепискѣ двухъ лицъ. Мелкій канцелярскій чиновникъ, истощенный годами и заботами, приближается къ склону своей печальной жизни въ борьбѣ съ нуждою и муками оскорбленнаго самолюбія. Еще немного и этотъ невѣжественный и наивный чиновникъ, съ своимъ пошлымъ разговоромъ, посредственной мыслью, служащій чуть не шутомъ для своихъ сотоварищей и полагающій все свое честолюбіе въ красивой перепискѣ бумагъ, сдѣлался бы только смѣшнымъ. Но подъ этой устарѣвшей и забавной оболочкой сохранилось такое чистое, такое преданное, — я чуть было не сказалъ столь свято, тупоумное въ своемъ высокомъ самоотверженіи, сердце ребенка. Типъ этотъ — любимый типъ русскихъ наблюдателей, онъ совмѣщаетъ въ себѣ все, что есть лучшаго въ духѣ ихъ народа: такова Лукерья въ „Живыхъ мощахъ“ Тургенева, таковъ Каратаевъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстого. Но то были простые крестьяне. Дѣвушкинъ изъ „Бѣдныхъ людей“ стоитъ нѣсколькими ступенями выше ихъ на умственной и общественной лѣстницѣ. Въ этой жизни, томной и холодной, какъ русская декабрьская ночь, свѣтитъ одинъ ясный лучъ, одна радость. Напротивъ каморки, гдѣ чиновникъ переписываетъ свои бумаги, живетъ молодая дѣвушка, дальняя его родственница. Она также убита судьбой и не имѣетъ въ мірѣ другой опоры, кромѣ ничтожнаго покровительства своего друга. Удаленные отъ міра, полуподавленные грубыми столкновеніями съ людьми и дѣйствительностью, два несчастныхъ существа поддерживаютъ одинъ другого, любятъ другъ друга и помогаютъ одинъ другому — не умереть. Въ эту взаимную привязанность мужчина вноситъ молчаливое самоотверженіе, деликатность тѣмъ болѣе привлекательную, чѣмъ болѣе она противорѣчитъ обычной неловкости его мысли и дѣйствія. Какъ-будто видишь стыдливый цвѣтокъ, выросшій на безплодной землѣ, среди терновника, — только ароматъ выдаетъ его присутствіе. Для того, чтобы облегчить и даже пріукрасить жизнь подруги, Дѣвушкинъ налагаетъ на себя героическія лишенія, они тщательно скрываются, ихъ можно угадать только въ нѣкоторыхъ нечаянно проскользывающихъ неосторожныхъ выраженіяхъ, онъ, вѣдь, считаетъ свои поступки столь естественными. Онъ выражаетъ поочередно чувство отца, брата, доброй старой собаки; самъ Дѣвушкинъ охотно охарактеризовалъ бы ихъ такъ, если бы ему пришло въ голову провѣрить себя. Мы, однако, хорошо знаемъ настоящее названіе его чувства; но сказать ему этого нельзя, онъ умеръ бы со стыда при одномъ звукѣ настоящаго слова.

Характеръ женщины очерченъ съ удивительнымъ мастерствомъ. Она стоитъ гораздо выше своего друга по уму и воспитанію, и руководитъ его во всемъ, что касается умственнаго развитія, въ которомъ все для него ново. Она нѣжна и слаба, сердце ея менѣе надежно,

не такъ безропотно. Она не совсѣмъ еще отказалась отъ жизни. Безпрестанно возставая противъ лишеній, которыя выноситъ Дѣвушкинъ, прося его не заботиться болѣе о ней, она иногда вдругъ испускаетъ вопль противъ бѣдности, или выражаетъ какое-нибудь дѣтское желаніе, потребность въ тряпкѣ. Сосѣди, чтобы не подавать повода къ сплетнямъ, могутъ видаться только черезъ долгіе промежутки времени и поэтому между ними установилась почти ежедневная переписка. Изъ этихъ-то писемъ мы и узнаемъ ихъ прошедшее, ихъ мрачную исторію, мелкія происшествія ежедневной жизни и разочарованій. Въ этихъ письмахъ разсказывается и объ ужасѣ молодой дѣвушки, преслѣдуемой бдительнымъ порокомъ, объ отчаяніи чиновника въ погонѣ за кускомъ насущнаго хлѣба, напрасно старающагося сохранить обрывки собственнаго достоинства отъ безчеловѣчныхъ рукъ, раздирающихъ его. Наступаетъ, наконецъ, развязка. Дѣвушкинъ теряетъ свою единственную радость. Вы, безъ сомнѣнія, думаете, что новая молодая любовь замѣнила братскую привязанность въ сердцѣ дѣвушки,— о! нѣтъ, дѣло разрѣшилось проще, болѣе по-человѣчески, гораздо печальнѣе. Одинъ господинъ, интересовавшійся прежде этой дѣвушкой и бывшій одною изъ главныхъ причинъ ея настоящихъ затрудненій, предлагаетъ ей свою руку. Онъ уже не молодъ, очень богатъ и нѣсколько подозрительнаго поведенія, но все-таки предложеніе его почетно. Уставъ бороться противъ судьбы, увѣренная, быть-можетъ, въ томъ, что такимъ поступкомъ она даже облегчитъ затруднительное положеніе, въ которомъ находится ея другъ, несчастная принимаетъ это предложеніе. Здѣсь обрисовка характера достигаетъ до поразительной правдивости. Невѣста, перейдя отъ нужды къ роскоши, чувствуетъ минутное опьяненіе въ новой атмосферѣ: наряды, драгоцѣнности, наконецъ-то! Съ наивной жестокостью она наполняетъ послѣднія письма подробностями объ этихъ важныхъ предметахъ, она по привычкѣ поручаетъ своему доброму Дѣвушкину, дѣлавшему для нея прежде всѣ покупки, сходить къ модисткѣ, къ ювелиру... Слѣдуетъ ли сказать, что это презрѣнная душа, недостойная превосходнаго чувства, внушеннаго ею? Могу васъ увѣрить, что въ читателѣ ни на минуту не зарождается подобнаго впечатлѣнія: настолько писатель умѣлъ сохранить вѣрный тонъ. Нѣтъ, здѣсь чувствуется немного молодости и человѣчности всплывшей на поверхность въ этой разбитой душѣ; развѣ можно негодовать за это? А затѣмъ такая жестокость объясняется недоразумѣніемъ въ отношеніяхъ двухъ лицъ. Для нея это только дружба, которая останется навсегда такою же вѣрною, такою же признательною, хотя, быть-можетъ, менѣе близкою. Какъ можетъ она понять, что для него ея бракъ — причина отчаянія, такъ какъ одно изъ условій свадьбы составляетъ немедленный отъѣздъ въ одну изъ отдаленныхъ провинцій. Дѣвушкинъ, до послѣдней минуты отвѣчаетъ на письма съ мелочными подробностями относительно исполненныхъ порученій, онъ дѣлаетъ громадныя усилія разобраться въ кружевахъ и лентахъ, и развѣ только подавленное содроганіе вы-

даетъ тамъ и сямъ ужасъ, наполняющій его при мысли о близкой разлукѣ. Только въ послѣднемъ письмѣ изливается растерзанное сердце, несчастный человѣкъ видитъ передъ собою остающуюся ему жизнь, ея одиночество и ужасающую пустоту; онъ самъ не помнитъ, что пишетъ, но тѣмъ не менѣе жалобы его сдержанны, онъ, кажется, еще самъ не угадываетъ всего размѣра своей скорби. Драма заканчивается этимъ стономъ, звенящимъ въ одиночествѣ, позади поѣзда, разлучившаго „бѣдныхъ людей“.

Уже въ этомъ произведеніи замѣчаются нѣкоторыя длинноты, но недостатокъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ сдѣлается впослѣдствіи. Нѣкоторыя картины схвачены съ полной жизненностью, съ трагической силой. Молодая дѣвушка разсказываетъ о смерти студента, сосѣда ея по квартирѣ, и объ отчаяніи его отца, простого, необразованнаго старика, который жилъ въ боязливомъ преклоненіи передъ знаніями такого ученаго сына.

„Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой и наняли ломового извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ Анна Ѳедоровна захватила всѣ книги и вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у нея книгъ, сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было итти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какой-то странной заботливостью все хлопоталъ около гроба; то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка ни Анна Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ — словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался вдогонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила, наконецъ, за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ“.

Я хотѣлъ бы привести другіе отрывки, но я колеблюсь и не знаю, что цитировать. Это самая лучшая похвала, какую только можно сказать о романѣ. Построеніе его настолько прочно, матеріалы такъ просты и такъ приспособлены къ впечатлѣнію производимому цѣлымъ, что вырванный кусокъ теряетъ всякую стоимость. Онъ значилъ бы не болѣе, чѣмъ обломокъ камня, отбитый отъ греческаго храма, гдѣ вся красота заключается въ общихъ линіяхъ. Черта эта одинакова у всѣхъ великихъ русскихъ романтистовъ. Страницы въ ихъ книгахъ накопляются безъ шума, падаютъ медленными и протачивающими каплями воды, но вдругъ, неожиданно, не замѣчая прилива, очутишься среди глубокаго озера, затопленнаго все поднимающимися и поднимающимися волнами грустнаго чувства. Другое, общее имъ свойство, которымъ замѣчателенъ Тургеневъ, но Достоевскій, быть-можетъ, превзошелъ его, — это умѣнье одною строчкою, однимъ словомъ возбуждать безконечные отголоски, цѣлые ряды мыслей и чувствъ. Уже въ „Бѣдныхъ людяхъ“ это умѣнье выразилось въ полной мѣрѣ. Слова, которыя вы читаете на бумагѣ, кажутся написанными не въ длину, а въ глубину; они влекутъ за собою глухіе отзвуки, теряющіеся въ неизвѣстной дали. Они, какъ клавиши органа, эти узкія косточки, откуда, кажется, выходитъ звукъ, но которыя связаны невидимыми проводниками съ глубиною инструмента, вмѣстилищемъ гармоніи, гдѣ раздаются громовые раскаты. Когда перевернута послѣдняя страница, двухъ выведенныхъ лицъ знаешь такъ, какъ-будто цѣлые годы прожилъ съ ними. Авторъ не разсказалъ намъ и тысячной доли того, что мы узнали о нихъ, а однако мы знаемъ ихъ точнымъ знаніемъ, — настолько указанія его раскрыли намъ ихъ жизнь. Прошу прощенія у нашей школы, требующей точности и отчетливости, но, заявляю рѣшительно, писатель наиболѣе могуществен̂ъ именно тѣмъ, чего онъ не сказалъ; мы благодарны ему за то, что онъ даетъ намъ угадывать.

Этотъ романъ — скорбная книга, она могла бы взять вмѣсто эпиграфа строки, написанныя Дѣвушкинымъ объ одномъ изъ товарищей его по несчастію пораженнымъ новымъ ударомъ: „слезы текутъ у него, да можетъ-быть и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся“. Эта книга, исполненная любви — она вылилась изъ сердца однимъ порывомъ. Достоевскій высказался въ ней весь со своей болѣзненной чувствительностью, потребностью соболѣзнованія и преданности, онъ выразилъ въ ней свойственное ему горькое воззрѣніе на жизнь, постоянно болящую и нелюдимую гордость. Какъ въ сочиненной перепискѣ Дѣвушкина, такъ и въ его собственныхъ письмахъ, относящихся къ тому времени, говорится о несказанныхъ страданіяхъ, которыя заставлялъ его испытывать „постыдный сюртукъ“. Для того, чтобы раздѣлить удивленіе Некрасова и Бѣлинскаго, чтобы понять всю самобытность творенія, нужно возвратиться къ тому литературному моменту, когда оно появилось. „Записки охотника“ были напечатаны лишь спустя пять лѣтъ послѣ того. Правда, повѣсть Гоголя, подъ заглавіемъ „Шинель“, дала уже тему. Русскіе писатели справедливо говорятъ,

что всѣ они вышли изъ „Шинели“ Гоголя, но Достоевскій иронію своего учителя замѣнилъ невольно вызываемымъ волненіемъ.

Вогюэ.

Будничность жизни „Бѣдныхъ людей“ и особенность формы, облекшей ея содержаніе.

Ни одинъ романъ Достоевскаго, считая и послѣдніе, не имѣлъ такого успѣха въ обществѣ, какъ „Бѣдные люди“. Этому успѣху способствовало и тогдашнее общественное настроеніе и рѣшающій голосъ Бѣлинскаго. Критикъ предсказывалъ, что Достоевскому, „какъ кажется, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ“, говорилъ, что сущность и значеніе разсказа и глубоки и многозначительны, что „сила, глубина и оригинальность Достоевскаго признана тотчасъ же всѣми“. Многіе однакожъ изъ тогдашнихъ читателей поняли и внѣшніе недостатки писателя: утомляющую растянутость разсказа, ненужныя повторенія и излишнюю плодовитость. Все это приписывали молодости автора, еще не установившагося, не вошедшаго въ надлежащую мѣрку таланта. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу самыхъ страстныхъ, увлекающихся натуръ и, какъ извѣстно, очень скоро разочаровался въ художественной полнотѣ таланта Достоевскаго, и сталъ очень строго относиться къ его произведеніямъ. Въ настоящее время всякій знаетъ, что эта ранняя, первая повѣсть Достоевскаго имѣетъ только историческое значеніе, что общество, къ счастью, далеко ушло отъ ея бѣднаго содержанія, что это не такое художественное произведеніе, къ которому можно обратиться или за поученіемъ, или за высокою прелестью образовъ, никогда не утрачивающихъ своей молодости.

Что такое эта первая повѣсть, которою такимъ блестящимъ образомъ началась литературная дѣятельность Достоевскаго? Это весьма простой разсказъ изъ жизни тѣхъ людей, которые нанимаютъ бѣдную комнату или „уголъ“ въ Петербургѣ, ѣдятъ съ грѣхомъ пополамъ, отказываютъ себѣ въ малѣйшей бездѣлицѣ, считая копейки и сберегая кусочки сахару. Всѣ духовные интересы ихъ ограничиваются чтеніемъ случайно попавшей въ руки книжки или представленіемъ на сценѣ Александринскаго театра. Но въ этой скудной жизни не умираетъ человѣческое сердце, горитъ искра чувства, есть свои радости и свои страданія, столь же глубокія, столь же понятныя, какъ и вездѣ, гдѣ страдаетъ и радуется человѣкъ. Пусть однако Достоевскій самъ разскажетъ о содержаніи своихъ „Бѣдныхъ людей“. Онъ читалъ ихъ въ кругу знакомаго семейства: „Старикъ ожидалъ чего-то непостижимо-высокаго, такого, чего онъ, пожалуй, и самъ не могъ понять, но только непремѣнно высокаго; а вмѣсто того вдругъ *такія будни и все такое извѣстное, вотъ точь-въ-точь какъ то самое, что обыкновенно*

кругомъ совершается. И добро бы большой или интересный человѣкъ былъ герой или изъ историческаго чего-нибудь въ родѣ Рославлева или Юрія Милославскаго; а то выставленъ какой-то маленькій, *забитый* и даже глуповатый чиновникъ, у котораго и пуговицы на вицмундирѣ осыпались, и все это такимъ простымъ слогомъ описано, ни дать ни взять какъ мы сами говоримъ... Прежде чѣмъ я дочелъ до половины, у всѣхъ моихъ слушателей текли изъ глазъ слезы... Старикъ уже отбросилъ всѣ мечты о высокомъ... Такъ себѣ, просто разсказецъ: зато сердце захватываетъ, говорилъ онъ: *зато становится понятно и памятно, что кругомъ происходитъ, зато познается, что самый забитый, послѣдній человѣкъ есть тоже человѣкъ и называется братъ мой!*" (*Униж. и оскорбл.*, стран. 38—49.)

Начинающій романистъ выбралъ и форму, употребляемую неискусившимися въ романѣ писателями: форму писемъ. Это обстоятельство помѣшало Достоевскому болѣе глубокимъ психологическимъ образомъ развить ту нѣсколько странную старческую привязанность Макара Алексѣевича Дѣвушкина, которую онъ питаетъ, въ качествѣ дальняго родственника, къ молодой дѣвушкѣ, брошенной обольстителемъ, ее купившимъ. Въ изображеніяхъ жизни, окружающей старика и дѣвушку, мы находимъ тѣ же симпатіи писателя, которыя сохранились въ немъ и въ послѣдніе годы и въ позднѣйшихъ, гораздо шире задуманныхъ романахъ. Таковы у него фигуры бѣдныхъ дѣтей, загнанныхъ, болѣзненныхъ и задумчивыхъ. Нищій ребенокъ, окоченѣвшій отъ мороза, посинѣлый отъ холода, бѣдненькій и запуганный, голодный, кашляющій и чахлый, заглядѣвшійся на куколъ, танцующихъ у шарманщика, появляется и на страницахъ „Дневника писателя". Лицо Варвары Алексѣевны повторилось и въ Наташѣ романа „Униженные и оскорбленные" и отчасти въ Софьѣ Мармеладовой въ „Преступленіи и наказаніи", хотя самъ Дѣвушкинъ, очевидно, нарисованъ по типу героя гоголевской „Шинели". Передъ нами проходятъ тѣ же лица, которыя и позже повторяются нѣсколько разъ, напр., этотъ излюбленный Достоевскимъ типъ чиновника безъ мѣста, исключеннаго изъ службы и подчасъ испивающаго: „такой сѣденькій, маленькій: ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть... Жалкій, хилый такой; колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужъ отъ болѣзни, что ли, какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой: ужъ я застѣнчивъ подчасъ, а этотъ еще хуже". Эта фигура, со всегдашнею слезинкою, которая гноится у ней на рѣсницахъ — тотъ же типъ смиренія и забитости, какимъ является и самъ Дѣвушкинъ, человѣкъ смирный, человѣкъ маленькій. Герой романа — простой переписчикъ и гордится этимъ: „я работаю, я потъ проливаю", говоритъ онъ. Кто-то назвалъ его крысой. „Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли. Да крыса-то эта нужна, да крыса-то эта пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ, — вотъ она крыса какая!" Бѣдные люди капризны и взыскательны; негаснущая искра человѣческаго достоинства

дѣлаетъ ихъ подозрительными. „Онъ, бѣдный-то человѣкъ, взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждаго прохожаго косо глядитъ да прислушивается къ каждому слову, — дескать, не про него ли тамъ что говорятъ?“ Какъ требовало время, этотъ бѣдный человѣкъ — „безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей“; онъ никогда не замѣченъ ни въ какихъ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ: „чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь или въ нарушеніи общественнаго спокойствія“. Правда, и въ его головѣ, особенно когда онъ выпьетъ, невольно иной разъ подымаются „проклятые вопросы“. Идетъ онъ по богатой и шумной петербургской улицѣ; блестятъ и горятъ магазины; за зеркальными стеклами разложены наряды, которые богатые люди дарятъ своимъ женамъ, съ грохотомъ несутся экипажи; на бархатѣ и шелку сидятъ въ нихъ разодѣтыя дамы, графини и княгини, и изныветъ сердце бѣдняка. „Отчего это такъ случается,—мучительно стоитъ вопросъ въ его головѣ,— что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что не хорошо это думать, что это вольнодумство, но по искренности, по правдѣ-истинѣ, зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачекъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ поневолѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ“. И не находитъ мучительный вопросъ жизни отвѣта въ головѣ бѣдняка или разрѣшается смиреннымъ фатализмомъ: „Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то безропотно повиноваться“. Но этотъ низменный фатализмъ былъ, разумѣется, лишь въ головѣ чиновника Дѣвушкина. Достоевскій думалъ, конечно, иначе, и выставляя свои жалкія лица: оборванныхъ, запуганныхъ бѣдняковъ-чиновниковъ, дрожавшихъ предъ *ихъ* превосходительствомъ, бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя безъ сознанія, безъ воли, какъ цвѣты подъ морозомъ, гибнутъ жертвами разврата и насилія, болѣзненно-нервныхъ дѣтей съ широко-раскрытыми глазенками, задумывающихся посреди веселья, съ исхудалыми, какъ кисточки, ручками, понималъ, какой міръ онъ изображаетъ.

Буличъ.

Общее содержаніе „Бѣдныхъ людей", живость и истина въ изображеніи дѣйствительности, мастерская обрисовка характеровъ и художественное воспроизведеніе трагической стороны жизни.

Слухи о „Бѣдныхъ людяхъ" и новомъ, необыкновенномъ талантѣ, готовомъ появиться на аренѣ русской литературы, задолго предупредили появленіе самой повѣсти. Подобнаго обстоятельства никакъ нельзя назвать выгоднымъ для автора. Для людей съ положительнымъ, развитымъ эстетическимъ вкусомъ, все равно быть или не быть предупрежденными въ пользу или не въ пользу автора: прочитавъ повѣсть, они увидятъ, что это такое; но истинныхъ знатоковъ искусства немного на бѣломъ свѣтѣ, а незнатокъ отъ всего заранѣе расхваленнаго ожидаетъ какого-то чуда совершенства, т.-е. фразистой мелодрамы во вкусѣ Марлинскаго,—и увидя, что это совсѣмъ не то, что все такъ просто, естественно, истинно и вѣрно, онъ разочаровывается и въ досадѣ уже не видитъ въ произведеніи того, что болѣе или менѣе ему доступно и что, навѣрное, понравилось бы ему, если бъ онъ не былъ заранѣе настроенъ искать тутъ какихъ-то волшебныхъ фокусовъ-покусовъ. Несмотря на то, успѣхъ „Бѣдныхъ людей" былъ полный. Если бъ эту повѣсть приняли всѣ съ безусловными похвалами, съ безусловнымъ восторгомъ,—это служило бы неопровержимымъ доказательствомъ, что въ ней точно есть что-то, но нѣтъ ничего необыкновеннаго. Такой дебютъ былъ бы жалокъ. Но вышло гораздо лучше: за исключеніемъ людей, рѣшительно лишенныхъ способности понимать поэзію, и за исключеніемъ, можетъ-быть, двухъ-трехъ *испугавшихся* за себя писакъ, всѣ согласились, что въ этой повѣсти замѣтенъ не совсѣмъ обыкновенный талантъ. Для перваго раза нечего больше и желать. Со временемъ та же повѣсть будетъ казаться иною многимъ изъ тѣхъ, которые сочли преувеличенными предшествовавшіе ея появленію слухи о высокомъ художественномъ ея достоинствѣ. Изъ всѣхъ критиковъ самый великій, самый геніальный, самый непогрѣшимый — время... Нельзя не согласиться, что для перваго дебюта „Бѣдные люди" и, непосредственно за ними, „Двойникъ" — произведенія необыкновеннаго размѣра, и что такъ еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей. Конечно, это доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ г. Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ (мы далеки отъ подобной нелѣпой мысли), но только то, что онъ имѣлъ передъ ними выгоду явиться послѣ нихъ; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, подобный дебютъ ясно указываетъ на мѣсто, которое со временемъ займетъ г. Достоевскій въ русской литературѣ, и на то, что если бы онъ и не сталъ рядомъ со своими предшественниками, какъ равный съ равными, то долго еще ждать намъ таланта, который бы сталъ къ нимъ ближе его. Посмотрите, какъ проста завязка въ „Бѣдныхъ людяхъ": вѣдь и разсказать нечего! А между тѣмъ такъ

много приходится разсказывать, если уже рѣшишься на это! Бѣдный пожилой чиновникъ, недалекаго ума, безъ всякаго образованія, но съ безконечно-доброю душою и теплымъ сердцемъ, опираясь на право дальняго, чуть ли еще не придуманнаго имъ для благовиднаго предлога, родства, исхищаетъ бѣдную дѣвушку изъ рукъ гнусной торговки женской добродѣтелью, дѣвическою красотою. Авторъ не говоритъ намъ, любовь ли заставила этого чиновника почувствовать состраданіе или состраданіе родило въ немъ любовь къ этой дѣвушкѣ; только мы видимъ, что его чувство къ ней не просто отеческое и стариковское, не просто чувство одинокаго старика, которому нужно когонибудь любить, чтобъ не возненавидѣть жизни и не замереть отъ ея холода, и которому всего естественнѣе полюбить существо, обязанное ему, одолженное имъ,— существо, къ которому онъ привыкъ и которое привыкло къ нему. Нѣтъ, въ чувствѣ Макара Алексѣевича къ его „маточкѣ", „ангельчику и херувимчику Варенькѣ" есть что-то похожее на чувство любовника,— на чувство, которое онъ силится не признавать въ себѣ, но которое у него противъ воли по временамъ прорывается наружу, и которое онъ не сталъ бы скрывать, если бъ замѣтилъ, что онъ смотритъ на него не какъ на вовсе неумѣстное. Но бѣднякъ видитъ, что этого нѣтъ, и съ героическимъ самоотверженіемъ остается при роли родственника-покровителя. Иногда онъ разнѣживается, особенно въ первомъ письмѣ, насчетъ поднятаго уголочка оконной занавѣски, хорошей весенней погоды, птичекъ небесныхъ, и говоритъ, что „все въ розовомъ цвѣтѣ представляется". Получивъ въ отвѣтъ намекъ на его лѣта, бѣднякъ впадаетъ въ тоску, чувствуя, что его поймали на шалости, и досада его слегка высказывается только въ увѣреніяхъ, что онъ еще вовсе не старикъ. Эти отношенія, это чувство, эта старческая страсть, въ которой такъ чудно слились и доброта сердечная, и любовь, и привычка,— все это развито авторомъ съ удивительнымъ искусствомъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ. Дѣвушкинъ, помогая Варенькѣ Доброселовой, забираетъ впередъ жалованье, входитъ въ долги, терпитъ страшную нужду и въ лютыя минуты отчаянія, какъ русскій человѣкъ, ищетъ забвенія въ пьянствѣ. Но какъ онъ деликатенъ по инстинкту! Благодѣтельствуя, онъ лишаетъ себя всего, такъ сказать, обворовываетъ, грабитъ самого себя,— до послѣдней крайности обманываетъ свою Вареньку небывалымъ у него капиталомъ въ ломбардѣ, и если проговаривается объ истинномъ своемъ положеніи, то по стариковской болтливости и такъ простодушно! Ему не приходитъ въ голову, что онъ пріобрѣлъ право своими пожертвованіями требовать вознагражденія любовью за любовь, тогда какъ, по тѣснотѣ и узкости его понятій, онъ могъ бы навязать себя Варенькѣ въ мужья уже по тому естественному и весьма справедливому убѣжденію, что никто, какъ онъ, не можетъ такъ любить ее и всего себя принести ей на жертву; но отъ нея онъ не потребовалъ жертвы: онъ любилъ ее не для себя, а для нея самой, и жертвовать для ней всѣмъ было для него счастьемъ. Чѣмъ ограни-

ченнѣе его умъ, чѣмъ тѣснѣе и грубѣе его понятія, тѣмъ, кажется, шире, благороднѣе и деликатнѣе его сердце; можно сказать, что у него всѣ умственныя способности изъ головы перешли въ сердце. Многіе могутъ подумать, что въ лицѣ Дѣвушкина, авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, у котораго умъ и способность придавлены, приплюснуты жизнію. Была бы большая ошибка думать такъ. Мысль автора гораздо глубже и гуманнѣе: онъ, въ лицѣ Макара Алексѣевича, показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святого лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ. Конечно, не всѣ бѣдняки такого рода похожи на Макара Алексѣевича въ его хорошихъ свойствахъ, и мы согласны, что такіе люди рѣдки, но въ то же время нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что на такихъ людей мало обращаютъ вниманія, мало ими занимаются, мало ихъ знаютъ. Если богачъ, ежедневно проѣдающій сто, двѣсти и больше рублей, броситъ нищему двадцать пять рублей, всѣ замѣчаютъ это и, въ чаяніи получить отъ него больше, умиляются душою отъ его великодушнаго поступка. Но бѣднякъ, отдающій такому же бѣдняку, какъ и онъ самъ, свои послѣднія двадцать копеекъ мѣдью, какъ отдалъ ихъ Дѣвушкинъ Горшкову,— такой бѣднякъ не всѣхъ тронетъ и въ повѣсти, мастерски написанной, а въ дѣйствительности въ его поступкѣ не захотѣли бы увидѣть ничего, кромѣ смѣшного. Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ, и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: „вѣдь это тоже люди, ваши братья!“

Обратите вниманіе на старика Покровскаго и вы увидите ту же гуманную мысль автора. Подставной мужъ обольщенной и обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница — и онъ *человѣкъ!* Вы можете смѣяться надъ его любовью къ своему мнимому сыну, напоминающую робкую любовь собаки къ человѣку; но если, смѣясь надъ нею, вы въ то же время глубоко ею не трогаетесь, если изображеніе Покровскаго, съ книгами въ карманѣ и подъ мышкою, безъ шапки на головѣ, въ дождь и холодъ бѣгущаго за гробомъ смѣшно любимаго имъ сына,— не производитъ на васъ трагическаго впечатлѣнія, не говорите объ этомъ никому, чтобы какой-нибудь Покровскій, шутъ и пьяница, не покраснѣлъ за васъ, какъ за человѣка...

Вообще трагическій элементъ глубоко проникаетъ собою весь этотъ романъ. И этотъ элементъ тѣмъ поразительнѣе, что онъ передается читателю не только словами, но и понятіями Макара Алексѣевича. Смѣшить и глубоко потрясать душу читателя въ одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы,— какое умѣнье, какой талантъ! И никакихъ мелодраматическихъ пружинъ, ничего похожаго на театральные эффекты! Все такъ просто и обыкновенно, какъ та будничная, повседневная жизнь, которая кишитъ вокругъ каждаго изъ насъ и пошлость которой нарушается только неожиданнымъ появленіемъ смерти то къ тому, то къ другому!.. Всѣ лица обрисованы такъ полно, такъ ярко, не исключая ни лица Быкова, только на

минуту появляющагося въ романѣ собственной особою, ни лица Анны Ѳедоровны, ни разу не появляющейся въ романѣ собственной особою. Отецъ и мать Доброселовой, старикъ и юноша Покровскіе, жалкій писака Ротозяевъ, ростовщикъ, — словомъ, каждое лицо даже изъ тѣхъ, которые или только вскользь показываются, или только заочно упоминаются въ романѣ, такъ и стоитъ передъ читателемъ, какъ-будто давно коротко ему знакомое. Можно бы замѣтить, и не безъ основанія, что лицо Вареньки какъ-то не совсѣмъ опредѣленно и неокончено; но, видно, ужъ такова участь русскихъ женщинъ, что русская поэзія не ладитъ съ ними да и только! Не знаемъ, кто тутъ виноватъ, русскія ли женщины, или русская поэзія; но знаемъ, что только Пушкину удалось, въ лицѣ Татьяны, схватить нѣсколько чертъ русской женщины, да и то ему необходимо было сдѣлать ее свѣтскою дамою, чтобъ сообщить ея характеру опредѣленность и самобытность. Журналъ Вареньки прекрасенъ, но все-таки, по мастерству изложенія, его нельзя сравнить съ письмами Дѣвушкина. Замѣтно, что авторъ тутъ былъ не совсѣмъ, какъ говорится, у себя дома; но и тутъ онъ блистательно умѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Воспоминанія дѣтства, переѣздъ въ Петербургъ, разстройство дѣлъ Доброселова, ученье въ пансіонѣ, особенно жизнь въ домѣ Анны Ѳедоровны; отношенія Вареньки къ Покровскому, ихъ сближеніе, портретъ отца Покровскаго, подарокъ молодому Покровскому въ день именинъ, смерть Покровскаго, — все это разсказано съ изумительнымъ мастерствомъ. Доброселова не выговариваетъ ни одного щекотливаго для нея обстоятельства, ни безчестныхъ видовъ на нее Анны Ѳедоровны, ни своей любви къ Покровскому, ни своего потомъ невольнаго паденія; но читатель самъ видитъ все такъ ясно, что ему и не нужно никакихъ объясненій“...

Романъ этотъ носитъ на себѣ всѣ признаки перваго, живого, задушевнаго, страстнаго произведенія. Отсюда его многословность и растянутость, иногда утомляющая читателя, нѣкоторое однообразіе въ способѣ выражаться, частыя повторенія фразъ въ любимыхъ авторомъ оборотахъ, мѣстами недостатокъ въ обработкѣ, мѣстами излишество въ отдѣлкѣ, несоразмѣрность въ частяхъ. Но все это выкупается поразительною истиною въ изображеніи дѣйствительности, мастерскою обрисовкою характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ и — что, по нашему мнѣнію, составляетъ главную силу таланта г. Достоевскаго, его оригинальность, — глубокимъ пониманіемъ и художественнымъ, въ полномъ смыслѣ слова, воспроизведеніемъ трагической стороны жизни. Въ „Бѣдныхъ людяхъ“ много картинъ, глубоко потрясающихъ душу. Правда, авторъ подготовляетъ своего читателя къ этимъ картинамъ немножко тяжеловато. Вообще, легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что много вредитъ ему. Но зато самыя эти картины, когда дойдешь до нихъ — мастерскія художественныя произведенія, запечатлѣнныя глубиною взгляда и силою выполненія. Ихъ впечатлѣніе рѣшительно и могущественно, ихъ никогда не забудешь“. *Бѣлинскій.*

Достоевскій, открывая искру Божію въ бѣдныхъ людяхъ, жизнію приниженныхъ, приближаетъ ихъ къ намъ, дѣлаетъ родными.

Тотъ, кто внимательно вчитается въ это первое произведеніе Достоевскаго, можетъ легко убѣдиться, что однимъ изъ мотивовъ, вызвавшихъ его, было глубокое чувство протеста противъ нѣсколько холоднаго и безстрастнаго смѣха Гоголя надъ бѣдными, маленькими людьми, въ знаменитой „Шинели". Достаточно прочесть тѣ письма Дѣвушкина, въ которыхъ онъ негодуетъ на геніальнаго юмориста, чтобы убѣдиться въ этомъ: „Я, вѣдь, и самъ знаю, — пишетъ этотъ скромный, приниженный, измученный трудомъ, честный бѣднякъ, — что я не много дѣлаю тѣмъ, что переписываю; да все-таки я этимъ горжусь: я работаю и потъ проливаю. Ну, что же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, такого, что переписываю? Что, грѣхъ что ли переписывать? Да что же тутъ безчестнаго такого?" Въ другомъ мѣстѣ Макаръ Алексѣевичъ говоритъ: „Да и что же такого, маточка, что вотъ хоть бы и я, гдѣ мостовая плоховата, пройду иной разъ на цыпочкахъ, что я сапоги берегу!" „И для чего такое писать? И для чего оно нужно? Что мнѣ за это шинель кто-нибудь изъ читателей сдѣлаетъ, что ли? Сапоги что ли новые купитъ? Нѣтъ, Варенька, прочтетъ да еще продолженія потребуетъ". Но особенная горечь чувствуется въ слѣдующихъ фразахъ: „Такъ послѣ этого и жить тебѣ смирно нельзя въ уголочкѣ своемъ, — каковъ ужъ онъ тамъ ни на есть, — никого не трогая, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались и не подсмотрѣли"...

Какъ ни робокъ и ни пригнетенъ Макаръ Алексѣевичъ, но и у него есть потребность самоуваженія, и у такихъ людей она даже сильнѣе, потому что, кромѣ этого маленькаго самоуваженія, у нихъ ужъ ровно ничего нѣтъ. И вотъ, источникомъ такого самоуваженія, поддерживающимъ его и въ нуждѣ и въ униженіяхъ, является сознаніе, что „онъ проливаетъ трудовой потъ", что онъ „смирно живетъ въ уголочкѣ своемъ и никого не трогаетъ". И вдругъ это осмѣяно, опозорено передъ всѣми, передъ знакомыми и незнакомыми, передъ улицами и площадями, передъ каждымъ встрѣчнымъ, который съ этихъ поръ, посматривая на бѣдняка, думаетъ: „А, это ты, любезный, описанъ! Узнаю, похожъ!" Дѣвушкинъ привыкъ къ грубымъ насмѣшкамъ товарищей, но этого онъ вынести не въ силахъ; бѣдность мнительна и пуглива; ему теперь и на улицу страшно показаться; ему кажется, что каждый проходящій смотритъ на него съ улыбкой презрѣнія. И замѣчательно, что Дѣвушкинъ въ первый разъ въ жизни напивается пьянъ именно вскорѣ послѣ прочтенія „Шинели". Подорвано послѣднее, маленькое уваженіе къ себѣ, которымъ человѣкъ еще держался, и онъ падаетъ въ грязь.

Вотъ протестъ чуткой, любящей души великаго писателя противъ другого, не менѣе великаго художника и наблюдателя внѣшней стороны

жизни, но безъ проникновенія въ ея сокровенныя нѣдра, въ святая святыхъ человѣческой души. Это былъ вызовъ, брошенный художественному „объективизму", олимпійству и безстрастію, вызовъ, говорившій: „Посмотрите, что вы дѣлаете съ великимъ талантомъ своимъ! Надо помогать этимъ людямъ, поддержать ихъ, потому что на нихъ и безъ того тяготы жизни налегли непосильно; и безъ того они раздавлены подъ ними и физически, и умственно, и морально. А вы еще добавляете эту тяжесть, выставляя несчастныхъ на зубоскательство толпы?! И за что все это? Что они сдѣлали безчестнаго? Развѣ мало для стрѣлъ вашего юмора людей дѣйствительно гнусныхъ и дѣлъ дѣйствительно позорныхъ?"

И вотъ, чтобы реабилитировать этого бѣдняка, Достоевскій задается цѣлью совершенно противоположной: заставить читателя не смѣяться надъ бѣдностью, приниженностью, неловкостью, уродствомъ внѣшнимъ, а *плакать*. Съ этой-то цѣлью вся сила художественнаго творчества вложена здѣсь въ то, чтобы подъ внѣшнимъ, наноснымъ слоемъ самоуниженія, рабства, приниженности, робости, — открыть искру Божію въ маленькихъ душахъ этихъ людей.

И Достоевскій въ своемъ романѣ выводитъ ихъ нѣсколько, кромѣ главнаго героя, Макара Алексѣевича. Вотъ передъ вами несчастный маленькій чиновникъ Горшковъ, потерявшій мѣсто за то, что надъ нимъ тяготѣетъ преданіе суду за какое-то упущеніе по службѣ. Онъ живетъ съ семьей, измученной отъ нужды и голода, въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ, гдѣ живетъ Дѣвушкинъ. Эту семью Макаръ Алексѣевичъ такъ описываетъ Варенькѣ: „Господи, Богъ мой! У нихъ всегда въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда порѣзвились, поиграли дѣти, а ужъ это — худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ вечеромъ случилось мимо ихъ дверей пройти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипыванье, потомъ шопотъ, опять всхлипыванье, точно какъ-будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ-что и заснуть не удалось хорошенько". И вотъ въ этомъ Горшковѣ Достоевскій намѣчаетъ глубоко-человѣчныя черты: и этотъ несчастный увѣренъ, что всѣ знаютъ о его позорѣ, и онъ прячется отъ всѣхъ жильцовъ меблированныхъ комнатъ. Изрѣдка онъ позволяетъ себѣ заглянуть только въ каморку Дѣвушкина (вѣроятно, замѣтивъ, что этотъ не способенъ осудить), да и то постоянно извиняется, сидитъ молча, вопросительно смотритъ въ глаза, вдругъ встанетъ и убѣжитъ. Разъ онъ послѣ долгаго молчанія и оговорокъ рѣшился объяснить цѣль своего посѣщенія и дрожащимъ голосомъ спросилъ, „не найдется ли у Марка Алексѣевича двадцати копеекъ". Вѣроятно, семья нѣсколько дней не ѣла... Вѣроятно, и раньше онъ заходилъ за этимъ, да не рѣшался спросить, видя страшную бѣдность самого Дѣвушкина. А тутъ не выдержалъ, спросилъ, и когда Макаръ Алексѣевичъ отвѣтилъ, что

него двадцати копеекъ нѣтъ, Горшковъ, забывая всю обычную свою ордость, проситъ хотя десять копеекъ. И уже по этой просьбѣ, безъ сякихъ объясненій автора, вы понимаете, какая нужда заставила того гордаго человѣка такъ унижаться. А онъ по-своему страшно ордъ: когда судъ оправдалъ его, онъ въ первыя минуты былъ какъ ьяный, заходилъ ко всѣмъ, посидитъ, посмотритъ, странно улыбается уйдетъ. А къ вечеру того же дня его уже не было въ живыхъ: ѣдняга отъ неожиданнаго счастья умеръ.

Есть въ романѣ и еще такой же бѣднякъ, Покровскій; этотъ овсѣмъ спился, благодаря молодой и красивой женѣ, заводившей себѣ огатыхъ любовниковъ. У Покровскаго есть сынъ студентъ, единтвенное существо, которое несчастный пьяница любитъ почти до обоанія, хотя изъ разсказа видно, что студентъ — сынъ не Покровскаго, одного богатаго шалопая-помѣщика, дающаго кое-какія средства на итье и ученье юноши. Мучительныя сцены происходятъ каждый азъ, когда несчастный старикъ является въ комнату студента, чтобы зглянуть на него, робко сидя у двери, подышать однимъ воздухомъ ъ нимъ, помолчать благоговѣйно и снова уйти въ трущобы и кабаки, дѣ проходитъ остальная его жизнь. Этотъ совсѣмъ погибшій челоѣкъ копитъ по грошамъ небольшую сумму, чтобы подарить „сыну" акую-нибудь книжку „въ день ангела". Сынъ очень строгъ къ отцу суровъ съ нимъ, и старику хочется доказать юношѣ, что онъ не овсѣмъ палъ, что онъ можетъ удержаться и скопить деньги. Сцена окупки этихъ книгъ, сцена врученія подарка и, особенно, послѣдняя цена, когда студентъ умеръ, когда его везутъ на дрогахъ на кладище въ туманное, грязное и дождливое петербургское утро, должны отрясать самыя черствыя и высокомѣрныя сердца. „Старикъ бѣжалъ а гробомъ и громко плакалъ. Извозчикъ (везшій гробъ) поѣхалъ ысью. Старикъ потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. олова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и олола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плаемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его етхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ карановъ торчали книги (которыя онъ взялъ, какъ святыню, на память, зъ огромной библіотеки сына: вѣдь книги больше всего любилъ этотъ ынъ); въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ рѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные остаавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему а потерю, онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ..." сть и еще одинъ такой несчастный въ „Бѣдныхъ людяхъ", Емельянъ Івановичъ или „Емеля", какъ его называетъ Дѣвушкинъ.

Но возвратимся къ самому Макару Алексѣевичу. Уже на опианіяхъ Горшкова и Покровскаго вы видѣли, что Достоевскій вложилъ сю силу своей любви, все негодованіе своего огорченнаго сердца, тобы показать другую сторону медали въ жизни приниженныхъ бѣд-

няковъ. Но, конечно, въ судьбу Дѣвушкина вложено имъ больше всего силы.

Приведу одно мѣсто изъ письма Макара Алексѣевича, которое показываетъ, какъ Достоевскій понималъ причины паденія такихъ людей, т.-е. то состояніе, которое мы видѣли у Покровскаго и Емели, когда человѣкъ уже окончательно „замотался". Это письмо написано въ отвѣтъ на упреки Вареньки за то, что Дѣвушкинъ вернулся домой пьянымъ.

„Не попрекайте меня, что я на старости лѣтъ замотался... У меня въ груди то, маточка все изныло. Бѣдные люди капризны; — это ужъ такъ отъ природы устроено. Я это и прежде чувствовалъ. Онъ, бѣдный то человѣкъ, онъ взыскателенъ; онъ и на свѣтъ то Божій иначе смотритъ и *на каждаго прохожаго* косо глядитъ, да вокругъ смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову, — дескать, не про него ли тамъ что говорятъ? Что вотъ дескать, что же онъ такой неказистый?... И вѣдомо каждому, Варенька, что бѣдный человѣкъ хуже ветошки и ни отъ кого никакого уваженія получить не можетъ, что ужъ ни пиши! Они то, пачкуны то эти, что ужъ тамъ ни пиши, — все будетъ въ бѣдномъ человѣкѣ такъ какъ было. (Опять намекъ на Гоголевскую „Шинель", о которой Дѣвушкинъ забыть не можетъ). А отчего же такъ и будетъ по прежнему? А оттого, что ужъ у бѣднаго человѣка, по *ихнему*, все наизнанку должно быть, то ужъ у него ничего не должно быть завѣтнаго, тамъ амбиціи какой-нибудь ни-ни-ни! Бѣдный человѣкъ знаетъ, что есть подъ бокомъ у него такой господинъ, что вотъ идетъ куда-нибудь къ ресторану да говоритъ самъ съ собою: „что вотъ, дескать, эта голь-чиновникъ, что будетъ ѣсть сегодня? а я соте-патильотъ буду ѣсть..." И они ходятъ, *пашквилянты неприличные*, да смотрятъ, что, дескать, *всей ли ногой* на камень наступаешь, али носочкомъ однимъ; что де вотъ у такого то чиновника изъ сапога пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны — и потомъ тамъ себѣ это все и описываютъ, и дрянь такую печатаютъ... А какое тебѣ дѣло, что у меня локти продраны? Да, ужъ если вы простите мнѣ, Варенька, грубое слово, такъ я вамъ скажу, что у бѣднаго человѣка на этотъ счетъ *тотъ же самый стыдъ, какъ и у васъ, примѣрно, дѣвичій*. Вѣдь вы передъ всѣми разоблачаться не станете, вотъ такъ точно и бѣдный человѣкъ..." „Я не совсѣмъ виноватъ въ проступкѣ моемъ, такъ же какъ и ни сердце ни мысли мои не виноваты: а ужъ такъ я и не знаю, что виновато! Вы тридцать копеекъ серебромъ мнѣ прислали, а потомъ прислали двугривенничекъ; у меня сердце и заныло, глядя на ваши сиротскія денежки... Сами ручку обожгли, голодать скоро будете, а пишете, чтобы я табачку купилъ. Ну, какъ же мнѣ было поступить въ такомъ случаѣ? Или ужъ такъ, безъ зазрѣнія совѣсти, подобно разбойнику, васъ сироточку начать грабить? *Тутъ то я и упалъ духомъ, маточка, т.-е сначала чувствуя поневолѣ, что никуда не гожусь* и что я самъ немногимъ развѣ получше подошвы своей, счелъ неприличнымъ принимать себя за что нибудь значущее, а напротивъ, самого себя сталъ считать чѣмъ то неприличнымъ и въ нѣкоторой степени неблагопристойнымъ. *Ну, а какъ потерялъ къ самому себѣ уваженіе, какъ предался отрицанію добрыхъ качествъ своихъ и своего достоинства*, такъ ужъ тутъ и все пропадай, тутъ ужъ и паденіе, неминуемое паденіе! Это такъ уже судьбою опредѣлено, и я въ этомъ не виноватъ. Я *сначала вышелъ немного освѣжиться...*" и т. д., и т. д.

Трудно себѣ представить болѣе глубокій, болѣе правдивый и задушевный анализъ паденія бѣдняка, который и самъ не понимаетъ, какимъ образомъ это съ нимъ случилось. Онъ знаетъ, что разбилъ

этимъ сердце Вареньки (а кто нибудь другой — сердце, жены, дочери), и самъ пораженъ: „вѣдь, не звѣрь же я кровожадный и не тигръ, а самый кроткій человѣкъ, а вотъ растерзалъ сердце ваше“!

Я не буду распространяться о столь же глубокомъ душевномъ анализѣ, представляющемся на каждой страницѣ въ другихъ мѣстахъ романа: случай съ пуговицей, оторвавшейся у Дѣвушкина передъ генераломъ, сдѣлался классическимъ. Анализъ любви стараго, забитаго чиновника къ молодой дѣвушкѣ поразителенъ: не ради смѣха взята эта любовь и не ради оправданія и возвеличенія ея, какъ въ „Докторѣ Паскалѣ“, у Э. Зола. Нѣтъ, даже и анализъ этой любви бьетъ въ одну цѣль: одинокая, труженическая душа старика жаждетъ хотя какой нибудь свѣтлой точки и опоры въ жизни; онъ никогда не жилъ личной жизнью, а, между тѣмъ, и онъ — *человѣкъ*, въ юности онъ даже увлекся (конечно, платонически) одной актрисой, никогда ея не видя, а только по разсказамъ товарища. Это все та же петребность любви, какую видимъ у Покровскаго къ студенту. И вотъ эта жажда любви, семьи, родного очага, осуществить которую мѣшало все — и бѣдность, и занятость, и ужасъ передъ картинами тѣхъ страданій, которыя особенно сильны у бѣдняковъ *семейныхъ*, все это, сдерживаемое до старости, вылилось въ безпредѣльное, глубокое чувство къ чистой дѣвушкѣ. Это чувство наполнило и скрасило всю его жизнь, онъ бережетъ его какъ святыню, онъ трепещетъ малѣйшаго намека на что нибудь грубое, чувственное, на малѣйшее запятнаніе этой святыни... Еще болѣе поразительно посѣщеніе Дѣвушкинымъ ростовщика, чтобы занять денегъ на крайнюю нужду Вареньки, которая не разъ присылала ему свои послѣдніе, трудовые гроши. Ростовщикъ отказалъ, и вотъ какъ пишетъ объ этомъ бѣднякъ: „Я, маточка, въ это мгновеніе васъ вспомнилъ, всѣ ваши несчастія и нужды вспомнилъ, вашъ полтинничекъ вспомнилъ...“

Послѣ этого Макаръ Алексѣевичъ напился второй разъ въ жизни... Но съ этого же момента начинается и поворотъ въ его душѣ, въ его взглядѣ на общественныя отношенія. До этого момента онъ такъ былъ придавленъ самымъ фактомъ жизненной бѣдности, что принималъ его какъ нѣчто нормальное, даже не замѣчалъ его, какъ рыба не замѣчаетъ воды, въ которой всегда живетъ. Но съ этого момента въ немъ развивается почти болѣзненная наблюдательность: онъ всегда подмѣчаетъ нужду и горе, и его мысль начинаетъ работать серьезно надъ вопросами о нихъ. И до сихъ поръ онъ думалъ объ этомъ, но не такъ, какъ теперь: „теперь я *своимъ мыслямъ* въ глубинѣ души *сталъ сочувствовать*“, говоритъ онъ наивно Варенькѣ. Впослѣдствіи онъ даже кается въ этомъ либерализмѣ, но уже сдѣлать съ собою ничего не можетъ. У него въ умѣ возникаютъ всякія сравненія, напр., своей осторожности при переходѣ черезъ грязную улицу съ тѣмъ, что и генералы любятъ чистые сапоги, да только имъ не нужно для этого ходить на цыпочкахъ, и т. д. Эта внутренняя работа доходитъ почти до общественныхъ запросовъ, когда онъ пишетъ Варенькѣ о нищемъ-маль-

чикѣ, собиравшемъ милостыню съ просительнымъ письмомъ, около какого то шарманщика:

„Мальчикъ блѣдненькій, посинѣлый отъ холода, можетъ быть, и голодный, и не вретъ, ей-ей не вретъ, я это дѣло знаю. Но только то дурно, зачѣмъ эти *гадкія* матери (сейчасъ будетъ и оправданіе этой матери) дѣтей не берегутъ и полуголодными съ записками на такой холодъ посылаютъ. О, можетъ быть, эта глупая баба характера не имѣетъ, да и *постараться*, можетъ-быть, *за нее некому*, такъ она сидитъ, поджавъ ноги, а *можетъ-быть и вправду больная*. Ну, да все обратилась бы куда слѣдуетъ“.

Но Дѣвушкинъ тутъ лукавитъ: онъ такъ запуганъ, что не смѣетъ прямо высказать свою мысль даже Варенькѣ: вѣдь онъ отлично знаетъ, могъ ли, напримѣръ, Горшковъ, могъ ли самъ онъ достать гдѣ-нибудь денегъ, когда была вопіющая нужда; онъ видѣлъ, какъ у этого Горшкова умеръ ребенокъ почти отъ голода. Но бросить открыто упрекъ обществу, это — значитъ потерять уваженіе къ себѣ: вѣдь онъ гордится тѣмъ, что „живетъ смирно и никого не трогаетъ“. Эта мораль сложилась въ немъ опытомъ всей его жизни, твердившей своими ударами: „сиди смирно, молчи!“ Но сердце иногда прорывается, и онъ, нарушая свою мораль, пишетъ:

„И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ, проситъ. Ходятъ люди, да некогда имъ. Сердца у нихъ каменныя; слова ихъ жестокія: „Прочь! Убирайся! Шалишь!“ Вотъ что онъ слышитъ отъ врага, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, напуганный мальчикъ, словно птенчикъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнутъ у него руки и ноги; посмотришь, вотъ ужъ онъ и кашляетъ; тутъ недолго ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый, заползетъ ему въ грудь, а тамъ глядишь, ужъ и смерть стоитъ надъ нимъ гдѣ-нибудь въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помощи, вотъ и вся его жизнь...“

Въ чемъ же суть пріема Достоевскаго? Кто-то, чуть ли не Бѣлинскій, сравнивая его съ Гоголемъ, говорилъ: у Гоголя былъ синтезъ, а у Достоевскаго анализъ. Но развѣ сила великаго нашего романиста была только въ анализѣ? Анализъ можетъ быть и безцѣльный, и безстрастный, и даже пустой и ничтожный. Мало ли мы видѣли такихъ анализовъ впослѣдствіи у нѣкоторыхъ „молодыхъ“ беллетристовъ, мнившихъ себя преемниками Достоевскаго.

Величайшая функція искусства состоитъ въ томъ, что оно, рисуя намъ лучшія и сокровенныя глубины человѣческой души, загороженной отъ насъ часто весьма неприглядной оболочкой, дѣлаетъ для насъ родными и близкими людей, которыхъ мы считали чѣмъ-то низшимъ и чуждымъ, почти презрѣннымъ. Этимъ пріемомъ Бичеръ-Стоу заставила признать брата въ негрѣ, этимъ отчасти путемъ наши Григоровичъ и Тургеневъ заставили увидѣть человѣческое сердце и Божью искру въ крѣпостномъ рабѣ... Эта великая функція искусства выполняетъ конкретно то, что абстрактно, въ видѣ закона, даннаго на религіозной почвѣ, выполняетъ божественная заповѣдь о любви къ ближ-

нему, для которой не должно быть ни эллина, ни іудея, ни раба, ни господина. Этимъ искусство единитъ, соціализируетъ людей, сближаетъ душой членовъ разныхъ общественныхъ слоевъ, представителей разныхъ расъ и національностей. И вотъ, призывъ къ такому-то искусству былъ громко возглашенъ и осуществленъ первымъ произведеніемъ нашего генія.

Но не одну душу тѣхъ, кто нуждается въ общемъ сочувствіи, раскрывалъ онъ намъ; онъ раскрывалъ и его муки и его страданія, онъ обнажалъ и его ужасную обстановку. Дѣвушкинъ такъ описываетъ свою каморку, за перегородкой кухни, меблированныхъ комнатъ, — изображаетъ, впрочемъ, осторожно, чтобы не огорчить Вареньку, да и себѣ сердце не разбередить:

„Квартирка моя ничего, хорошая, но вотъ только ночью вѣшаютъ въ кухнѣ грязное бѣлье, и запахъ отъ него меня безпокоитъ немного. Вообще комнаты въ квартирѣ удобны, но какъ-то душно въ нихъ, то-есть, не то чтобы дурно пахло, а такъ, если можно выразиться, немного гнилой, остро-услащенный запахъ какой-то. На первый разъ впечатлѣніе невыгодное, но это все ничего, стоитъ только минуты двѣ побыть у насъ, такъ и пройдетъ, потому что и самъ какъ-то дурно пропахнешь, и платье пропахнетъ, и все пропахнетъ, — ну, и привыкнешь. *У насъ чижики такъ и мрутъ.* Мичманъ ужъ пятаго покупаетъ, — не живутъ въ нашемъ воздухѣ“.

И, какъ живая иллюстрація къ этому „воздуху“, описывается смерть ребенка у несчастнаго Горшкова.

Сравните эту первую эпопею бѣдноты съ „Шинелью“ Гоголя — и вы сразу почувствуете, какимъ новымъ свѣтиломъ засверкалъ Достоевскій въ нашей литературѣ.

И замѣтьте, въ какую пору это было: жизнь въ то время еще не всколыхнула тѣхъ великихъ и сложныхъ вопросовъ, которые возникли послѣ севастопольской обороны. Поэтому и кругъ задачъ въ первомъ романѣ Достоевскаго не идетъ дальше вопросовъ о нуждѣ и реабилитаціи души бѣднаго человѣка, или, говоря иначе, — возстановленія уваженія къ его человѣческому достоинству, въ немъ самомъ и въ окружающихъ.

А надъ всѣмъ этимъ, если взять и образъ Вареньки, безконечно чистой нравственно, несмотря на ея физическое паденіе, — передъ вами уже и въ этомъ первомъ произведеніи витаетъ духъ евангельскаго всепрощенія и любви, духъ, проникающій въ нѣдра человѣческихъ паденій и пороковъ, но паденій и пороковъ невольныхъ, создаваемыхъ самими условіями общественной жизни. Вотъ что поставило Достоевскаго едва ли не выше всѣхъ писателей міра, заставивъ любить его и учиться у него во всѣхъ странахъ міра. Вотъ что никогда не умретъ, потому-что, какъ я уже сказалъ вначалѣ, это — та истина, тотъ идеалъ, который въ теченіе исторіи преобразуетъ человѣческое, полу-волчье стадо въ гармоническое и полное любви воплощеніе великихъ единящихъ завѣтовъ сердечнаго братства всѣхъ людей.

Оболенскій.

Типы обездоленныхъ въ „Бѣдныхъ людяхъ“, и гуманное отношеніе къ нимъ автора.

Люди, которыхъ человѣческое достоинство оскорблено, являются намъ у Достоевскаго въ двухъ главныхъ типахъ: кроткомъ и ожесточенномъ. Первые не дѣлаютъ уже никакого протеста, склоняются подъ тяжестью своего положенія и серіозно начинаютъ увѣрять себя, что они — нуль, ничего, и что если его превосходительство заговоритъ съ ними, то они должны считать себя счастливыми и облагодѣтельствованными. Другіе, напротивъ: видя, что ихъ право, ихъ законныя требованія, то, что имъ свято, съ чѣмъ они въ міръ вошли, — попирается и не признается, они хотятъ разорвать со всѣмъ окружающимъ, сдѣлаться чуждыми всему, быть достаточными самимъ для себя и ни отъ кого въ мірѣ не попросить и не принять ни услуги, ни братскаго чувства, ни добраго взгляда.

Само собою понятно, что имъ не удается выдержать характеръ, и оттого они вѣчно недовольны собою, проклинаютъ себя и другихъ, задумываютъ самоубійство и т. п.

Между этими двумя крайностями стоитъ еще разрядецъ людей, которыхъ можно, пожалуй, отнести скорѣе къ первому типу: это люди, потерявшіе широкое сознаніе своего человѣческаго права, но замѣнившіе его какою-нибудь узенькою фикціею условнаго права, утвердившіеся въ этой фикціи и бережно ее хранящіе. При всякомъ случаѣ, гдѣ подобные господа воображаютъ, что ихъ личное достоинство въ опасности, они готовы повторять, напримѣръ, что „я титулярный совѣтникъ“, „мнѣ самъ Василій Петровичъ руку подалъ“, меня штабъофицерша Похлестова знаетъ, и т. п. Это тоже люди трусливые, подозрительные, щепетильные, обидчивые донельзя и сами всѣхъ болѣе несчастные своею обидчивостью...

Обратимся къ анализу первой черты, — совершеннаго смиренія и тупого успокоенія на своемъ положеніи, каково оно вышло. Кажется, тутъ бы и говорить не о чемъ; человѣкъ убѣдился, что онъ глупъ, или безобразенъ, или манеръ не имѣетъ, — ну, и ладно, и бросить эту матерію... Что тутъ канитель-то тянуть! И еще ему же спокойнѣе: знаетъ, что слѣпъ, такъ и подсматривать нечего... Сиди да слушай, что другіе скажутъ. И какой интересъ — описывать то, какъ слѣпой не видитъ?...

Но вотъ въ томъ-то и заслуга художника: онъ открываетъ, что слѣпой-то не совсѣмъ слѣпъ; онъ находитъ въ глупомъ-то человѣкѣ проблески самаго яснаго, здраваго смысла, въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отыскиваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда не заглушимыя стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ въ самой глубинѣ души запрятанный протестъ личности противъ внѣшняго, насильственнаго давленія, и представляетъ его на нашъ судъ и сочувствіе. Такія открытія дѣлаетъ намъ Гоголь

въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ своихъ; то же, только въ нѣсколько затѣйливой формѣ находимъ мы въ „Бѣдныхъ людяхъ“ Достоевскаго и отчасти въ другихъ его повѣстяхъ.

Чиновникъ Дѣвушкинъ, напримѣръ, живетъ себѣ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, прослужилъ безъ малаго тридцать лѣтъ тихо и скромно, ни о чемъ не задумываясь ни на что не претендуя. „Что это-вы пишите мнѣ, — объясняется онъ съ Варенькой, — про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брюзгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ; такъ что же на старости-то лѣтъ привередничать? *Я сытъ, одѣтъ, обутъ: да и куда намъ затѣи затѣвать. Не графскаго рода!*... Родитель былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. — Я не нѣженка“. И точно онъ не нѣженка; квартиру занимаетъ за перегородкой въ кухнѣ, платитъ за нее два цѣлковыхъ, и утѣшается тѣмъ, что онъ „ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку живетъ, втихомолочку живетъ“... „Сытъ я“, говоритъ, — а за столъ платитъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ: можно представить, какая тутъ сытость. Обутъ и одѣтъ онъ, — тоже соотвѣтственно, но все повторяетъ: „Я не ропщу и доволенъ, жалованья достаточно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно“. Относительно своего умственнаго состоянія сознаетъ, что онъ человѣкъ неученый, на мѣдныя деньги учился, и слога не имѣетъ и высокихъ матерій понимать не можетъ, а потому далеко и не лѣзетъ; съ общественнымъ положеніемъ онъ примирился отлично. Онъ дошелъ до такихъ выводовъ, успокоительныхъ и резонныхъ: „Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повиноваться. Это уже по способности человѣка расчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ“. Утвердившись въ такихъ цѣлительныхъ мысляхъ, Макаръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно теряетъ всякую опору внутри себя, въ собственномъ разсудкѣ, и высшею единственною мѣрою своихъ достоинствъ считаетъ уже не собственное сознаніе, а мнѣнія начальства и формальныя отношенія. Достоинства свои онъ описываетъ такимъ образомъ: „Состою я уже около 30 лѣтъ по службѣ, служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя *собственнымъ сознаніемъ моимъ*, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. *Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны* (собственное-то сознаніе куда пошло!); и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны“. Далѣе Макаръ Алексѣичъ опять показываетъ, какъ сильно его собственное сознаніе: Я говоритъ, „въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, — въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; *даже крестикъ выходилъ*“... Какъ видите,

крестикъ составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ базисъ философіи Макара Алексѣича и самый высшій, послѣдній аргументъ его. Онъ не лишенъ и амбиціи, но она удовлетворяется тоже довольно легко: онъ разъ, напримѣръ, выпилъ неосторожно, дебошу надѣлалъ, по его словамъ, и послѣ того пишетъ къ Варенькѣ, утѣшая ее: „Вы, говоритъ, обо мнѣ не безпокойтесь: спѣшу вамъ объявить, что амбиція моя мнѣ всего дороже, и увѣдомляю васъ, что *изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по прежнему*". Вообще Макаръ Алексѣевичъ до того дошелъ, что даже и сапоги и шинель носитъ не для себя, а для другихъ, въ особенности же для его превосходительства; и чай пьетъ больше для другихъ, и все для другихъ изъ амбиціи. „По мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить — я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего: *человѣкъ-то я простой, маленькій*". Но *сапоги нужны для поддержки чести и добраго имени: въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало*. То-есть какъ же пропало? А такъ, что „вдругъ его превосходительство замѣтятъ и невзначай какъ-нибудь отнесутся на мой счетъ — бѣда"!... Къ этому кодексу морали и житейской мудрости, выработавшемуся въ головѣ Макара Алексѣича, прибавьте умилительно-подловатое впечатлѣніе, оставшееся въ немъ отъ сцены, когда у него отлетѣла пуговица въ присутствіи генерала, и генералъ далъ ему сто рублей и пожалъ руку. Сцена эта дѣйствительно превосходная, много разъ была цитирована, и потому, конечно, понятна читателямъ. А вотъ мысли о ней самого Макара Алексѣевича: „Клянусь вамъ, — пишетъ онъ Варенькѣ, — что какъ не погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и на мою неспособность, несмотря на все это клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ *они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще навѣки сдѣлали*, и я какъ ни грѣшенъ предъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его". Въ этихъ изліяніяхъ душевныхъ вы видите доброту, чувствительность, благородство, если хотите — даже утонченную деликатность Макара Алексѣича; но согласитесь, что, вѣдь, вамъ жалко то униженіе, въ какое онъ ставитъ себя, и только сила сострадания прогоняетъ въ васъ то чувство отвращенія, которое иначе невольно возбуждалось бы въ васъ такимъ искаженіемъ человѣческой природы... Забитый, тощій песъ Улисса, съ воемъ и ласкою встрѣчающій своего господина, неизмѣримо ближе и ровнѣе съ нимъ, нежели этотъ чиновникъ съ благодѣтельнымъ его превосходительствомъ. Полное отсутствіе какого бы то ни было сознанія о своемъ достоинствѣ, полное признаніе своего ничтожества, исключеніе себя изъ того рода существа, къ которому равно принадлежитъ и Макаръ Алексѣичъ и его благодѣтель, — вотъ что видите вы въ из-

ліяніяхъ его благодарности. А онъ между тѣмъ счастливъ, самъ счастливъ собственнымъ униженіемъ и въ умиленіи молитъ Бога простить ему „ропотъ и *либеральныя мысли*“, которыя онъ позволялъ себѣ подчасъ „въ прежнее, грустное время“...

Нужно сказать, что нѣкоторая доля художнической силы постоянно сказывается въ Достоевскомъ, а въ „Бѣдныхъ людяхъ“ сказалась даже въ значительной степени. Отъ него не ускользнула правда жизни, и онъ чрезвычайно мѣтко и ясно положилъ грань между офиціальнымъ настроеніемъ, между внѣшностью, форменностью, и тѣмъ, что составляетъ его внутреннее существо, что скрывается въ тайникахъ его натуры и лишь по временамъ, въ минуту особаго настроенія, мелькомъ проявляется на поверхности. Изъ наблюденій автора, переданныхъ намъ въ его разсказахъ, оказывается, что, вѣдь, ни одного человѣка нѣтъ, кто бы, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ и душою возлюбилъ идеальную организацію, обѣщающую столько мира и довольства людямъ. Даже люди, наиболѣе ею пропитанные, и тѣ безпрестанно проговариваются и уклоняются. Да вотъ хоть бы самъ Макаръ Алексѣичъ: вы, можетъ-быть, думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился на томъ, что „всякому свое мѣсто назначено, а мѣста по способностямъ распредѣлены“ и т. д.? Вовсе нѣтъ; это когда онъ резонируетъ въ спокойномъ положеніи, такъ и говоритъ такимъ образомъ. А чуть кто-нибудь задѣнетъ его за живое, — онъ совсѣмъ мѣняется, и лѣзутъ ему въ голову сами собой „либеральныя“ мысли. Онъ тогда спрашиваетъ: „Отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣніи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?... Знаю, знаю, маточка (спѣшитъ онъ прибавить, обращаясь къ Варенькѣ), что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, — зачѣмъ одному еще въ чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, — ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка (снова спѣшитъ оговориться боязливый Макаръ Алексѣеичъ), оно грѣшно этакъ думать, *да тутъ поневолѣ грѣхъ въ душу лѣзетъ*“. Расчувствовавшись, Макаръ Алексѣичъ уже не ограничивается и сомнѣніями, а даже до негодованія доходитъ и задѣваетъ людей почище себя: „Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, — такъ ужъ ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! *Полно, такъ ли, голубчикъ?*“ Какъ хотите, а вѣдь это чуть не вызовъ со стороны бѣднаго чиновника: видно, не совсѣмъ угомонилось его сердце, не совсѣмъ успокоился онъ на томъ, что „если бы мы другъ другу тона не задавали, то и свѣтъ бы не стоялъ, и порядку бы не было“. Нѣтъ, онъ издаетъ теперь вопли сердечные и сознаетъ

за собою право вопить и жаловаться: „А еще люди богатые не любятъ, — замѣчаетъ онъ, — чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались, — дескать, они безпокоятъ, они де назойливы. *Да и всегда бѣдность назойлива; спать, что ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные?...*“ И переполненное горечью сердце внушаетъ ему такія мысли, вызываетъ наружу такіе инстинкты, которыхъ онъ самъ испугался и отрекся бы въ обыкновенномъ положеніи, но которые теперь сами собой неодолимо являются во всей своей силѣ. „*Теперь* на меня *такая тоска напала,*—пишетъ разогорченный Дѣвушкинъ, — *что я самъ своимъ мыслямъ до глубины своей души сталъ сочувствовать,* и хотя самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки *нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ.* И подлинно, родная моя, *часто самого себя* безъ *всякой причины уничтожаешь,* въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ-быть, оттого происходитъ, что я самъ *запуганъ и загнанъ,* какъ хоть бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ“. Вотъ этакія-то мысли, западая въ человѣка и развиваясь въ немъ съ чрезвычайною быстротою и силою, при помощи его природныхъ инстинктовъ, — и губятъ всеобщую тишину и спокойствіе въ томъ идеальномъ общественномъ механизмѣ, который рисовался намъ выше. И нельзя сказать, чтобы авторъ здѣсь выдумывалъ, клеветалъ на человѣческую природу. Можно замѣтить, пожалуй, что Макаръ Алексѣичъ, для своего образованія и положенія, является уже слишкомъ мѣткимъ оцѣнщикомъ противорѣчій офиціальныхъ основъ жизни съ ея дѣйствительными требованіями; но это потому, что, сочиняя въ теченіе полугода, чуть не каждый день, письма къ Варенькѣ, Макаръ Алексѣичъ изощрилъ свой слогъ; а съ другой стороны — почему же и автору немножко не прійти къ нему на помощь? Но помощь эта касается единственно словеснаго выраженія мыслей; сами же мысли чисто принадлежатъ Макару Алексѣичу, — это скажетъ всякій, хоть недолгое время, хоть разъ бывавшій въ его положеніи. Макаръ Алексѣичъ формулировалъ свои тяжкія сомнѣнія въ письмахъ къ Варенькѣ; другіе не формулируютъ ихъ иначе, какъ своимъ поведеніемъ, разными странными поступками и печальными ихъ результатами“. *Добролюбовъ.*

Прекрасныя и благородныя черты въ герояхъ „Бѣдныхъ людей“.

Съ первыхъ же своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Достоевскій обращается къ людямъ бѣднымъ, загнаннымъ, хотя и изъ класса чиновничьяго, къ тѣмъ изъ этого класса, для которыхъ, конечно, не благодать ихъ кличка „чиновникъ“. Въ этомъ отношеніи Достоевскій является прямымъ продолжателемъ того направленія, которое выразилось въ повѣсти Гоголя „Шинель“. Но въ романѣ

„Бѣдные люди", сразу доставившемъ Достоевскому такую почетную извѣстность, нельзя не признать значительнаго шага впередъ противъ „Шинели". Гуманное отношеніе къ бѣднымъ, забитымъ людямъ тутъ проведено гораздо далѣе, чѣмъ у Гоголя. Не даромъ Бѣлинскій обратился къ Достоевскому съ такими сочувственными словами: „Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и подвалахъ, и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь это тоже люди, ваши братья!" Конечно, уже и Гоголь сказалъ это психологическою постановкою героя „Шинели", который хотя и смѣшонъ, но такъ живо трогаетъ каждаго сколько-нибудь по-человѣчески чувствующаго читателя. Тѣмъ не менѣе герой Гоголя, такъ сказать, весь ушелъ самъ въ себя, въ продолжительныя заботы о томъ для него значительномъ комфортѣ, какой онъ доставляетъ себѣ новой шинелью; сочувствіе къ нему читателя возбуждается собственно тѣмъ, что авторъ даетъ понять, какъ дорого, цѣною какихъ долгихъ лишеній достается маленькому человѣку, и какое событіе въ его приниженной жизни составляетъ то, что является у другого само собой въ ряду множества другихъ вещей, безъ которыхъ и обойтись нельзя, а маленькій человѣкъ обходится! Все то, что предпринимаетъ Акакій Акакіевичъ для доставленія себѣ новой шинели — своего рода нравственный подвигъ, но подвигъ, который ведетъ къ его личному удовольствію и удобству. Гораздо болѣе представляютъ намъ „Бѣдные люди" Достоевскаго. Въ лицѣ Макара Дѣвушкина, этого добряка-чиновника, переписывающагося съ героиней повѣсти, авторъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, „показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святого лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ", т.-е. въ тѣхъ симпатическихъ связяхъ, которыя соединяютъ бѣднаго, загнаннаго человѣка съ другимъ бѣднымъ, загнаннымъ существомъ. Ту же глубоко-человѣческую черту усмотрѣлъ Бѣлинскій и въ другомъ лицѣ этой повѣсти, въ лицѣ эпизодическомъ, старикѣ Покровскомъ. „Подставной мужъ обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница — и онъ человѣкъ!" говоритъ Бѣлинскій. Да, и онъ человѣкъ, даже въ лучшемъ смыслѣ слова, потому что онъ въ состояніи любить до самоотверженія. „Вы можете смѣяться надъ его любовью къ своему мнимому сыну", продолжаетъ Бѣлинскій, — „напоминающую робкую любовь собаки къ человѣку; но если, смѣясь надъ нею, вы въ то же время глубоко ею не трогаетесь, если изображеніе Покровскаго съ книгами въ карманѣ и подъ мышками, безъ шапки на головѣ, въ дождь и холодъ бѣгущаго за гробомъ смѣшно-любимаго имъ сына, не производитъ на васъ трагическаго впечатлѣнія, не говорите объ этомъ никому, чтобы какой-нибудь Покровскій, шутъ и пьяница, не покраснѣлъ за васъ, какъ за человѣка". Все это сказано Бѣлинскимъ именно потому, что въ Покровскомъ, какъ и въ Макарѣ Дѣвушкинѣ, несмотря на тотъ темный уголъ, въ который забиты они невзгодами жизни, ярко теплится та искра Божія, которая совершенно погасла не только въ Об-

ломовѣ, но и въ Штольцѣ, потому что оба они не видятъ ничего далѣе — одинъ своего кабинета съ мягкой постелью и вѣчнымъ халатомъ, другой — своей нескончаемой суеты ради собственныхъ выгодъ и удовольствій. Искра Божія погасла въ нихъ — и потому-то приходится Ольгѣ отказаться отъ надежды не только сдвинуть съ мѣста Обломова, но и отыскать живительный смыслъ въ трудолюбіи Штольца. Напротивъ, что касается Дѣвушкина и Покровскаго, то Бѣлинскій находилъ даже, чего послѣ него не находили другіе критики, что Достоевскій „вовсе не хотѣлъ изобразить людей, у которыхъ умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнію". И въ нихъ дѣйствительно не забито то, что симпатически связываетъ человѣка съ человѣкомъ. Добролюбовъ въ своей статьѣ „Забитые люди" налегаетъ на другую сторону произведеній Достоевскаго, — на общественную приниженность главныхъ его героевъ со всѣми ея послѣдствіями. Къ числу ихъ Добролюбовъ совершенно справедливо относитъ то, что Дѣвушкинъ съ какимъ-то особеннымъ униженіемъ умаляется предъ своимъ начальствомъ; „я вѣдь человѣкъ маленькій", говоритъ онъ, основывая на такомъ сознаніи всю свою практическую философію. Но, уживаясь самъ съ такой скромной долей, онъ не мирится съ мыслію, чтобы она могла удовлетворить и ту дѣвушку, къ которой онъ такъ привязанъ. Ея бѣдное, загнанное положеніе хотѣлъ бы онъ усладить, улучшить; и вотъ онъ отдаетъ послѣдніе гроши, чтобы доставить ей какое-нибудь удовольствіе, или хоть лакомство. Правда, во многихъ другихъ повѣстяхъ Достоевскаго мы уже не находимъ этой нравственно поддерживающей бѣдняка заботы о другихъ бѣднякахъ. Многіе „Забитые люди" Достоевскаго, подобно гоголевскому Акакію Акакіевичу, *загнаны въ самихъ себя* и такимъ образомъ окончательно являются жертвами своего положенія. Таковъ, какъ совершенно вѣрно выяснилъ Добролюбовъ, герой повѣсти того же названія Прохарчинъ, котораго одна ошеломляющая мысль о томъ, что онъ можетъ быть выгнанъ изъ службы, доводитъ до пьянства и преждевременной смерти. Не менѣе печально кончаетъ личность, поставленная, повидимому, въ болѣе благопріятное положеніе, но, при большей развитости въ ней требованій отъ жизни, такъ легко достающееся другимъ, — я разумѣю героя „Двойника" Голядкина. *Миллеръ.*

Привѣтствіе „Бѣдныхъ людей" Бѣлинскимъ.

„Въ одно изъ моихъ посѣщеній Бѣлинскаго, передъ обѣдомъ, когда онъ отдыхалъ отъ утреннихъ писательскихъ работъ, я со двора дома увидѣлъ его у окна гостиной, съ большой тетрадью въ рукахъ и со всѣми признаками волненія на лицѣ. Онъ тоже замѣтилъ меня и прокричалъ: „Идите скорѣе, сообщу новость... Вотъ отъ этой самой рукописи, — продолжалъ онъ, поздоровавшись со мною, — которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это — романъ начинающаго

таланта: каковъ этотъ господинъ съ виду и каковъ объемъ его мысли — еще не знаю, а романъ открываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у насъ соціальнаго романа и сдѣланная притомъ такъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно художники, т.-е. не подозрѣвая и сами, что у нихъ выходитъ. Дѣло тутъ простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть необычайная пріятность и обязанность для каждаго человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все, — а какая драма, какіе типы! Да я и забылъ вамъ сказать, что художника зовутъ Достоевскій, а образцы его мотивовъ представлю сейчасъ". И Бѣлинскій принялся съ необычайнымъ паѳосомъ читать мѣста, наиболѣе поразившія его, сообщая имъ еще большую окраску своей интонаціей и нервной передачей. Такъ встрѣтилъ онъ первое произведеніе нашего романтиста. И этимъ еще не кончилось. Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать для молодого автора то, что онъ дѣлалъ уже для многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, для Кольцова и Некрасова, т.-е. высвободить его талантъ отъ резонерскихъ наклонностей и сообщить ему сильные, такъ сказать, нервы и мускулы, которые помогли бы овладѣвать предметами прямо, сразу, не надрываясь въ попыткахъ, но тутъ критикъ встрѣтилъ уже рѣшительный отпоръ. Въ домѣ же Бѣлинскаго прочитанъ былъ новымъ писателемъ второй его разсказъ: „Двойникъ"; это сенсаціонное изображеніе лица, существованіе котораго проходитъ между двумя мірами — реальнымъ и фантастическимъ, не оставляя ему возможности окончательно пристроиться ни къ одному изъ нихъ. Бѣлинскому нравился и этотъ разсказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной темы, но мнѣ, присутствовавшему тоже на этомъ чтеніи, показалось, что критикъ имѣетъ еще заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказывать тотчасъ же. Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость *набить руку*, что называется, въ литературномъ дѣлѣ, пріобрѣсти способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія. Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой разсказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и измѣнявшаго ихъ до безконечности, и относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвшаго одолѣть препятствій со стороны языка и формы. Но Бѣлинскій ошибся: онъ встрѣтилъ не новичка, а совсѣмъ уже сформировавшагося автора, обладающаго потому и закоренѣлыми привычками работы, несмотря на то, что онъ являлся, повидимому, съ первымъ своимъ произведеніемъ. Достоевскій выслушалъ наставленія критика благосклонно и равнодушно. Внезапный успѣхъ, полученный его повѣстью, сразу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыши высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какія жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе чѣмъ освободилъ его отъ

сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторовъ; онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнцы и капитоліи. Такъ, рѣшаясь отдать романъ свой въ готовившійся тогда Альманахъ, авторъ его совершенно спокойно, и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобы его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ — каймой“. *Анненковъ.*

Встрѣча „Бѣдныхъ людей“ лучшими представителями тогдашней литературы.

Первая повѣсть Достоевскаго „Бѣдные люди“ имѣла громадный, небывалый успѣхъ: ее съ восторгомъ встрѣтили лучшіе люди тогдашней литературы, Некрасовъ, Бѣлинскій. Достоевскій прямо опьянѣлъ отъ успѣха, во хмелю всеобщаго восторга и собственнаго юношескаго ликованія онъ видѣлъ себя на высотѣ славы, онъ казался себѣ равнымъ Гоголю, выше Гоголя, волненіямъ его не было конца, но въ этой гордости собой, въ этомъ упоеніи успѣхомъ своимъ, въ блескѣ обнаружившагося генія было и много мученій, недоумѣній. Вотъ, какъ Достоевскій, много спустя, разсказываетъ объ этомъ въ своемъ „Дневникѣ писателя“.

Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Въ началѣ зимы я началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“, мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки „Петербургскіе шарманщики“ въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „принесите рукопись“ (самъ онъ еще не читалъ ее), „Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу“. Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой „партіи Отечественныхъ Записокъ“, какъ говорили тогда, я боялся. Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и — „осмѣетъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей!“ думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами — „неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью, — все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?“ Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительность немедленно возвращалась. Вечеромъ того же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ душахъ“ и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда это бывало между молодежью, — сойдутся двое или трое: „а не почитать ли намъ, господа, Гоголя!“ — садятся и читаютъ, и, пожалуй, всю ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ бы чѣмъ-то

были проникнуты и какъ бы чего-то ожидали. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „Съ десяти страницъ видно будетъ". Но прочтя десять страницъ рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь когда одинъ уставалъ. „Читаетъ онъ про смерть студента,— передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ, — и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!" Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь". Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!) то въ одинъ голосъ рѣшили итти ко мнѣ немедленно: „Что-жъ такое что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!" Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей первой встрѣчи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чувства. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о „тогдашнемъ положеніи", разумѣется, и о Гоголѣ, цитируя „изъ Ревизора" и изъ „Мертвыхъ душъ", но, главное, о Бѣлинскомъ. „Я ему сегодня же снесу вашу повѣсть, и вы увидите — да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!" восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. „Ну, теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ намъ!" Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ, а, главное, чувство было дорого, помню ясно: у иного успѣхъ, ну, хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!" Вотъ что я думалъ, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше любилъ его во всю свою жизнь. Тогда еще Некрасовъ ничего еще не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ извѣстно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ. Писалъ онъ тоже чуть не съ шестнадцати лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю, но Бѣлинскій его угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужъ и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ навѣкъ и связываютъ неразрывно. „Новый Гоголь явился!" закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ „Бѣдными людьми". „У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ", строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его „просто въ волненіи": приведите, приведите его скорѣе!

И вотъ (это, стало-быть, уже на третій день) меня привели къ нему. Помню, что на первый взглядъ меня очень поразила его наружность, его носъ, его лобъ; я представлялъ его себѣ почему-то совсѣмъ другимъ, — „этого ужаснаго, этого страшнаго критика". Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно. „Что жъ, оно такъ и надо", подумалъ я, но не прошло, кажется, и минуты какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго писателя, а, такъ сказать, изъ уваженія его къ тѣмъ

чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: „Да вы понимаете ли сами-то — повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію, — что это вы такое написали!“ Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ. „Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали. Да, вѣдь, этотъ вашъ несчастный чиновникъ, вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почесть отъ приниженности и почти за вольнодумство считаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать, и, когда добрый человѣкъ, его генералъ, даетъ ему эти сто рублей — онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого какъ онъ могъ пожалѣть „ихъ превосходительство“ не его превосходительство, а „ихъ превосходительство“, какъ онъ у васъ выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута цѣлованія генеральской ручки, — да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь великимъ и будете вѣрнымъ писателемъ!...“

Все это онъ тогда говорилъ мнѣ. Все это онъ говорилъ потомъ обо мнѣ и многимъ другимъ, еще живымъ теперь и могущимъ засвидѣтельствовать. Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей *и весь, всѣмъ существомъ своимъ, ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ.* (А я былъ тогда страшный мечтатель.) „*И неужели вправду я такъ великъ*“, стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь, *никогда потомъ я не думалъ, что я великъ,* но тогда — развѣ можно было это вынести! „О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди! Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ и они, пребуду „вѣренъ!“ О, какъ я легкомысленъ, и если-бъ Бѣлинскій только узналъ какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочемъ, этихъ людей только и есть въ Россіи, они одни, но у нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними!“

Трудно было удержаться на высотѣ всеобщаго восторга, и еще труднѣе было съ этимъ помириться мнительному, самолюбивому юношѣ; много ему было дано, но хотѣлось большаго, раздраженное самолюбіе встрѣчало отпоръ, зародилось непониманіе, взаимное недовольство, появились шероховатости въ отношеніяхъ съ людьми, недоразумѣнія. Близко войдя въ высшій литературный кругъ того времени, кругъ Бѣлинскаго, Достоевскій также скоро отошелъ отъ него. Непривыкшій къ людямъ, онъ не сумѣлъ установить такихъ отношеній, которыя были нужны, не вынесъ похмелья своего успѣха.

Тяжелое это было время для Достоевскаго, душа бурлила, томилась, мучительно содрогалась отъ соприкосновенія съ людьми, съ жизнью. Нарастало болѣзненное раздраженіе, но въ то же время просыпался великій геній, еще не нашедшій себя.

По выходѣ въ свѣтъ „Бѣдныхъ людей" Достоевскаго великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій писалъ такъ: „Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: „Вѣдь это тоже люди, ваши братья". И въ „Бѣдныхъ людяхъ" Достоевскаго, въ самомъ дѣлѣ, сказалась уже его боль за человѣка, ужасъ обойденной судьбы несчастнаго маленькаго человѣка, Макара Дѣвушкина, рисуется въ его повѣсти со слезами и трепетомъ сердца. Душа Достоевскаго здѣсь уже почувствовала гнетъ униженія человѣка, страшное зло жизни, повѣсть его впитала въ себя муку и слезы окружающаго. Авторъ мучится ими и съ недоумѣніемъ, съ тоской души и болью сердца запрашиваетъ о нихъ. Потрясенный самъ, потрясаетъ и читателя, ища въ немъ сочувствія.

Достоевскій ищетъ выхода, разрѣшенія мучительныхъ вопросовъ, ужасы жизни давятъ его, онъ не знаетъ, какъ справиться съ ними, гдѣ искать спасенія отъ зла и неправды.

А кругомъ стояла темная ночь жизни, несравненно болѣе ужасная, чѣмъ теперь, хотя и у насъ не свѣтло. Это было страшное, безпросвѣтно-мрачное время русской исторіи, всюду царили произволъ, насиліе, гнетъ. „Чернымъ черно неправдой черной" страна была сдавлена въ тискахъ власти и силы, негдѣ было искать правды, суда, защиты, помощи, жизнь человѣческую давила жестокость сильныхъ, невѣжество, звѣрство. Надъ крестьянствомъ царило крѣпостное право, угроза тюрьмы, каторги, кнута, плетей, шпицрутеновъ, и всевозможныхъ видовъ битья и истязанія, ужасная солдатчина. Всю Россію угнеталъ сыскъ, гоненія вѣры, правды, свободы, стонъ стоялъ отъ насилій надъ русскимъ человѣкомъ, надъ его тѣломъ, совѣстью, мыслью, страшно было свободно дохнуть, смѣло пошевелиться. Вся Россія и въ дѣлахъ, и въ мысляхъ, и въ совѣсти своей какъ бы скована была желѣзными цѣпями и окутана непроглядной мглой страшной по своей памяти Николаевской эпохи.

Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ — имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.

Глинка.

„Бѣдные люди", какъ чуткій отвѣтъ на запросы дѣйствительности.

Дѣйствительно — кто виноватъ? Вотъ тотъ огромной важности вопросъ, тотъ центральный узелъ творчества Достоевскаго, въ которомъ со страшной силою срослись всѣ нити геніально-больной души.

его. Вопросъ этотъ съ тревожной, властной настойчивостью повсюду преслѣдуетъ сознаніе великаго писателя, виситъ надъ нимъ, какъ темная загадка жизни, терзая и мучая его своей таинственной глубиной.

На литературное поприще Достоевскій выступилъ въ славную эпоху 40-хъ годовъ; онъ былъ однимъ изъ юныхъ, только-что загорѣвшихся свѣтилъ въ „яркомъ созвѣздіи людей 40-хъ годовъ". То было время пышнаго расцвѣта умственной жизни въ кружкахъ Станкевича и Герцена, и совершенно безцвѣтнаго прозябанія русской общественности и политической жизни. Внѣ этого прекраснаго, благоухающаго букета жизни лучшихъ людей, за ея предѣлами тянулась огромная Русь, сѣрая, тусклая и жалкая. Блестящее созвѣздіе людей 40-хъ годовъ сіяло яркимъ свѣтомъ въ непроглядной мглѣ страшной по своей памяти Николаевской эпохи.

Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ — имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ конфликтъ идеальныхъ стремленій лучшихъ людей того времени съ средой, съ общимъ строемъ жизни не могъ не сказаться съ поразительной остротой и силой. Разладъ высоко развитой личности и соціальнаго строя, антагонизмъ индивидуальности и общества проявился здѣсь съ такой ужасающей рѣзкостью, какой онъ едва ли достигалъ у насъ когда-либо до и послѣ этого времени. Здѣсь нашелъ для себя изобилующую плодородіемъ ниву знаменитый типъ „лишняго русскаго человѣка". Наша изящная литература собрала на этой почвѣ пышную жатву. Начиная съ Пушкинскаго Онѣгина, типъ лишняго человѣка сдѣлался первой заботой и высшей гордостью русскаго художника. Этотъ типъ проходитъ красной нитью чрезъ всю исторію нашего художественнаго творчества, 40-мъ же годамъ онъ свойственъ, по преимуществу, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни... Всѣ лучшіе люди этой эпохи были лишними людьми. Станкевичъ и Грановскій, Бѣлинскій и Герценъ — все это „живые лишніе люди"; соль земли, гордость времени, его знаменосцы, — но все же лишніе люди. Извѣстные своимъ яркимъ блескомъ, далеко неугасшимъ и понынѣ, кружки Станкевича и Герцена были истинными разсадниками лишнихъ людей... Родная нива гражданскаго безвременья, крѣпостного права и до-реформенныхъ порядковъ взрощала ихъ въ изобиліи... И многіе изъ этихъ живыхъ лишнихъ людей до того прекрасны, до того отчетливо и ярко обрисовываются въ исторической перспективѣ минувшей эпохи, что теперь, полстолѣтія спустя, они кажутся какъ бы художественными типами, образами, геніально обрисованными могучей кистью какого-нибудь великаго художника, а не живыми людьми, созданными самой жизнью. Историческая дѣйствительность здѣсь какъ бы сама создавала типы.

Въ самомъ дѣлѣ, живая, обаятельная личность, напримѣръ, Герцена до того типична, что она можетъ считаться гораздо болѣе великимъ художественнымъ обобщеніемъ, чѣмъ имъ самимъ, созданный

типъ Бельтова (въ „Кто виноватъ“). Не даромъ говорятъ, что природа — самый совершенный художникъ.

Въ созданіи лишняго человѣка, какъ типическаго обобщенія, историческая дѣйствительность въ 40-ые годы оказалась лучшимъ художникомъ, чѣмъ русская художественная литература.

Какъ бы то ни было, но 40-ые годы и въ литературѣ и въ жизни выдвинули цѣлую плеяду лишнихъ людей. Это излишество для мрачной и скудной общественной жизни до-реформеннаго времени такихъ людей, какъ Грановскій, Бѣлинскій и Герценъ, достаточно краснорѣчиво говоритъ объ истинномъ значеніи „лишнихъ людей“ въ русской дѣйствительности. Исторія развитія нашего общественнаго сомосознанія достаточно показала, что „лишніе“ съ точку зрѣнія своего времени, они оказались далеко не лишними въ глазахъ грядущаго...

Трагедія разлада поднявшейся высоко въ небо индивидуальности лишняго человѣка 40-хъ годовъ, съ одной стороны, соціальнаго строя, до-реформенной Николаевской Руси — съ другой, выставила со всей силой страстно томящій и мучительно-неотступный вопросъ: кто виноватъ? Герценъ въ своемъ знаменитомъ романѣ заявилъ о немъ во всеуслышаніе въ литературѣ, безмолвно же онъ царилъ въ то смрадное время повсюду, всегда готовый сорваться съ устъ; всякій, кто мучился трагедіей времени и его недугами, волновался и этимъ вопросомъ.

Но вопросъ „кто виноватъ?“ въ 40-ые годы былъ не только поставленъ, онъ былъ по-своему и рѣшенъ. Герценъ, Бѣлинскій и другіе, каждый по-своему, но почти единодушно отвѣчали на него: крѣпостное право — вотъ гдѣ рѣшеніе мучительнаго вопроса о виновности!

И Достоевскій, будучи тогда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, находясь одно время подъ сильнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго, несомнѣнно волновался вопросомъ своего времени, и отвѣтъ на него бралъ у руководящихъ временемъ умовъ. Со всей страстью юной души своей негодовалъ онъ на крѣпостное право, смотрѣлъ на него, какъ на коренное, величайшее зло, какъ на главнаго виновника бѣдствій Россіи. „Я помню“, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Милюковъ, „какъ съ обычной своей энергіей Достоевскій читалъ стихотвореніе Пушкина „Уединеніе“. Какъ теперь слышу восторженный голосъ, съ какимъ онъ произнесъ заключительный куплетъ:

Увижу ль, о, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!...

Когда однажды споръ сошелъ на вопросъ: „Ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ черезъ возстаніе!“ Достоевскій воскликнулъ: „Хотя бы черезъ возстаніе“... И затѣмъ на слѣдствіи Достоевскій, „сознаваясь въ участіи въ разговорахъ

о возможности нѣкоторыхъ перемѣнъ и улучшеній, отозвался, что предполагалъ ожидать этого отъ правительства". Въ кружкѣ Петрашевцевъ на Достоевскаго возлагались, какъ сообщаетъ одинъ изъ его біографовъ, не малыя надежды...

Первое произведеніе Достоевскаго „Бѣдные люди", надѣлавшее въ свое время необыкновенно много шуму, въ сущности не болѣе, какъ талантливый художественный варіантъ на тему „кто виноватъ!"— именно въ томъ освѣщеніи, которое давалось тогда этому вопросу. Это былъ именно отвѣтъ на запросы, которыми болѣли и мучились лучшіе лишніе люди того времени... Потому-то Григоровичъ и Некрасовъ цѣлую ночь просидѣли за „Бѣдными людьми" и явились рано утромъ къ автору, чтобы радостно привѣтствовать и обнять его... Бѣлинскій встрѣтилъ молодого художника съ рѣдкимъ для него безграничнымъ восторгомъ. Онъ, какъ основательно предполагаетъ Ев. Соловьевъ, увидѣлъ въ „Бѣдныхъ людяхъ" подтвержденіе своей любимой мысли, что ненормальныя общественныя условія коверкаютъ, ломаютъ, обезчеловѣчиваютъ человѣка, доводя его до такого ничтожества, что онъ теряетъ образъ и подобіе!..."

По выходѣ въ свѣтъ „Бѣдныхъ людей" Бѣлинскій писалъ: „Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: „вѣдь это тоже люди, ваши братія!" (X т. 349.)

Такъ началъ Достоевскій... Позже онъ глубже претворилъ великую проблему своего времени, развернулъ ее до необъятной шири и своеобразно переработалъ своимъ творческимъ геніемъ. Въ его творчествѣ, взятомъ въ цѣломъ, вопросъ этотъ выросъ и осложнился до удивительныхъ размѣровъ. Это уже не соціальный вопросъ до-реформенной крѣпостной Россіи, какъ онъ понимался лучшими умами 40-хъ годовъ, это высшая философская проблема, до которой только можетъ вообще подняться человѣческій духъ...

Дѣло въ томъ, что Достоевскій, всосавъ съ свойственной ему страстной отзывчивостью самый жгучій вопросъ своей эпохи, проволочилъ его за собой на всемъ протяженіи своей долгой многострадальной жизни. Вопросъ „кто виноватъ?" стоялъ предъ его сознаніемъ, какъ страшная и темная загадка, онъ сопровождалъ многострадальнаго писателя на каторгу, мучилъ его въ „мертвомъ домѣ" и всюду, гдѣ „онъ измученный влачился по дорогѣ, бряцая звеньями страдальческихъ цѣпей"...

Впервые, такимъ образомъ, какъ это само собой понятно, вниманіе Достоевскаго къ униженнымъ и оскорбленнымъ приковывается подъ вліяніемъ общихъ симпатій и господствующихъ вѣяній литературы того времени. Сначала униженіе и оскорбленіе представляется ему только, какъ фактъ соціальный. Онъ болѣе разсудочно, чѣмъ по непосредственно переживаемымъ впечатлѣніямъ протестуетъ противъ величайшаго соціальнаго недуга. Позже жизнь ставитъ чуткаго художника лицомъ къ лицу съ живымъ страданіемъ, которое всегда

индивидуально. Онъ ближе всматривается въ ужасныя зрѣлища униженности и оскорбленности, глубже вдумывается въ нихъ, и по мѣрѣ собственныхъ жизненныхъ переживаній вниманіемъ Достоевскаго все болѣе и болѣе завладѣваютъ особые, частные виды страданія... Это уже не соціальный фактъ, а цѣлый рядъ фактовъ, своеобразныхъ, индивидуальныхъ мученій, страшныхъ именно въ ихъ исключительности и индивидуальности, томительно-неотвязчивыхъ по впечатлѣнію... Жизнь развертывается передъ геніемъ Достоевскаго со всей бездонной глубиной и необъятной ширью горизонта. И страданія, безконечныя страданія, страшныя и ужасныя, всюду преслѣдуютъ его чуткую, отзывчивую душу. Великій художникъ съ мучительной жадностью всматривается въ это бушующее море человѣческой скорби, въ эту неисчерпаемую бездну людского горя, не переставая въ изступленномъ раздраженіи спрашивать себя: кто же виноватъ, кого винить, съ кого спрашивать?

И вотъ, уже рѣшеніе своего времени, рѣшеніе юности надъ нимъ становится невластно, онъ съ своимъ художественнымъ анализомъ такъ глубоко проникъ въ страдальческія раны и болѣзненные изгибы человѣческой души, что не въ состояніи удовлетвориться прежнимъ отвѣтомъ, не въ состояніи разсматривать униженіе и оскорбленіе только лишь сквозь призму крѣпостного права, какъ фактъ соціальной жизни...

Наконецъ, „порвалась цѣпь великая“, пали вѣковыя цѣпи рабства крѣпостного права, „а вокругъ, какъ прежде, сумракъ безъ просвѣта

И, какъ прежде, жизнь и душитъ и томитъ!...“

Неотвязчивое зрѣлище униженности и оскорбленности съ прежнею силою мучитъ изболѣвшую душу Достоевскаго, страданіе попрежнему неотступно приковываетъ къ себѣ его вниманіе и своимъ ужаснымъ видомъ снова и снова воспаляетъ неудовлетворенную жажду разгадать страшную загадку жизни — „кто виноватъ?“ Съ этимъ вопросомъ, какъ я уже говорилъ выше, онъ писалъ своихъ „Бѣдныхъ людей“, съ нимъ онъ прошелъ каторгу, съ нимъ же затѣмъ, послѣ долгаго перерыва вернулся снова къ литературѣ. И когда 60-е годы въ лицѣ своего вождя выдвинули еще болѣе жгучій и насущный вопросъ „что дѣлать?“, Достоевскій рѣшалъ его уже совсѣмъ на свой ладъ, своеобразно преломляя сквозь призму своихъ собственныхъ страдальческихъ перевоплощеній. Общее рѣшеніе времени на этотъ разъ его не коснулось, — онъ уже имѣлъ свое. Жизнь и характеръ великаго писателя въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ своеобразность его отвѣта на оба вопроса: кто виноватъ и что дѣлать?

Глинка.

Герои „Бѣдныхъ людей“, какъ провозвѣстники новаго литературнаго жанра.

Достоевскій вошелъ въ русскую литературу какъ писатель оригинальный, какъ писатель серіозно обѣщающій, съ своими „Бѣдными людьми“, которые появились, кажется, въ въ 1846 г., въ извѣстномъ „Петербургскомъ Сборникѣ“, рядомъ съ стихотвореніями Некрасова на очередные тогда гражданскіе мотивы, рядомъ съ критическими очерками Бѣлинскаго, публицистикой Герцена и проч., и проч.

„Бѣдные люди“ сразу составили имя молодому автору. Они были едва ли не отдаленнымъ родоначальникомъ всей той литературы униженныхъ и оскорбленныхъ, которая разрослась потомъ до размѣровъ цѣлой обширной школы.

Если, съ одной стороны, въ „Бѣдныхъ людяхъ“ слышалась общая романтическая нота тридцатыхъ годовъ, сообщавшая этому произведенію нѣсколько идиллическій и томный характеръ, то самый выборъ сюжета, сама сфера жизни, затронутой авторомъ, несомнѣнно говорили о новыхъ взглядахъ и стремленіяхъ. Это была одна изъ первыхъ замѣтныхъ пѣсенъ пролетаріата, который выступалъ на очередь въ общественномъ сознаніи, котораго интересы стали выдвигаться передовыми кружками общества.

Въ романѣ „Кто виноватъ“, современномъ „Бѣднымъ людямъ“, хотя гораздо болѣе страстномъ и могучемъ, пролетаріатъ еще не выступаетъ на сцену, какъ цѣлая замкнутая сфера жизни, имѣющая свои особенныя черты, свое особенное горе, свои особенные интересы. „Кто виноватъ“ еще вполнѣ романъ изъ господствующаго дворянскаго быта, онъ случайно открывалъ только уголокъ завѣсы, скрывавшей темный и душный міръ бѣдности и безправія, такъ сказать, по ремеслу, по наслѣдственному званію; но онъ далеко не былъ посвященъ пролетаріату, и его герои были только протестантами и революціонерами въ обычной средѣ достатка, власти и досуга... Только долго спустя послѣ „Бѣдныхъ людей“ появился, однако, тотъ литературный жанръ, котораго провозвѣстникомъ были они. Для этого нужно было совершиться большимъ перемѣнамъ въ судьбахъ внутренней политики Россіи.

Только вѣяніе 19-го февраля настолько очистило литературную атмосферу, что въ ней могли раздаться довольно свободно многочисленные голоса сочувствія къ униженному и оскорбленному. Но голоса эти уже не ограничивались одною сферою низшаго, придавленнаго чиновничества; они вошли въ самую глубь пролетаріата и дѣлали своими героями даже пересыльнаго арестанта, даже бѣглаго каторжника... Тѣмъ интереснѣе обратить вниманіе на внутренній строй писателя, который успѣлъ сочетать задачи новѣйшей тенденціозно-обличительной натуральной школы, школы Щедрина, Помяловскаго, Рѣшетникова, съ романтическою поэзіей прошлаго.

„Бѣдные люди“ нарисованы Достоевскимъ, дѣйствительно, бѣдными людьми. Вся ихъ безпомощность, весь безысходный ужасъ ихъ положенія у васъ передъ глазами. Это, въ сущности, тѣ же картины, которыя вы встрѣтите потомъ въ „Преступленіи и наказаніи“, въ горькихъ стихахъ Некрасова, въ безнадежныхъ очеркахъ Помяловскаго или Глѣба Успенскаго... Тамъ — нищій чиновникъ Горшковъ униженно проситъ у такого же нищаго чиновника Макара Дѣвушкина гривенникъ на пропитаніе семьи: „Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, — говоритъ онъ, — я многаго и не прошу, а вотъ такъ и такъ (тутъ онъ покраснѣлъ) — жена, говоритъ, дѣти, голодно, хоть гривенничекъ какъ-нибудь. Ну, тутъ ужъ мнѣ самому сердце защемило. Куда, думаю, меня перещеголяли! А всего-то у меня и оставалось 20 копеекъ, да я на нихъ расчитывалъ: хотѣлъ на свои крайнія нужды истратить.

— Нѣтъ, голубчикъ мой не могу; вотъ такъ и такъ, говорю.

— Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, хоть что хотите говорить, хоть десять копеечекъ.

— Ну, я ему и вынулъ изъ ящика, и отдалъ свои 20 копеекъ, маточка, все доброе дѣло! Эхъ, нищета-то!“

Ежедневный бытъ Горшкова такъ описанъ авторомъ: „Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ... Люди смирные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ... Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы, лѣтъ семь тому, исключенный за что-то. Фамилія его Горшковъ. Такой сѣдѣнькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкій, хилый такой; колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужъ отъ болѣзни что ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой... Бѣдны-то они бѣдны, — Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда-нибудь порѣзвились, поиграли дѣти, а ужъ это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ вечеромъ случилось мимо ихъ дверей пройти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипыванье, потомъ шопотъ, потомъ опять всхлипыванье, точно какъ будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко“...

Хорошъ этотъ Горшковъ и въ гостяхъ: „вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него, какъ и всегда, на рѣсницахъ гноится; шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда, изломанный, да другого не было. Чайку предложилъ, Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ, однакоже, взялъ стаканъ. Хотѣлъ было безъ сахара пить, началъ опять извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что нужно взять сахару; долго спорилъ, отказываясь, наконецъ, положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Эка, до униженія какого доводитъ людей нищета!“

Такими типами наполнены „Бѣдные люди“. Тамъ видите вы чахоточнаго студента Покровскаго, живущаго дешевыми уроками на

счетъ своихъ послѣднихъ легкихъ, молча и одиноко умирающаго въ своей конуркѣ, на хозяйскихъ хлѣбахъ, влюбленнаго въ такую же нищую дѣвушку, и несмѣющаго даже сказать ей, что онъ любитъ ее... Тамъ видите вы пьянчужку-отца этого юноши, жалкаго уличнаго забулдыгу, прототипа того самаго Мармеладова, который является вамъ уже въ совершенно другой окраскѣ въ „Преступленіи и наказаніи“: „Можно было подумать, что онъ какъ будто чего-то стыдится, какъ будто ему самому себя совѣстно. Отчего онъ все какъ-то ёжился, какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было, почти не ошибаясь, заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ пройдетъ — я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему, то онъ сейчасъ машетъ, машетъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только кивнешь ему головою и позовешь его — условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войти, когда ему угодно, — только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ“.

Этотъ спившійся старичишка жалокъ, но не отвратителенъ. Вы чуете въ немъ душу человѣка, еще не совсѣмъ погибшую, подъ гнетомъ нищенскаго разврата. „Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петеньку. Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно, отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ; обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, то онъ меня минутъ двадцать, бывало, разспрашивалъ, что, каковъ Петенька? Здоровъ ли онъ? Въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается ли чѣмъ-либо важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокоивала, то старикъ, наконецъ, рѣшался войти и тихо-тихо, осторожно-осторожно, отворялъ дверь, просовывая сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая съ оторванными полями, — все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ-нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петеньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподнимался съ мѣста и объяснялъ, „что, дескать, я такъ Петенька, я на минутку. Я вотъ далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ“. И потомъ безмолвно, покорно, бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накипѣвшее горе и не выказать его сыну“.

Когда чахотка унесла, наконецъ, его Петеньку, старикъ бѣжитъ за его гробомъ, какъ вѣрный осиротѣвшій песъ за своимъ господи-

номъ. „...Плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его смокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ, изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья“...

Невольно вспоминается, при этой картинѣ простого и глубокаго человѣческаго чувства, тотъ витіеватый себялюбецъ-отецъ и тотъ, рыкающій цинизмомъ, сынокъ его, которыхъ авторъ рисуетъ намъ такъ подробно въ „Бѣсахъ“, въ лицѣ своихъ главныхъ героевъ, Степана Трофимовича и Петра Степановича Верховенскихъ.

Герои „Бѣдныхъ людей“ совершенно подходятъ подъ всю свою обстановку. Заброшенная и обманутая дѣвушка Варя, не имѣющая на что̀ купить золотникъ шелку для работы, и сосѣдъ ея по улицѣ Макаръ Дѣвушкинъ, вѣчный переписчикъ канцелярскихъ бумагъ, которому его жалованья не хватаетъ на сапоги. Оторванная отъ вицъмундира пуговица и новый воротничекъ къ манишкѣ составляютъ для нихъ серіозный жизненный вопросъ, служатъ предметомъ размышленія и переписки. Подаренный горшечекъ съ гераніями кажется бѣдной Варенькѣ непростительнымъ мотовствомъ ея милаго и опасностью для его благосостоянія. И, однако, они живутъ полною, теплою, осмысленною жизнью. Живутъ, потому что любятъ.

Это не любовь самца и самки, случайно грѣющихся на одномъ солнцѣ; не та любовь юныхъ пролетаріевъ, въ общей корзинѣ пуху, среди скромныхъ испареній съѣстного рынка, которую знали Cadine и Marjolin въ „Le ventre de Paris“, — нѣтъ, это глубокое влеченіе одной доброй человѣческой души къ другой, такой же доброй; это тихій протестъ бѣдности, лишенной внѣшняго счастія, противъ неправды судьбы; вѣчная потребность человѣка, хотя въ мечтѣ, насладиться сочувствіемъ другого сердца и тѣснымъ общеніемъ съ нимъ... Изображеніе Достоевскимъ этой тихой безпритязательной любви простыхъ людей теперь покажется, быть можетъ, нѣсколько переслащеннымъ и сентиментальнымъ. Но если въ немъ и есть нѣкоторая односторонность, она не особенно вредитъ трогательности и нравственному значенію разсказа.

Въ послѣднее время мы стали такъ тонко-умны и такъ небрежно насмѣшливы и выработали въ себѣ такой тактъ приличія, что, конечно, ни за что бы не позволили себѣ вдаться въ усиленныя изліянія какого-то Макара Дѣвушкина. Въ этой области намъ гораздо понятнѣе и сочувственнѣе игривый и рѣшительный жаргонъ тѣхъ веселыхъ собесѣдницъ холостыхъ ужиновъ, которыя слывутъ въ Парижѣ подъ лаконическимъ титуломъ: ces dames... Послѣ этихъ знакомыхъ и сладкихъ сердцу:

Place à ma bottine!
Je suis cabotine... etc., etc..

Послѣ разныхъ откровенно-реальныхъ признаній въ родѣ знаменитаго гимна Belle Hélène:

Il nous faut de l'amour,
N'en fut plus dans le monde,
De l'amour, de l'amour, de l'amour!...

конечно, какимъ жалкимъ, чуть не идіотскимъ „миндальничаньемъ" покажется робкое воркованіе двухъ влюбленныхъ нищихъ. Въ самомъ дѣлѣ, послушайте эти пошлыя, сто разъ повторяющіяся ласкательныя словечки забитыхъ людишекъ, эту взаимную униженность, эту трусливость духа, вошедшую въ плоть и кровь ихъ.

„Да и насъ какъ вы безъ головы оставите"?... пишетъ Макаръ Дѣвушкинъ своей Варенькѣ. „Ну что мы будемъ дѣлать тогда безъ васъ? что я, старикъ, буду дѣлать тогда? Вы намъ не нужны? Неполезны? Какъ — неполезны? Нѣтъ, вы, маточка, сами разсудите, какъ же вы неполезны? Вы мнѣ очень полезны, Варенька... Вы такое вліяніе имѣете благотворное... Вотъ я объ васъ думаю теперь и мнѣ весело. Я вамъ иной разъ письмо напишу и всѣ чувства въ немъ изложу, на что подробный отвѣтъ отъ васъ получаю... Гардеробцу вамъ накупилъ, шляпку сдѣлалъ; отъ васъ комиссія подчасъ выходитъ какая-нибудь, я и комиссію... Нѣтъ, какъ вы неполезны? Да и что я буду дѣлать одинъ на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ быть, объ этомъ и не подумали, Варенька; нѣтъ, вы именно объ этомъ подумайте, что вотъ, дескать, на что онъ будетъ безъ меня то годиться"?...

Ей захочется цвѣточекъ на окошко, — онъ бродитъ цѣлое утро по базару и отыскиваетъ ей любимый розанчикъ; онъ остается безъ денегъ, она тихонько шлетъ ему свой послѣдній полтинникъ. „Посылаете мнѣ еще полтинничекъ, Варенька, и этотъ полтинничекъ мнѣ мое сердце пронзилъ. Такъ, такъ то оно теперь стало, такъ вотъ оно какъ! т.-е. это не я, старый дуракъ, вамъ, ангелочку, помогаю, а вы, сироточка моя бѣдненькая, мнѣ"!

Она для него доченька, ангельчикъ, маточка, голубчикъ-жизненочикъ; другихъ словъ нѣтъ у него для нея. Онъ живетъ не только въ ней, но даже въ вещахъ, къ которымъ прикасалась ея рука. Когда судьба Вареньки свершилась, и ей пришлось итти замужъ за грубаго реалиста Быкова, Макаръ Алексѣевичъ бродитъ по опустѣвшей знакомой квартиркѣ, останавливаясь, какъ передъ святынею, передъ ея „пяличками", ея неоконченнымъ шитьемъ, „лоскуточками разными". — „На одно письмецо мое вы ниточки начали было наматывать", грустно сообщаетъ онъ ей. „Въ столикѣ нашелъ бумажки листочекъ, а на бумажкѣ написано: „Милостивый государь, Макаръ Алексѣевичъ, спѣшу" — и только"...

Онъ не въ силахъ раздѣлаться съ тѣмъ сладкимъ душевнымъ міромъ, который создала ему его долгая мечта, не въ силахъ повѣрить въ роковую дѣйствительность того, что вдругъ наступило, что такъ

грубо уносило отъ него навсегда его Вареньку. „Да послушайте, маточка, вы разсудите, голубчикъ мой миленькій, какъ же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали“? пишетъ онъ ей свое послѣднее, растерянное письмо: „Родная моя, вѣдь вамъ ѣхать нельзя, невозможно, просто, рѣшительно никакой возможности нѣтъ! Вѣдь дождь идетъ, а вы слабенькія, вы простудитесь. Ваша карета промокнетъ, она непремѣнно промокнетъ. Она, только что вы за заставу выѣдете, и сломается, нарочно сломается. Вѣдь здѣсь, въ Петербургѣ, прескверныя кареты дѣлаютъ! Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю, они только, чтобы фасончикъ, игрушечку тамъ какую-нибудь смастеритъ, а непрочно! Присягну, что не прочно дѣлаютъ! Я, маточка, на колѣни передъ господиномъ Быковымъ брошусь; я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резономъ докажите ему! Скажите, что вы остаетесь, и что вы не можете ѣхать!... Ахъ, зачѣмъ это онъ въ Москвѣ на купчихѣ не женился? Ужъ пусть бы онъ тамъ на ней то женился. Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла, ужъ это я знаю почему“...

Эти жалкіе сентименталы-пролетаріи умѣли быть несчастными, но не умѣли еще топиться въ Невѣ и стрѣляться изъ револьверовъ.

Мы нарочно приводимъ подлинные отрывки изъ „Бѣдныхъ людей“. Мы хотимъ показать ими, что писатель можетъ всецѣло предаться изображенію общественнаго горя, общественнаго зла, не убивая въ себѣ и въ своемъ читателѣ любви къ человѣчеству, вѣры въ человѣчество. Когда звучатъ такія струны, какія слышимъ мы въ „Бѣдныхъ людяхъ“, само несчастіе человѣка имѣетъ своего рода смыслъ, своего рода достоинство.

Энергія негодованія противъ вредныхъ условій жизни, противъ злыхъ элементовъ ея, нисколько не ослабѣваетъ въ читателѣ черезъ то, что художественное творчество проникается теплымъ сочувствіемъ къ міру, а не враждою къ нему... *Марковъ.*

Составъ каторги, жизнь и нравы ея обитателей, художественное изображеніе ихъ характеровъ, согрѣтое теплымъ чувствомъ и озаренное гуманнымъ свѣтомъ.

Кому не случалось видѣть на большой дорогѣ или даже на городскихъ улицахъ толпы людей, въ сѣрыхъ курткахъ и шинеляхъ, съ бритыми головами, которые въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ и повозокъ бредутъ, тяжело передвигая скованныя ноги? Кто не знаетъ, что эти сѣрыя толпы постоянно направляются къ востоку и почти никогда не возвращаются въ обратномъ направленіи? Кто не слыхалъ что эти преступники или, какъ говоритъ нашъ народъ, несчастные, наказанные закономъ, которые простясь съ родиной, могилами отцовъ и колыбелями дѣтей, идутъ въ Сибирь, гдѣ однихъ ждетъ новая

трудовая жизнь, а другихъ каторжная работа, болѣе или менѣе продолжительная! Все это намъ хорошо извѣстно.

Но многіе ли знаютъ отчетливо, что это за преступники или несчастные, какія совершили они преступленія и при какихъ обстоятельствахъ, что такое эта каторга и какая въ ней ожидаетъ ихъ жизнь? Вѣроятно, при этой мысли мы отвѣтимъ, что каторжные не что иное, какъ убійцы и разбойники, осужденные на дальнее поселеніе или на работы въ сибирскихъ рудникахъ. Вотъ все, что извѣстно объ этомъ большинству нашей публики. Да откуда же намъ и узнать это подробнѣе и яснѣе? Толпы каторжныхъ, постоянно двигаясь на востокъ, остаются за Ураломъ, и рѣдко кто возвращается изъ за этой каменной стѣны. Свободные люди, уѣзжающіе въ Сибирь на службу или по промысламъ, если и встрѣчаютъ поселенцевъ, освобожденныхъ изъ каторги, то узнаютъ отъ нихъ очень немногое, потому что эти люди неохотно говорятъ о своихъ минувшихъ несчастіяхъ или не знаютъ, что именно сказать и на что указать.

Еще жизнь уволенныхъ отъ работъ поселенцевъ доступна для посторонняго наблюдателя, и мы встрѣчали въ нашей литературѣ очерки этого быта, нерѣдко довольно вѣрные и полные. Но самая каторга, ея жизнь и нравы, составъ ея страшнаго общества — оставались для насъ рѣшительно недоступною terra incognita. До сихъ поръ у насъ не было Данта, который самъ спустился бы въ эти вертепы преступленія и страданій, приглядѣлся къ страшнымъ сценамъ этого чистилища и ада, изучилъ нравы и бытъ этихъ непогребенныхъ мертвецовъ и передалъ намъ это въ полной и живописной картинѣ. Первымъ сочиненіемъ по этому предмету даритъ нашу литературу Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“. Съ первыхъ страницъ его книги вы входите въ міръ совершенно новый и неизвѣстный, слѣдите за разсказчикомъ съ напряженнымъ любопытствомъ и участіемъ. Это одно изъ такихъ сочиненій, которыя приковываютъ ваше вниманіе поразительной свѣжестью впечатлѣнія, точно книга какого-нибудь Ливингстона, сообщающаго открытія въ незнакомомъ и любопытномъ мірѣ, съ тою разницею, что англійскій путешественникъ разсказываетъ о странахъ, хотя до сихъ поръ таинственныхъ, но все же не совсѣмъ недоступныхъ, между тѣмъ какъ авторъ „Мертваго Дома“ знакомитъ насъ съ другимъ, можно сказать загробнымъ свѣтомъ, въ который не ступала нога писателя или изъ котораго она еще не выходила.

Картина Мертваго дома, или каторжнаго острога, въ который вводитъ насъ Достоевскій, поразительна своей новостью и страшной правдою. Съ самыхъ далекихъ временъ народная фантазія или воображеніе поэтовъ представляли намъ адъ, какъ мѣсто вѣчной казни, на которую обрекаетъ небесное правосудіе за преступленія и злодѣйства. Вспомните тартаръ древнихъ грековъ, окруженный пламеннымъ Флегетономъ, гдѣ Танталъ изнываетъ въ неутолимой жаждѣ, Сизифъ вѣчно катитъ на гору свой камень и Данаиды осуждены на страшно

безплодный трудъ наливать бездонную бочку. Вспомните адъ Данта, съ его безконечными изгибами, гдѣ преступники закованы въ никогда не тающіе льды, захлебываются въ удушливо-смрадномъ болотѣ и гдѣ Уголино вѣчно вгрызается окровавленными зубами въ черепъ Руджіеро. Вспомните, наконецъ, хаотическій адъ Байрона, на блуждающей кометѣ, полный мукъ въ одномъ существованіи безъ свѣта и жизни, безъ страстей и даже страданій, въ одной призрачной и томительной безличности. Передъ этими страшными картинами вы останавливаетесь съ трепетомъ и жалостью, съ негодованіемъ на порокъ и укоризною на жестокость суда.

Такія же чувства пробудили въ насъ и „Записки изъ мертваго дома“. По мѣрѣ чтенія, намъ казалось, что Достоевскій, точно Виргилій, ведетъ насъ въ какой-то страшный міръ страданій, въ какой-то новый адъ, только не фантастическій, а дѣйствительный, и показываетъ намъ такія же преступленія и страданія, но тѣмъ болѣе ужасныя, что это не вымыселъ поэта, а голая правда.

Какъ при входѣ Дантова ада вы встрѣчаете страшную надпись: lasciate ogni speranza, voi ch'entrate, такъ и здѣсь съ первымъ шагомъ въ каторжный острогъ авторъ говоритъ вамъ: „Надобно полагать, что нѣтъ такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя“. И посмотрите, какая мрачная картина открывается вамъ за острожнымъ частоколомъ, среди этого отверженнаго общества. Какъ въ изворотахъ Дантова ада, въ Мертвомъ домѣ три отдѣла: первый слой составляютъ каторжные военнаго разряда, не лишенные правъ состоянія и присланные на короткіе сроки въ чистилище, изъ котораго они выходятъ въ сибирскіе баталіоны; ко второму принадлежатъ ссыльно-каторжные разряда гражданскаго, присылаемые на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, послѣ чего они обращаются въ поселенцевъ по волостямъ, гдѣ иныхъ ждетъ можетъ-быть и спокойная жизнь. Наконецъ въ послѣднемъ слоѣ этого ада есть особое отдѣленіе, называемое „всегдашнимъ“, куда поступаютъ преступники, обреченные на безсрочныя работы и называющіе себя *вѣчными*. Всѣ живутъ въ общихъ казармахъ — и разбойники по натурѣ, и убійцы по ремеслу, и преступники невзначай, и злодѣи изъ фанатизма, и несчастные, которыхъ натолкнулъ на преступленіе случай, и страдальцы, виновные только въ несходствѣ своего образа мыслей съ убѣжденіями общественной силы и власти. Все это лица мрачныя, почти всегда молчаливыя, въ отверженномъ костюмѣ: у однихъ половина куртки темнобурая, а половина сѣрая, у другихъ вся куртка сѣрая, а рукава темнобурые. Днемъ шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копоть, бритыя головы, клейменыя лица, лоскутныя платья; ночью сонный говоръ и бредъ, въ которомъ слышатся воровскія слова, ножи, топоры. Отвращеніе и ненависть къ работѣ, воровство, шпіонство и доносы, безпрестанныя наказанія, контрабандная торговля виномъ, ростовщичество — „вотъ узы страшнаго семейства“. И какая жизнь: постель на трехъ доскахъ грязныхъ наръ, щи

съ огромнымъ количествомъ тараканов, по ночамъ азартныя игры, иногда пьяный арестантъ, въ одинъ праздникъ пропивающій деньги, накопленныя въ цѣлые мѣсяцы, и въ этой толпѣ изъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ пришлецы со всѣхъ концовъ Россіи, раскольники, поляки, черкесы, татары, — въ буквальномъ смыслѣ самая разнородная смѣсь

Племенъ, нарѣчій, состояній!

Не правда ли, что картина ничѣмъ не уступаетъ страшной картинѣ ада, созданнаго Дантомъ? Не окажется ли она даже вымысломъ мрачной фантазіи, похожденіемъ ужаснаго настроенія духа, въ которомъ поэтъ хотѣлъ нарисовать намъ самыя страшныя картины нечеловѣческо-уродливой жизни? И не становится ли еще ужаснѣе эта картина, когда мы знаемъ, что она не въ глубинѣ преисподней, а на поверхности земли, въ нашемъ Божьемъ мірѣ, освѣщенномъ солнцемъ, наполненномъ благоуханіемъ цвѣтовъ; что это не безтѣлесныя тѣни отжившихъ, а живые люди съ плотью и кровью, которые хоть и умерли нравственно, но еще живутъ тѣломъ, головою и даже сердцемъ? Не поучительно ли заглянуть въ печальный міръ этихъ людей, оторванныхъ отъ общества преступленіемъ, совершоннымъ подъ различными психическими условіями, при различіи темперамента, воспитанія, жизненной обстановки, нравственныхъ началъ или противорѣчія съ общественными законами? Не любопытно ли всмотрѣться въ это общество, сведенное и поддерживаемое въ принужденной работѣ, составленное изъ существъ съ исключительными страстями и надеждами? И Достоевскій представляетъ намъ рядъ портретовъ, чрезвычайно разнообразныхъ и типичныхъ.

Вотъ страшный разбойникъ Газинъ, который не разъ бѣгалъ, перемѣнялъ имя и попалъ въ „особое отдѣленіе". Про него разсказывали, что онъ заведетъ ребенка, напугаетъ, измучаетъ его и, насладившись вполнѣ трепетомъ маленькой жертвы, зарѣжетъ ее медленно. Вотъ злодѣй Орловъ, уличенный во многихъ убійствахъ. Пройдя сквозь строй половину назначеннаго числа палокъ, онъ возвращается съ опухлой спиною кроваво-синяго цвѣта и торопится выписаться изъ лазарета, чтобы совсѣмъ покончить съ наказаніемъ. „Выхожу остальное число ударовъ, говоритъ онъ товарищамъ, и тотчасъ же отправятъ въ Нерчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу, непремѣнно бѣгу, только бы спина зажила!" Вотъ шестидесятилѣтній благодушный старичокъ изъ старообрядцевъ — вѣтковцевъ, сосланный за поджогъ построенный правительствомъ единовѣрческой церкви. А вотъ Сироткинъ, кроткій юноша, который до того не взлюбилъ солдатской жизни, что рѣшился посредствомъ убійства выйти изъ нея въ безсрочно-каторжную работу. А наивный Акимъ Акимовичъ, который, будучи офицеромъ на Кавказѣ, зазвалъ къ себѣ мятежнаго князька, разстрѣлялъ его по собственному усмотрѣнію и обстоятельно донесъ о своемъ распоряженіи начальству. А трое братьевъ дагестанцевъ, сосланные за разбой на боль-

шой дорогѣ — и особенно Алей, возбуждающій состраданіе, какъ грустная тѣнь Франчески посреди Дантова ада.

Безъ сомнѣнія, все это преступники, болѣе или менѣе уклонившіеся отъ настоящаго общественнаго порядка, и никакіе современные законы не оставили бы ихъ безъ наказанія. Но здѣсь невольно являются вамъ вопросы, хотя, можетъ-быть, и не новые, но однакожъ и далеко не рѣшенные.

При первомъ взглядѣ на страшную картину острога вамъ приходитъ мысль: какъ можетъ сжиться съ такимъ мѣстомъ человѣкъ, брошенный сюда изъ быта достаточной жизни, не за злодѣйство противоестественное, но по тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ русскій народъ такъ гуманно даетъ ссыльнымъ знаменательное названіе несчастныхъ? Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ живучестью человѣка, говоря, что это — существо ко всему привыкающее. И читая „Записки" Достоевскаго, дѣйствительно готовъ согласиться съ этимъ остроумнымъ опредѣленіемъ. Далѣе вы спрашиваете: неужели въ этомъ земномъ аду все должно быть подведено въ одну мѣрку, и законъ равно неумолимо долженъ карать безчеловѣчнаго Газина и наивнаго Акима Акимыча, ужаснаго разбойника Орлова и несчастнаго Алея? Если правосудіе представляютъ намъ слѣпымъ, то неужели оно должно оставаться и глухимъ къ голосу человѣческаго сердца, къ вопіющимъ правамъ справедливости! Въ каторжномъ быту, по степени преступленій, есть и градаціи въ наказаніяхъ, но всѣ онѣ основаны не на различіи работъ или помѣщенія, а только на одномъ неравенствѣ срока каторжной ссылки. Не ужаснѣе ли это Дантова ада? Такъ Франческа Римини не брошена въ одну ледяную пропасть съ свирѣпымъ Руджіеро, тамъ поэтъ Горацій и гражданинъ Катонъ не скованы вмѣстѣ съ отцеубійцами; а здѣсь страшный злодѣй Газинъ спитъ на однихъ нарахъ съ наивнымъ лезгиномъ Нуррою, виноватымъ въ однихъ дерзкихъ наѣздахъ, и кроткимъ простодушнымъ Алеемъ, котораго все преступленіе въ томъ, что онъ по восточной патріархальности слѣпо повиновался старшимъ братьямъ! И сколько здѣсь, на ряду съ разбойниками по ремеслу, людей преступныхъ по легкомыслію, даже по образу мыслей, нетерпимыхъ, можетъ-быть, въ одно время и вовсе не преступныхъ въ другую, болѣе свѣтлую эпоху. Къ счастію, благодаря успѣхамъ нашего времени, теперь, по словамъ автора, все это значительно смягчилось, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи измѣнится еще болѣе...

Давно не встрѣчали мы въ нашей литературѣ сочиненія, которое дѣйствовало бы на читателя такъ увлекательно, какъ записки изъ „Мертваго дома". Неистощимый интересъ этого разсказа то поражаетъ васъ ужасомъ, то вызываетъ слезы участія и жалости, то заставляетъ задуматься надъ темной задачей человѣческаго сердца. Это совершенно новый міръ, до сихъ поръ знакомый вамъ только по наслышкѣ, который наводитъ васъ на множество мыслей и вопросовъ психическихъ и соціальныхъ.

Но, можетъ быть, скажутъ, что достоинство сочиненія Достоевскаго зависитъ именно отъ новости предмета, до сихъ поръ никѣмъ нетронутаго и, слѣдовательно, успѣхъ книги обезпечивается даже при отсутствіи искусства и значительнаго таланта. Стоитъ однако прочесть нѣсколько страницъ изъ „Мертваго дома“, чтобы понять несправедливость подобнаго предположенія. Предметъ, конечно, самъ по себѣ чрезвычайно новъ, интересенъ и съ первыхъ строкъ подкупаетъ вниманіе читателя; но мы того мнѣнія, что Достоевскій обнаружилъ здѣсь талантъ, гораздо больше, чѣмъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, не исключая и „Бѣдныхъ людей“. Въ картинахъ „Мертваго дома“ мы видимъ истиннаго художника.

Конечно, все содержаніе этого сочиненія взято изъ дѣйствительной жизни, безъ всякаго изобрѣтенія. Но кто же теперь не знаетъ, что творчество состоитъ не въ придумываніи замысловатыхъ сюжетовъ и эффектныхъ сценъ, а въ искусствѣ изъ началъ, представляемыхъ жизнью, создать ясную картину, во множествѣ видѣнныхъ нами лицъ угадать полные типы и изъ дѣйствительности перенести ихъ въ область прекраснаго. Это сдѣлалъ Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“, это сдѣлалъ Крестовскій въ своемъ романѣ „Въ ожиданіи лучшаго“. Такое же художественное значеніе видимъ мы и въ сочиненіи Достоевскаго. Его „Мертвый домъ“ — не дагеротипный снимокъ каторжнаго острога, а художественная картина, которая съ достоинствомъ фотографіи соединяетъ все обаяніе красокъ, даетъ не одинъ какой-нибудь моментъ выраженія человѣческаго лица, а всю игру его физіономіи, что умѣетъ всецѣло выразить одинъ истинный художникъ. Когда вы прочтете сочиненіе, у васъ остается картина полная и неизгладимая: какъ не забудете вы русской провинціи въ помѣщикахъ „Мертвыхъ душъ“, или гостиной княгини Десятовой, которая, въ ожиданіи лучшаго, служитъ представительницей нашихъ салоновъ, такъ точно никогда не забудете ужасной и печальной жизни, съ которою познакомилъ насъ Достоевскій въ своемъ „Мертвомъ домѣ“.

Читатели знаютъ, что это за жизнь. Но посмотрите, какъ взглянулъ на нее авторъ. Онъ умѣлъ освѣтить ее такимъ высоко-гуманнымъ свѣтомъ, согрѣть такимъ теплымъ чувствомъ, какіе можно встрѣтить только въ сочиненіи, глубоко и долго зрѣвшемъ въ душѣ, полной любви и сочувствія къ людямъ. Въ каждомъ преступникѣ онъ ищетъ человѣка, и каждый его портретъ есть теплый, задушевный вопросъ, поставленный передъ обществомъ во имя правды или человѣколюбія. И какое высокое умѣнье въ немногихъ чертахъ рисовать характеры такъ, что вы видите ихъ во всей полнотѣ: Достоевскій едва набрасываетъ свои лица, но вы, кажется, читаете всю прошлую жизнь ихъ, даже угадываете ихъ будущую судьбу. Это немного удивило насъ. У автора „Бѣдныхъ людей“ мы находили прежде любовь къ деталямъ, къ анализу сердца и характера въ чертахъ мелкихъ и тонкихъ; здѣсь мы видимъ совершенно иной пріемъ — умѣнье въ немногихъ, но крупныхъ чертахъ представлять полный и оконченный образъ.

И по нашему мнѣнію, это больше удается Достоевскому. Мы знаемъ его Макара Алексѣевича такъ, какъ-будто бы предъ нами было разсѣчено его сердце, и всякое біеніе его повторилось нѣсколько разъ, но процессъ этого анатомическаго анализа утомляетъ; здѣсь безъ всякаго напряженія вы узнаете человѣка во всей полнотѣ его натуры. Немногими взмахами карандаша Достоевскій рисуетъ намъ Орлова, Газина, Акима Акимыча, стародубскаго старичка, а мы знаемъ ихъ такъ, какъ-будто сами прожили съ ними цѣлые годы.

Съ перваго взгляда чтеніе записокъ изъ „Мертваго дома“ можетъ поразить нѣкоторой безпорядочностью изложенія: авторъ нерѣдко начинаетъ какой-нибудь очеркъ ex-abrupto, дѣлаетъ рѣзкіе переходы отъ одного предмета къ другому и снова возвращается къ первому, многое не оканчиваетъ, иное повторяетъ, чтобы прибавить нѣкоторыя черты къ набросанной прежде картинѣ или образу, очень часто говоритъ: „объ этомъ скажу послѣ, это разскажу впослѣдствіи“. Въ другомъ сочиненіи это могло бы показаться недостаткомъ; въ „Мертвомъ домѣ“ такіе пріемы не только не вредятъ сочиненію, но вполнѣ гармонируютъ съ его содержаніемъ: поддерживая васъ постоянно въ какомъ-то раздраженномъ состояніи, эта манера только усиливаетъ впечатлѣніе, произведенное хаотической картиной острога. Здѣсь обыкновенная стройность противорѣчила бы всей обстановкѣ каторжной жизни.

Скажемъ въ заключеніе, что „Записки изъ мертваго дома“, по нашему крайнему разумѣнію, ожидаетъ огромный успѣхъ, — не въ большинствѣ журнальной критики, умѣющей только отрыгать жвачку того, что поднесено ей наканунѣ, а не сегодня, но между нашей публикой, въ которой еще Бѣлинскій подмѣтилъ инстинктъ угадывать свѣжее и здоровое въ литературѣ, не по указанію присяжныхъ аристарховъ, а по собственному живому чутью. Явленія, подобныя „Мертвому дому“ Достоевскаго, — не минутныя эфемериды, порожденныя какимъ-нибудь мгновеннымъ интересомъ или увлеченіемъ, а сочиненія, которыя живутъ и не умираютъ въ литературѣ, какъ памятники своего вѣка и общества. „Записки изъ мертваго дома“, безъ сомнѣнія переживутъ и самые мертвые дома, которые должны перестроиться до основанія съ успѣхами просвѣщенія и обобщеніемъ идей о человѣческомъ достоинствѣ.

Милюковъ.

Жизнь каторжной тюрьмы въ освѣщеніи трезвой правды.

Достоевскій первый познакомилъ насъ съ русскою каторгою, съ дѣйствительною Сибирью и напомнилъ живымъ, пробуждающимъ мысль, берущимъ за сердце содержаніемъ клѣточки карательной схемы, которую чертила намъ теорія. Онъ повелъ читателя въ гробницу живыхъ людей, скученныхъ вмѣстѣ, но страдающихъ одиноко и разно, и на вратахъ ея написалъ свое lasciate ogni speranza — „человѣкъ есть существо, ко всему привыкающее“. Онъ показалъ это

все безъ злобы, безъ ироніи, безъ идеализаціи и преувеличенія. Живою картиною встаютъ подъ его перомъ стѣны каторжнаго острога, а въ этихъ стѣнахъ каторжные порядки, а въ порядкахъ этихъ сдавленные, приниженные, надломленные люди. Надломленные — да!, но не обезличенные. У каждаго сохранена и подмѣчена его личность, въ каждомъ указаны характеристическія черты и общія человѣческія чувства, пробивающіяся сквозь арестантскій зипунъ. Не сѣрой массою, надъ которою безучастно и точно продѣлываются карательныя предписанія, а живымъ организмомъ, съ тревогами и радостями, ненавистью и надеждами, съ разнообразными личными оттѣнками, является населеніе „Мертваго дома“. Представители его длинною вереницею проходятъ предъ нами. Тутъ и настоящіе, мрачно молодечествующіе злодѣи, бредящіе по ночамъ о крови и о ножахъ, и незлобивые, простые люди, и угрюмые изувѣры, и молчаливо страдающіе поляки, и дѣтски довѣрчивые Аллей и Нурра — эти горные орлы, тоскующіе по своимъ роднымъ вершинамъ, — и всѣ они согрѣты любовью автора, всѣ облечены въ плоть и кровь, на всѣхъ брошенъ лучъ примиренія, всѣмъ сказано слово искренняго, христіанскаго участія. Вся жизнь каторжной тюрьмы постепенно развертывается предъ нами, и новый міръ, ужасный извнѣ, оригинальный изнутри, любопытный въ началѣ, трогательный въ концѣ, возникаетъ въ освѣщеніи трезвой правды. Арестантскія ссоры и похвальбы, работы и отдыхъ, арестантская поэзія и театръ, — все, до каторжныхъ животныхъ включительно, встаетъ, какъ живое.

Посмотрите, сколько среди этого разбросано глубокихъ мыслей объ организаціи наказанія, о его вліяніи! Достоевскій въ самомъ началѣ становится на новую точку зрѣнія, глубоко психологическую, относительно пребыванія въ общей тюрьмѣ, со всѣми. Не необходимость жить съ людьми другого развитія и быта страшитъ его при вступленіи въ мертвый домъ, — нѣтъ, онъ сумѣетъ найти въ своей душѣ общія съ ними точки соприкосновенія для мирнаго сожительства, — но страшна мысль, что никогда, никогда не придется быть одному! Въ этомъ принудительномъ сообществѣ заключается, по его опыту, особая тяжесть тюрьмы, и къ этой мысли онъ не разъ возвращается, доказывая, что у человѣка никогда не слѣдуетъ отнимать возможности быть хоть нѣкоторое время одному,—что ему это такъ же необходимо, какъ необходимо для каждаго человѣка — будь то Мармеладовъ или Карамазовскій капитанъ съ „мочалкою“ — имѣть хоть одно мѣсто „куда можно пойти“, хоть одно существо, которое и „его рода человѣка любитъ“. Но онъ вовсе не склоняется къ другой крайности, къ столь сильному въ послѣднее время увлеченію одиночною системою заключенія. Эта система полна, по его мнѣнію, ложныхъ и обманчивыхъ достоинствъ. „Она высасываетъ сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее — и потомъ, нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго, представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія...“ Пусть тюрьма не усугубляетъ наказанія человѣка, отнимая у него возможность уединенія, но пусть

она и не разрушаетъ его нравственно и физически, навязывая ему одиночество. Таковъ выводъ, который невольно вытекаетъ изъ взглядовъ Достоевскаго на внутреннюю организацію тюрьмы. „Нельзя живого человѣка сдѣлать трупомъ", восклицаетъ онъ — и постоянно настойчиво, не словами только, а цѣлыми образами протестуетъ противъ ненужнаго униженія, противъ обезличенія арестанта, рисуя во многихъ мѣстахъ яркія картины вспышекъ придавленной личности, не могущей не заявлять о своихъ человѣческихъ, неотнятыхъ наказаніемъ правахъ. Говоритъ ли онъ о необходимости индивидуализировать наказаніе, чтобы избѣжать его жестокой неравнорѣрности, — указываетъ ли онъ на тяжесть каторжныхъ работъ, состоящую не въ ихъ трудности, а въ ихъ безплодности въ глазахъ арестанта, оскорбляющей его и отнимающей у него энергію, — высказываетъ ли предположеніе, что совершенная безсмысленность принудительной работы могла бы вызвать рядъ самоубійствъ, — дѣлаетъ ли увлекательный очеркъ вліянія первыхъ признаковъ весны на зарожденіе у каторжныхъ тоски по „волѣ" и мысли о побѣгѣ, во всемъ звучитъ гуманный призывъ видѣть въ обитателѣ мертваго дома прежде всего живую личность и уважать ея человѣческое достоинство, ни въ комъ совершенно не заглохшее. Въ этомъ призывѣ — величайшее достоинство „Записокъ изъ мертваго дома"!

Но Достоевскій не остановился на аналитическомъ изображеніи каторги. Есть наказаніе выше — и споры о немъ, о его цѣлесообразности и справедливости давно уже раздѣляютъ юристовъ и политиковъ на два неравныхъ лагеря. Это вѣчный вопросъ — eine ewige Frage уголовнаго права смертная казнь. И по отношенію къ ней Достоевскій высказался прямо и безповоротно. Нельзя не прислушаться къ тому, что скажетъ объ отнятіи жизни у отдѣльнаго лица цѣлымъ обществомъ писатель, который такъ умѣлъ описать весь ужасъ, все безчеловѣчіе убійства, какъ преступленія. Въ горячихъ словахъ своего „Идіота" онъ строго осудилъ смертную казнь, какъ нѣчто еще болѣе жестокое, чѣмъ преступленіе. Какъ бы продолжая потрясающій разсказъ Виктора Гюго о послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти, обрывающійся въ виду эшафота, — Достоевскій пошелъ съ преступникомъ на этотъ эшафотъ и описалъ, въ негодующихъ выраженіяхъ, ту „четверть секунды", когда „склизнетъ надъ головою ножъ..." Это описаніе, чрезвычайно сильное въ своей краткости, эта защита „надежды" въ человѣкѣ — не могутъ не укрѣплять противника, не могутъ не заставить еще разъ строго провѣрить свои взгляды серіознаго защитника смертной казни. И въ этомъ новая заслуга мыслителя-художника.

Кони.

Обновленіе религіознаго чувства и познаніе высшей правды, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ обитателей „Мертваго дома“.

Среди ужасовъ „Мертваго дома“ Достоевскій впервые сознательно повстрѣчался съ правдой народнаго чувства и въ его свѣтѣ ясно увидалъ неправду своихъ революціонныхъ стремленій. Товарищи Достоевскаго по острогу были въ огромномъ большинствѣ изъ простого народа, и за немногими яркими исключеніями все это были худшіе люди народа. Но и худшіе люди простого народа обыкновенно сохраняютъ то, что теряютъ лучшіе люди интеллигенціи: вѣру въ Бога и сознаніе своей грѣховности. Простые преступники, выдѣляясь изъ народной массы своими дурными дѣлами, нисколько не отдѣляются отъ нихъ въ своихъ чувствахъ и взглядахъ, въ своемъ религіозномъ міросозерцаніи. Въ мертвомъ домѣ Достоевскій нашелъ настоящихъ „бѣдныхъ“ (или, по народному выраженію, несчастныхъ) людей. Тѣ прежніе, которыхъ онъ оставилъ за собой, еще имѣли убѣжище отъ общественной обиды въ чувствѣ собственнаго достоинства, въ своемъ личномъ превосходствѣ. У каторжниковъ *этого* не было, но было нѣчто большее. Худшіе люди мертваго дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшіе люди интеллигенціи. Если тамъ среди представителей просвѣщенія остатокъ религіознаго чувства заставлялъ его блѣднѣть отъ богохульствъ передового литератора, то тутъ въ мертвомъ домѣ это чувство должно было воскреснуть и обновиться подъ впечатлѣніемъ смиренной и благочестивой вѣры каторжниковъ. Какъ бы забытые Церковью, придавленные государствомъ, эти люди вѣрили въ Церковь и не отвергали государства. И въ самую тяжкую минуту за буйной и свирѣпой толпой каторжниковъ всталъ въ памяти Достоевскаго величавый и кроткій образъ крѣпостного мужика Марея, съ любовью ободряющаго испуганнаго барченка. И онъ почувствовалъ и понялъ, что передъ этой высшей Божьей правдой всякая своя самодѣльная правда есть ложь, а попытка навязать эту ложь другимъ есть преступленіе. *Соловьевъ.*

Десятилѣтнее наблюденіе Достоевскаго заживо погребенныхъ въ „Мертвомъ домѣ“, глубокое проникновеніе въ ихъ душу и неоправдываемость ихъ преступленій ни съ философской ни съ соціальной точки зрѣнія.

„Записки изъ мертваго дома“ принадлежатъ къ числу тѣхъ безхитростныхъ книгъ, которыя, не предъявляя никакихъ особенныхъ претензій, касаются однако предметовъ, въ высшей степени способныхъ занимать человѣческое вниманіе. Если новизна предмета, толковое обращеніе съ нимъ могутъ придавать интересъ книгѣ, то „Записки изъ мертваго дома“, безспорно, интересная книга. Судьба тѣхъ

несчастныхъ, тѣхъ клейменныхъ отверженниковъ общества, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, давно уже въ наиболѣе развитыхъ человѣческихъ обществахъ обращаетъ на себя самое всестороннее вниманіе и не только вызвала очень много гуманныхъ и возвышенныхъ чувствъ и помысловъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, но и подверглась улучшеніямъ, вполнѣ сообразнымъ съ духомъ вѣка, въ которомъ мы живемъ. У насъ судьбою этихъ несчастныхъ пишущіе люди занимались до сихъ поръ, — и то чрезвычайно мало и только съ самаго недавняго времени, — лишь съ одной чисто внѣшней стороны: все, что мы имѣемъ, это нѣсколько высказанныхъ указаній на то, что эти несчастные подвергаются нѣкоторымъ совершенно излишнимъ и ни для кого ненужнымъ страданіямъ въ ихъ временныхъ тюрьмахъ, въ продолженіе ихъ безконечной подсудности и, особенно, въ продолженіе не менѣе безконечнаго пѣшеходнаго слѣдованія ихъ къ мѣсту ссылки, страданіямъ, отъ которыхъ было бы справедливо и очень возможно ихъ избавить. Глубже этого мы еще не успѣли проникнуть въ предметъ. Не мудрено. Такой предметъ, какъ клейменые каторжники, по-необходимости, долженъ стоять во всякомъ человѣческомъ обществѣ на самой далекой очереди, такъ какъ онъ требуетъ отъ людей слишкомъ большого развитія ума и сердца, чтобы сдѣлаться тревожнымъ для ихъ совѣсти. Поэтому, въ нашемъ равнодушіи къ предмету такого великаго интереса, мы не видимъ благопріятнаго случая къ тому, чтобы обратиться съ укорами къ нашему обществу и къ нашей литературѣ. Если бы быть просвѣщенными и гуманными или оставаться невѣжественными и варварскими — зависѣло отъ выбора народовъ, тогда, конечно, тутъ было бы мѣсто самымъ энергическимъ укоризнамъ. Но количество просвѣщенія и гуманности, которымъ обладаетъ извѣстный народъ, опредѣляется его историческою судьбою, измѣряется продолжительностію его цивилизаціи и всего менѣе зависитъ отъ его произвола. Что бы ни разсказывалось о патріархальныхъ достоинствахъ нашихъ предковъ и о ихъ любовномъ житіи, но мы со всею точностію можемъ опредѣлить то не очень еще давнее время, когда эти патріархальные люди отличались такимъ жестокосердіемъ, что оставались совершенно хладнокровными при видѣ того, какъ ихъ ближнему за самый сущій вздоръ, даже за одно подозрѣніе въ какомъ-нибудь вздорѣ, отрѣзывали языкъ, давали проглотить растопленнаго металла, или прицѣпляли его желѣзными крючьями за ребра, ставили голыми ногами на раскаленныя жаровни и т. п. Такія жестокости на нашъ взглядъ представляются злодѣйствомъ, превышающимъ всякое другое злодѣйство, за какое только человѣкъ можетъ попасться въ руки правосудія, и мы, въ сравненіи съ нашими недавними предками, можемъ считать себя гумманнѣйшими изъ людей. Если мы, въ свою очередь, за нѣкоторыя черты нашихъ нравовъ представляемся еще полуварварами для теперішнихъ передовыхъ народовъ, то это значитъ только, что эти передовые народы отдѣляются отъ своихъ варварскихъ предковъ болѣе длиннымъ рядомъ поколѣній,

чѣмъ мы отъ своихъ. Въ этомъ сопоставленіи насъ съ передовыми народами для насъ нѣтъ ничего пріятнаго, но мы все-таки указываемъ на него не для укоризны, а скорѣе для нашего оправданія. Оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, выясняетъ для насъ фактъ, предъ которымъ мы должны смириться, сознавши настоящую степень своихъ успѣховъ въ нашемъ человѣческомъ развитіи. Общество часто слышитъ голоса, — особенно съ недавняго времени, — успокоительные для его statu quo и возвышаемые съ безпощадною бранью противъ достойныхъ людей, которые не умѣютъ видѣть его недостатковъ въ розовомъ свѣтѣ. Оно должно знать, что это голоса — сирены, пропитанные квинтъ-эссенціей мака, мандрагоры и опіума. Ихъ такъ же опасно слушать, какъ, напримѣръ, напиваться пьянымъ для забвенія горя. Къ счастію, намъ, во всякую данную минуту, очень легко сдѣлать повѣрку надъ собою — посредствомъ сличенія; если бы общества, имѣющія высшій уровень развитія и потому лучше устроенныя, существовали только въ теоріи, тогда относительно собственныхъ нашихъ совершенствъ или недостатковъ были бы возможны самыя жаркія контраверсіи; но такія общества существуютъ на самомъ дѣлѣ, и потому всѣ наши обольщенія собственными достоинствами могутъ быть разсѣяны самыми положительными аргументами.

Обращаясь къ нашему предмету, т.-е. къ судьбѣ клейменыхъ каторжниковъ, мы должны признаться, что насъ не начинали тревожить, даже и смутнымъ образомъ, такіе вопросы: — что такое преступленіе: умышленная вражда противъ общества, т.-е. злодѣйство ли чисто-на-чисто, или отчасти личное несчастіе преступника? — Что такое преступникъ: преднамѣренный злоумышленникъ противъ общества, или отчасти жертва извѣстныхъ социальныхъ условій? — Изъ какого принципа должно проистекать наказаніе: изъ того ли, что оскорбленному обществу нужна безпощадная месть, которая должна преслѣдовать преступника и за предѣлами его политической смерти, или изъ того, что обществу нужна безопасность, которая вполнѣ гарантируется отверженіемъ преступника отъ общества и уже не нуждается въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи его?

Книга нашего автора не поднимаетъ этихъ вопросовъ прямо; какъ произведніе чисто-беллетрическое, она не имѣетъ ничего общаго съ правильной теоретической аргументаціей. Тѣмъ не менѣе она вращается именно около этихъ вопросовъ и подвергаетъ вашъ умъ и ваше сердце къ рѣшенію ихъ въ гуманномъ духѣ. Авторъ избралъ благую часть: онъ не доказываетъ, а разсказываетъ, и на томъ держится, главнымъ образомъ, интересъ его книги. И точно всякій разъ, какъ только авторъ пытается сдѣлать выводъ изъ своихъ же собственныхъ наблюденій, онъ тотчасъ вызываетъ на споръ; теоретическія соображенія его вообще слабы и отзываются тѣмъ болѣзненнымъ расплывающимся гуманизмомъ, изъ котораго никакая правительственная мудрость не въ состояніи извлечь ничего примѣнительнаго къ практикѣ. Но авторъ рѣдко пускается въ такія соображенія. Онъ, боль-

шею частію, остается только разсказчикомъ и наблюдателемъ. Онъ знакомитъ васъ съ потрясающими подробностями жизни, которой вы не знали по слухамъ, — потому что изъ „Мертваго дома“ не выходитъ и слуховъ; онъ даетъ вамъ проникать въ самыя мрачныя глубины человѣческой совѣсти и, на первый взглядъ, не имѣетъ другого побужденія, кромѣ внутренняго интереса, заключающагося въ томъ, о чемъ онъ разсказываетъ...

Десять лѣтъ постоянныхъ впечатлѣній, чувствъ и мыслей, испытанныхъ въ этомъ жилищѣ заживо погребенныхъ людей, десять лѣтъ наблюденія надъ этими отверженниками общества во время ихъ работъ, отдыховъ, развлеченій, при взаимныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, въ состояніи сна и безсонницъ, въ больницахъ, при упадкѣ всѣхъ силъ и обольщеніи себя несбыточными надеждами, въ минуты сердечной исповѣди и въ порывахъ звѣриной злобы, на виду страшныхъ наказаній и во время самаго исполненія ихъ, десять лѣтъ наблюденія надъ каторжниками въ такихъ разнообразныхъ положеніяхъ и составляетъ содержаніе „Записокъ изъ мертваго дома“. Кажется, тутъ нельзя пожаловаться на то, чтобы предметъ не былъ достоинъ человѣческой любознательности, принимаемой даже въ смыслѣ простого любопытства. И прежде всего нашей любознательности представляется вопросъ, возбуждаемый авторомъ почти на первыхъ страницахъ: какъ смотрятъ эти мрачныя совѣсти на тѣ преступленія, которыя тяготѣютъ на нихъ? да еще тяготѣютъ ли на нихъ преступленія? Т.-е.: доступны ли эти совѣсти какому-нибудь самоосужденію? — Есть мнѣніе, по которому преступники будто бы считаютъ себя протестаторами противъ того общественнаго порядка, при которомъ преступленія должны считаться неизбѣжными, и что поэтому на собственный взглядъ они всегда представляются правыми. Чрезвычайно любопытно и въ высшей степени важно знать, справедливо ли это мнѣніе и точно ли оно есть мнѣніе воровъ и убійцъ о самихъ себѣ? Если грабежъ и убійство составляютъ сознательный протестъ, если каждый воръ и убійца есть въ то же время человѣкъ системы или фанатикъ, дѣйствующій по убѣжденію, тогда громадное большинство общества, не ворующее и не убивающее, должно видѣть въ ворахъ и убійцахъ такихъ людей, которыхъ оно осуждаетъ и наказываетъ безъ всякаго другого права, кромѣ права сильнаго, — это съ одной стороны; а съ другой, — если мы перестанемъ видѣть въ ворахъ и убійцахъ существа падшія, доведенныя до своего паденія всего менѣе силою обдуманности и всего болѣе силой внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ быть, дѣйствительно обусловленныхъ общественнымъ устройствомъ, и если мы, взамѣнъ такого взгляда, проникнемся убѣжденіемъ, что воръ и убійца есть человѣкъ партіи и что онъ и самъ смотритъ на себя, какъ на такого, тогда всякое филантропическое чувство къ судьбѣ преступника, чувство — извѣстное всякому человѣку, вышедшему изъ дикаго состоянія, должно казаться жалкою и неумѣстною сентиментальностію, по крайней мѣрѣ — неумѣстной до тѣхъ поръ, пока общество не будетъ олицетворять

собою того плана общественнаго устройства, во имя котораго совершаются будто бы протесты грабежомъ и убійствами. Если же, напротивъ, мы будемъ думать, что воры и убійцы, рѣшаясь на свои подвиги, не укрѣпляютъ себя никакими философскими размышленіями о правотѣ своего дѣла, и если мы будемъ заподлинно знать, что они при своихъ грабежахъ и убійствахъ руководствуются не какими-нибудь соціальными соображеніями на счетъ общественнаго неустройства, а только самыми дикими и низкими побужденіями, тогда и уголовные законы получаютъ полное нравственное освященіе, и остается мѣсто для сострадания къ несчастію, хотя бы это несчастіе выразилось въ тяжкомъ преступленіи. Очевидно, что и для честнаго большинства въ обществѣ и для законопреступнаго меньшинства, не одно и то же: — будетъ ли большинство видѣть въ ворахъ и убійцахъ сознательныхъ протестаторовъ, дѣйствующихъ по убѣжденію, для достиженія преднамѣренной цѣли, или будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на такихъ враговъ общественнаго порядка, которые потому только и враждуютъ противъ него, что къ величайшему своему несчастію ничего не понимаютъ въ законахъ общественнаго устройства. — Кто же такіе убійцы и воры: сознательные протестаторы, или люди жальчайшаго невѣжества и звѣрскихъ понятій?

Сентиментальные филантропы полагаютъ, что они очень много говорятъ въ пользу преступниковъ, возводя ихъ въ званіе протестаторовъ. Въ сущности они возводятъ лишнюю клевету на совѣсть и безъ того слишкомъ обремененную дѣйствительными преступленіями; желая быть адвокатами несчастія, они отнимаютъ у него единственный шансъ на человѣческое участіе, — именно тотъ шансъ, по которому преступникъ, если его преступленіе вытекаетъ изъ грубѣйшаго невѣжества, предполагается способнымъ къ исправленію. На этомъ предположеніи и единственно только на немъ, должны быть основаны всѣ истинно-гуманныя расположенія къ врагамъ нашей собственности и нашей личной безопасности. Но такое предположеніе объ исправленіи, конечно, не можетъ быть допущено относительно преступника, — вора или убійцы, который опираетъ свое ремесло на теоретическихъ основаніяхъ. Какой-нибудь Лезюркъ, если это не былъ своего рода жальчайшій фанфаронъ, безъ сомнѣнія, не возбудилъ бы ни въ одномъ, даже самомъ гуманномъ мыслителѣ никакого ужаса къ смертной казни и никакого помышенія о противоестественности этого рода наказанія; онъ могъ бы, сколько угодно, служить предметомъ газетныхъ толковъ, украшать дамскіе альбомы и удивлять Парижъ своими развязными афоризмами на счетъ безгрѣшности воровства и убійства въ такомъ будто бы вавилонскомъ обществѣ, какъ французское, но его смерть на эшафотѣ все-таки никакъ не была бы способна возбудить болѣе жалости, чѣмъ кончина отравленной крысы. Если бы обществу было доказано, что всѣ ворующіе и убивающіе — болѣе или менѣе Лезюрки, теоретики и систематики своего ремесла, оно имѣло бы право никогда не отказываться ни отъ одной свирѣпости испанскихъ инквизицій или

венеціанскихъ трибуналовъ. Обществу прежде всего необходимо существовать; оно можетъ и должно выслушивать самыя смѣлыя указанія на свои несовершенства; оно имѣетъ всю выгоду допускать самыя обширныя пренія о способѣ и свойствѣ улучшеній; но если указанія на его несовершенства проявляются фактически подъ формою грабежа и убійства, оно можетъ только свирѣпствовать. Поэтому, мы полагаемъ, что возводить разбойника изъ грубѣйшаго невѣжды въ сознательные протестаторы нисколько не гуманно, и, въ отношеніи къ самому разбойнику, въ высшей степени несправедливо. Отнимать у него его скотское невѣжество въ этомъ случаѣ значитъ посягать на его права. Это посягательство было бы еще не такъ страшно, если бы оно не было ни съ чѣмъ несообразно. Но романическое мнѣніе о томъ, будто грабежъ есть одна изъ формъ сознательнаго протеста, есть чисто субъективное мнѣніе самихъ мыслителей, которые его выдумали; оно, очевидно, принадлежитъ честнымъ людямъ, имѣющимъ отличное знакомство съ различными соціальными теоріями, съ которыми разбойнику не было никакихъ средствъ познакомиться. Лезюркъ, конечно, не въ примѣръ. Онъ былъ въ свое время фельетонистомъ, можетъ быть и плохимъ, но все-таки имѣвшимъ возможность кое-чего наслушаться и начитаться. Онъ могъ глядѣть на свои мерзости съ теоретической точки зрѣнія, могъ критически относиться какъ къ своимъ грабежамъ и убійствамъ, которыя онъ сдѣлалъ, такъ и къ обществу, въ которомъ онъ ихъ сдѣлалъ. Но разбойникъ изъ фельетонистовъ долженъ считаться явленіемъ феноменальнымъ, изъ котораго невозможны никакія общія заключенія. Это случай — самъ по себѣ, такъ что всякій общій выводъ изъ него будетъ непремѣнно такимъ же субъективнымъ, какъ бываютъ субъективные цвѣта, субъективные звуки. Соотвѣтствія между сужденіемъ и сущностію обсуждаемаго предмета тутъ не будетъ. Точно такого свойства воззрѣніями на счетъ грабежа — протеста отличаются наши отечественные филантропы, которые свои субъективныя мысли объ этомъ предметѣ приписываютъ поголовно всему русскому народу. Этотъ народъ, по ихъ мнѣнію, въ продолженіе всей своей исторіи, видѣлъ и продолжаетъ видѣть въ разбойникахъ какихъ то непризнанныхъ борцовъ, которыхъ, если они попадутся, онъ будто бы разумѣетъ, какъ несчастныя жертвы какого то непонятнаго ему правосудія. Для доказательства этого ссылаются на добрыя и столь прославленныя чувства русскаго народа вообще ко всякому страданію, на ту всѣмъ извѣстную неохоту, съ которою нашъ простолюдинъ вызывается быть доказчикомъ и свидѣтелемъ преступленія, но болѣе всего на наши такъ называемыя разбойничьи пѣсни, въ которыхъ намъ велятъ видѣть не простую свободу народной фантазіи, а именно апоѳеозу разбойника. Эти именно аргументы, какъ это довольно извѣстно, приводятся въ доказательство того, будто народъ нашъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ противъ общественной безопасности видитъ только протестъ, выражаемый во имя какого то неписаннаго кодекса. Однако аргументы эти доказываютъ совершенно другое, и, не смотря на то, что они при-

водятся съ выраженіемъ похвалъ извѣстнымъ чертамъ народнаго характера, въ сущности, они заключаютъ только справедливое указаніе на то обстоятельство, что народъ нашъ, какъ и вообще и всюду народныя массы, еще не возвысился до критическаго взгляда на жизнь, что онъ остается еще въ невѣжествѣ и живетъ болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Это значитъ, что онъ живетъ безъ всякой системы — писанной или неписанной. Его таинственный неписанный кодексъ — это его непосредственное чувство. Въ этомъ чувствѣ заключается источникъ его глубочайшей доброты, но въ немъ же скрываются и причины его неистощимой свирѣпости. Это то самое чувство, которое приводитъ толпу въ умиленіе, при видѣ разбойника на крестѣ, и которое заставляетъ ее поджаривать честныхъ людей на огнѣ, при видѣ пожара, которое разливается жалобною пѣснею о свирѣпствахъ свекрови надъ невѣсткою и которое, однако, изъ каждой невѣстки дѣлаетъ, въ свою очередь, такую же свирѣпую свекровь: это то самое чувство, которое заставляетъ мужика называть свою рабочую скотину лошадушкой и кормилицей и по которому онъ забиваетъ ее чуть не до смерти, если она не въ состояніи везти непомѣрной тяжести; наконецъ, это то самое чувство, которое омрачаетъ печалью лицо всякаго простолюдина, при видѣ партіи ссыльно-каторжныхъ, и которое заставляетъ его людей этого сорта пристрѣливать, безъ всякой нужды, какъ зайцевъ, при встрѣчѣ съ ними въ лѣсу, какъ это не рѣдко случается въ Вятской губерніи, или убивать ихъ чѣмъ ни попало, заставши ихъ въ своей клѣти, какъ это случается повсюду, на всемъ протяженіи нашей земли, и тоже, безъ всякой нужды и иногда съ полной возможностію задержать преступника, не подвергая его самосудомъ смертной казни. Правда, есть одно обстоятельство, рѣшающее его на самосудъ. Это какія-нибудь особенныя понятія о правѣ, не врожденное отвращеніе къ правосудію, а боязнь не найти его и опасеніе самому запутаться въ той процедурѣ, которая подобно державинской *Рѣкѣ временъ* —

въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья

ихъ самыя справедливыя претензіи, ихъ самыя безотлагательныя требованія, увлекая, по дорогѣ, въ ту самую пропасть ихъ лучшіе досуги, ихъ благосостояніе и, пожалуй, самое ихъ гражданское существованіе. И въ этомъ единственная причина неохоты быть свидѣтелемъ или обвинителемъ, которая одинаково дѣйствуетъ на всякаго русскаго человѣка, при всякомъ общественномъ положеніи. Вліяніе ея можетъ быть доказано на самомъ приличномъ господинѣ, у котораго украли часы изъ кармана, хотя бы онъ былъ притомъ самаго консервативнаго образа мыслей. На эту причину указываютъ въ газетахъ, ее приводятъ въ объясненіе безуспѣшности своихъ дѣйствій наши недавніе судебные слѣдователи, которые, однако, во многихъ мѣстахъ

успѣли уже возбудить довѣріе къ себѣ и собираютъ нужныя имъ доказательства безъ труда. Стало-быть, неохота обвинять и свидѣтельствовать, замѣченная въ русскомъ человѣкѣ,—вовсе не такая соціальная добродѣтель, которою бы русскому народу прилично было гордиться и на которой можно бы было строить какія-нибудь теоріи, а скорѣе указаніе на такое соціальное зло, на которое русскій народъ можетъ только жаловаться и отъ котораго ему слѣдуетъ избавиться. И это не такое зло, о которомъ можно было бы спорить, а сознанное и провозглашенное зло, обратившее на себя вниманіе самого правительства, у котораго, какъ слышно, уже находятся наготовѣ важныя судебныя реформы. Изъ всѣхъ игрушечныхъ мыслей, которыми мы любимъ обольщать, и очень часто невпопадъ, свою національную гордость, мысль о томъ, будто русскій народъ поголовно можно считать сознательнымъ потворщикомъ преступленія, враждебно расположеннымъ ко всякой судебной карѣ, ко всякому официальному проявленію правосудія, — есть мысль самая игрушечная. Онъ точно не охотникъ отыскивать возстановленіе своихъ нарушенныхъ правъ путемъ официіальнаго суда. Но если тутъ слѣдуетъ чему-нибудь удивляться, то, конечно, не этой неохотѣ, а скорѣй тому, что по точнымъ справкамъ о возникновеніи уголовныхъ дѣлъ непремѣнно должно оказаться, что самая большая часть ихъ все-таки возникаетъ вслѣдствіе частныхъ обвиненій и ходатайствъ. Намъ очень лестно считать русскій народъ отъ природы надѣленнымъ всѣми соціальными добродѣтелями, которыя другими народами пріобрѣтаются путемъ хлопотливой цивилизаціи и государственныхъ переворотовъ; намъ въ особенности лестно считать его надѣленнымъ высочайшей изъ этихъ добродѣтелей, которая называется гуманностію. И мы даже глубоко убѣждены, что онъ точно обладаетъ этимъ качествомъ въ самомъ полномъ избыткѣ, наперекоръ всѣмъ патріотическимъ писателямъ различныхъ націй, которые позволяютъ себѣ думать, будто это качество въ самой высокой степени свойственно именно той націи, къ которой они имѣютъ честь принадлежать сами. Пусть знатоки человѣческой природы изъ нѣмцевъ полагаютъ, будто добросердечнѣе нѣмца нѣтъ существа во всемъ мірѣ, пусть они остаются въ этомъ ослѣпленіи до такой степени, что надъ избыткомъ этого качества въ своихъ единоплеменникахъ позволяютъ себѣ, подобно Гейне, горчайшіе сарказмы; пусть французы полагаютъ о себѣ, что нѣтъ никакой возможности быть гуманнѣе и великодушнѣе француза, который не выноситъ варварства и притѣсненій даже внѣ предѣловъ своего отечества и за гуманную идею всегда готовъ сражаться и переносить всѣ труности самого отдаленнаго похода; пусть люди еврейскаго племени остаются въ заблужденіи, будто они самые старые и величайшіе представители гуманности на землѣ; пусть Бичеръ-Стоу, со всѣмъ безкорыстіемъ честной писательницы, распинается за негровъ, утверждая, будто это самыя добрѣйшія существа на свѣтѣ, — мы имѣемъ твердое убѣжденіе, что это вздоръ и что пальма первенства относительно доброты и гуманности передъ всѣми народами при-

надлежать русскому народу. Но и при этомъ убѣжденіи мы не думаемъ, чтобы природная доброта русскаго народа потеряла часть своей цѣны, если мы не будемъ приписывать ему природной тупости ко всякому чувству права, или навязывать ему сознательнаго сочувствія къ злодѣйству. Разбойничьи пѣсни, конечно, составляютъ фактъ, требующій объясненія. Но и „Разбойники" Шиллера, и „Пичинино" Жоржъ-Занда, и „Вернеръ" Байрона составляютъ точно такой же фактъ. Если въ разбойничьихъ пѣсняхъ не видѣть заплатки для какой-нибудь натянутой теоріи, то они будутъ означать, что человѣческая фантазія, будетъ ли она принадлежать народному пѣвцу или обрасованному поэту, способна поражаться всѣмъ необыкновеннымъ, въ томъ числѣ и удальствомъ разбойника. Разница здѣсь будетъ только та, что поэтъ образованный никогда не увлечется свирѣпостями разбойника; онъ непремѣнно сдѣлаетъ изъ него героя и придастъ ему лучшія качества человѣческаго сердца, а фантазія народнаго пѣвца способна увлекаться и самыми свирѣпостями, во всей ихъ непосредственности; у поэта образованнаго разбойникъ можетъ быть воодушевленъ какими-нибудь высшими побужденіями, необыкновеннымъ чувствомъ правды или ненависти къ притѣсненію; а въ народныхъ пѣсняхъ всѣ дѣйствія разбойниковъ обыкновенно объясняются одною только покорностію непосредственному чувству. Если образованный поэтъ заставляетъ, напримѣръ, своего разбойничьяго героя произвесть дѣйствіе мести, то изъ его рѣшительнаго удара, обыкновенно наносимаго съ быстротою молніи, онъ непремѣнно сдѣлаетъ ударъ правосудія; а народному пѣвцу никогда не бываютъ нужны такія затѣи, онъ добрымъ порядкомъ, не торопясь, даетъ вамъ пресытиться исполненіемъ самой мести, заставляя своего мстителя, какъ поется въ одной пѣснѣ, „изъ черепа своего врага — сдѣлать чашку для питья, изъ его рукъ, изъ ногъ — кровать сложить, изъ его сала — свѣчей налить, изъ его мяса — пироговъ напечь". Въ первомъ случаѣ преобладаетъ идея, или выдуманный разбойникъ, во второмъ непосредственное чувство, или разбойникъ настоящій". И это такъ и быть должно. Только не должно быть того, чтобы народъ, въ которомъ *когда-то* могли раздаться такія пѣсни, былъ судимъ *до сихъ поръ,* на основаніи ихъ, за свои симпатіи и юридическія понятія. Точно такъ и эпическіе разбойники, принадлежавшіе хаотическому обществу, не должны для насъ заслонять собою тѣхъ, которые теперь наполняютъ наши остроги и каторгу. Авторъ разбираемой нами книги занимается только послѣдними, и первыя его размышленія, какъ мы сказали, посвящены вопросу: сознаютъ ли преступники, что они преступны? Положительный отвѣтъ его состоитъ въ томъ, что они этого не сознаютъ. Онъ приводитъ даже и объясненіе этого факта, который можно считать совершенно вѣрнымъ. По его мнѣнію, „преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому же онъ потерпѣлъ отъ него наказаніе, а черезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, скитавшимся. Можно

судить, наконецъ", продолжаетъ авторъ, „съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самого преступника". Здѣсь преступнику приписывается критическій взглядъ на свои отношенія къ обществу; онъ не потому преступникъ, что онъ существо падшее, достойное всего нашего состраданія, не потому, что, при своей нравственной тупости, онъ не способенъ имѣть и двухъ правильныхъ мыслей ни о своемъ значеніи въ обществѣ, ни о значеніи самого общества, а потому, что онъ человѣкъ вооруженный аргументаціей, по которой онъ считаетъ себя правымъ, а общество виновнымъ; ему какъ-будто извѣстны даже и тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ „чуть ли не придется оправдать преступника". Такія точки зрѣнія дѣйствительно существуютъ. Ихъ двѣ. Одна, которую можно назвать философской, состоитъ въ томъ, что человѣкъ признается одушевленной машиной, только обольщающей себя, будто она одарена свободной волей, а на самомъ дѣлѣ дѣйствующей совершенно непроизвольно, по законамъ строжайшей причинности и потому, естественно, не подлежащей никакой отвѣтственности. Но эта точка зрѣнія составляетъ нетвердый предметъ философскаго спора; поэтому, разсуждать съ *этой точки зрѣнія*, когда самая постановка *этой точки зрѣнія* не имѣетъ и, можетъ-быть, никогда не будетъ имѣть никакой научной прочности, можно только для своего удовольствія; самосохраненіе общества, личная безопасность его членовъ, преступленіе и судьба людей, которые его совершаютъ, вовсе не такіе отвлеченные и далекіе отъ насъ предметы, чтобы объ нихъ позволительно было разсуждать съ точекъ зрѣнія такой сомнительной вѣрности, что всѣ сужденія съ нихъ должны представляться толко умственной гимнастикой. Другая точка зрѣнія, съ которой, выражаясь словами автора, „чуть ли не придется оправдать преступника" и которую можно назвать соціальной, состоитъ въ томъ, что общество, въ которомъ существуетъ голодъ, невѣжество и неравноправность, само обвиняется во всѣхъ послѣдствіяхъ этихъ великихъ золъ, и въ томъ числѣ и въ преступленіяхъ всякаго рода. Но и эта точка зрѣнія, какова бы ни была ея безусловная справедливость, все-таки не обязываетъ общество давать ворамъ и убійцамъ похвальные листы только за то, что для ихъ преступныхъ дѣйствій существуютъ довольно вѣроятныя и естественныя причины; изъ этой точки зрѣнія могутъ быть выводимы, и совершенно логично, только смягчающія обстоятельства для преступленій, но не оправданіе ихъ; она располагаетъ общество къ милосердію, но не къ уничтоженію своихъ уголовныхъ законовъ; она отнимаетъ у нихъ право свирѣпствовать противъ преступниковъ, отнимать у нихъ жизнь и произносить надъ ними вѣчные приговоры, но не уничтожаетъ его права охранять свое существованіе. Путь преступленія избирается, конечно, не по доброй волѣ, и не изъ обольщенія его прелестями, а вслѣдствіе стимуловъ, заключающихся въ общественномъ устройствѣ; общество должно сознавать это; но оно не можетъ сознавать и того, что и оно не виновато въ своихъ совершенствахъ, для которыхъ тоже суще-

ствуютъ самыя естественныя причины. Что дѣлать обществу съ такими естественными и расплывающимися во всѣ стороны причинами, которыми объясняется все на свѣтѣ? *Жить* и совершенствоваться, т.-е. дѣлать то, что волею или неволею суждено дѣлать всѣмъ обществамъ, вступившимъ на путь прогресса. А если прежде всего необходимо *жить*, то столько же необходимо, чтобы наша жизнь въ обществѣ была обезопасена и чтобы наши средства къ жизни находились подъ вѣрною защитою. Это самое вѣрное заключеніе, какое только можно сдѣлать изъ общей для всѣхъ насъ необходимости — *жить*. И стало-быть, воры и убійцы остаются неоправданными и съ соціальной точки зрѣнія, точно такъ же, какъ они не могутъ быть оправданы съ философской, и если и можно судить съ этихъ точекъ зрѣнія, или съ одной изъ нихъ, то для полученія совершенно другихъ выводовъ, а не того, который высказываетъ авторъ. Ронять громкія слова и бросать широкіе взгляды мимоходомъ, въ видѣ общихъ фразъ, стоитъ небольшого труда, — на это способенъ теперь самый жалкій писака. Но пусть авторъ указалъ бы кстати: какъ несовершенное общество, въ несовершенствахъ котораго заключаются, положимъ, причины преступленій нѣкоторыхъ изъ его членовъ, какъ оно должно поступать съ этими преступными своими членами, если оно будетъ считать ихъ правыми, а себя виноватымъ, и если оно, — какъ это достовѣрно извѣстно, — освободиться вдругъ отъ своихъ несовершенствъ никакимъ образомъ не можетъ, если при-томъ еще не доказано, чтобы оно могло хоть когда-нибудь освободиться отъ нихъ вполнѣ и если, наконецъ, несомнѣнно вѣрно, что причина преступленій заключается не въ однѣхъ несовершенствахъ общественнаго устройства, но вообще въ несовершенствахъ человѣческой природы и свойственныхъ ей страстяхъ? Каинъ убилъ своего брата изъ зависти, Отелло задушилъ свою Дездемону изъ ревности, Геростратъ обратилъ въ пепелъ прекраснѣйшее общественное зданіе изъ тщеславія, въ самыхъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ очень хорошо разсказана повѣсть глупѣйшаго преступленія: мужъ убилъ свою жену изъ раскаянія, что онъ слишкомъ долго обращался съ нею недостойнымъ образомъ. Стимулы всѣхъ этихъ преступленій нисколько не должны падать на общественную совѣсть, потому что всѣ эти преступленія могли быть совершены при всѣхъ извѣстныхъ и даже еще неизвѣстныхъ родахъ общественнаго устройства. Здѣсь открывается цѣлая область преступленій, въ которыхъ общество не можетъ быть признано виноватымъ ни съ какой точки зрѣнія. Но главная сторона дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что указанныя нами двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ, по мнѣнію автора, „чуть ли не придется оправдать преступника“, у нашего автора предполагаются извѣстными самимъ разбойникамъ, на которыхъ по преимуществу простираются его наблюденія; эти люди обращаются въ философскихъ и соціальныхъ мыслителей; у нихъ есть счеты и расчеты съ обществомъ; они лишаются своихъ хаотическихъ понятій, своихъ звѣрскихъ позывовъ, своего грубѣйшаго умственнаго и нравственнаго

помраченія и вмѣсто всего этого надѣляются ясными представленіями и опредѣленнымъ родомъ мыслей; ихъ грѣхи тяжкаго невѣдѣнія обращаются въ обдуманныя дѣла; словомъ, для нихъ уничтожается единственная точка зрѣнія, разсуждая съ которой, общество можетъ проникаться къ нимъ милосердіемъ и чувствовать себя обязаннымъ смягчать свои карательныя мѣры, замѣняя ихъ исправительными. Наблюдатель видѣлъ передъ собою фактъ, что эти грѣшники на его собственныхъ глазахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ оставались нераскаянными; изъ этого онъ заключилъ, что такое душевное настроеніе они поддерживаютъ въ себѣ аргументами въ пользу своей невинности. Психологія позволяетъ, однако, объяснять подобное душевное состояніе совершеннымъ отупѣніемъ нравственнаго чувства и глубиною паденія, могущаго простираться до потери всякаго сознанія о добрѣ и злѣ, — и такое оскотинѣніе, безъ сомнѣнія, служитъ въ большинствѣ случаевъ нераскаянности гораздо вѣроятнѣйшимъ объясненіемъ, чѣмъ теоретическія соображенія, предполагаемыя въ разбойникахъ, о несовершенствахъ общественнаго устройства. Но мы уже сказали, что у нашего автора гораздо важнѣе то, что онъ разсказываетъ, чѣмъ то, что онъ думаетъ, и потому, признавая вполнѣ справедливымъ замѣченный имъ фактъ относительно нераскаянности преступниковъ, мы находимъ совершенно ложнымъ приводимое имъ объясненіе этого факта. „Я сказалъ уже“, говоритъ авторъ, „что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но, вѣдь, можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было“. Но этого не могло и быть, прибавимъ мы отъ себя, и въ доказательство этихъ словъ приведемъ прекрасную характеристику этого кромѣшнаго общества, которую встрѣчаемъ у самого же автора.

„Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога... Вообще тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная... Бывали характеры рѣзко выдающіеся... Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волю, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ-будто не сами собою, какъ-будто сами не зная зачѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія,

возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные до прибытія въ острогъ бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить ужъ некого и непремѣнно старался и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать, официальное, какое-то спокойное резонерство: „Мы—погибшій народъ“, говорили они: „не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды“. — Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры“. — „Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ“. — Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта преступленіемъ, выбранить его — ругательствамъ не будетъ и конца. А какіе они были мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство было у нихъ возведено въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, — а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно, онъ былъ праздный, слѣдственно, развращался: если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе... „Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!“ говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, ссоры, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ“.

И въ этомъ аду, въ этой кромѣшной тьмѣ, въ этой безднѣ оскотинѣнія и нравственнаго индифферентизма, насъ заставляютъ отыскивать какія-то философскія и соціальныя убѣжденія для объясненія нераскаянности! И на выдумкѣ этихъ убѣжденій строятъ философію преступленія! Нѣтъ тутъ никакихъ убѣжденій, никакихъ расчетовъ съ обществомъ и никакого сознательнаго возстанія противъ него; а есть только одно нравственное одервенѣніе и привычка — до такой степени тупая, что преступленіе представляется поступкомъ не нравственно-свободнаго и размышляющаго существа, а скорѣе дѣйствіемъ автомата. Викторъ Гюго, заставившій Жанъ-Вальжана въ своемъ последнемъ романѣ обокрасть маленкаго савояра совершенно противъ воли, посредствомъ одного механическаго движенія, усвоеннаго привычкою, поступилъ какъ человѣкъ, глубоко понимающій философію

преступленій, потому что, дѣйствительно, преступленіе есть привычка, точно такая же привычка, какъ хожденіе въ должность, ремесло, нищенство и т. п. Но не всѣ Жанъ-Вальжаны встрѣчаются съ добродѣтельными епископами, отъ которыми они могли бы узнавать хотя и простую, но все-таки незнакомую для нихъ истину, что есть на свѣтѣ вещи честныя и безчестныя; самая большая часть Жанъ-Вальжановъ не имѣютъ никакой возможности возвышаться до критическаго взгляда на свои привычки; до острога для нихъ это совершенно невозможно, потому что не такова ихъ жизнь и избранныя ими занятія, чтобъ они располагали къ умозрѣніямъ; а въ самомъ острогѣ для нихъ это еще менѣе возможно и опять-таки потому, что и острожно-каторжная жизнь очень мало располагаетъ къ умозрѣніямъ. Для этого нуженъ невозмутимый досугъ, хотя бы и не очень продолжительный; какъ можно менѣе мелочныхъ дрязгъ и какъ можно больше вещей, располагающихъ къ серьезному настроенію, а главное — для всякаго умозрѣнія нужна прежде всего точка отправленія; оскотинѣвшему преступнику прежде всего нужно знать о существованіи добра и зла, чтобы сдѣлать умственныя комбинаціи о значеніи своихъ поступковъ. Но картина, изображенная авторомъ въ приведенныхъ нами строкахъ, представляетъ совершенную противоположность всѣмъ этимъ требованіямъ; двумъ стамъ звѣроподобнымъ существамъ, заключеннымъ въ одной казармѣ, такъ много случаевъ развлечь себя и уклониться отъ всякихъ расчетовъ съ нехорошими воспоминаніями, если они еще признаются за нехорошія! Въ одной кучкѣ ругаются только что изобрѣтаемыми выраженіями, въ другой лѣзутъ въ драку изъ-за негодной тряпки и ужъ дѣло доходитъ до ножей, въ третьей клейменные игроки ведутъ азартную игру въ засаленныя карты, въ четвертой развлекаются зеленымъ виномъ, пронесеннымъ въ острогъ чуть не подъ страхомъ жизни — все это картины, нисколько не располагающія къ созерцательному настроенію. Есть ли чему удивляться, что тутъ не замѣчается никакихъ признаковъ стыда и раскаянія? Скорѣе было бы удивительно, если бы здѣсь происходили случаи раскаянія, хотя бы самые рѣдкіе; такіе случаи были бы чисто феноменальныя явленія.

Изъ „Библіотеки для чтенія“ за 1862 г.

Всякая страница „Мертваго дома“ какъ теплотою лѣтняго солнца проникнута христіанскимъ чувствомъ всепрощенія, братскою любовію къ человѣку и твердымъ воспріятіемъ всѣхъ неизбѣжныхъ золъ жизни и тихою радостію простыми радостями жизни.

„Записки изъ Мертваго дома“ — не романъ, не повѣсть; это даже не хроника, наподобіе семейной хроники Аксакова, потому что въ нихъ не развиваются послѣдовательно судьбы и характеры дѣйствующихъ лицъ. Это просто дневникъ глубокомыслящаго художника,

который даетъ себѣ отчетъ столько же въ образахъ, его окружающихъ, сколько и въ смыслѣ совершающихся кругомъ явленій.

Отдѣльные портреты, иногда въ видѣ мѣткаго бѣглаго наброска, иногда отдѣланные съ живописною рельефностью, отрывочныя сцены, — вотъ область художества въ этихъ запискахъ. Общій обликъ „Мертваго дома" въ широкихъ и яркихъ чертахъ вырисовывается вамъ изъ этихъ типическихъ отрывковъ. Но художественная выразительность письма не остановила бы насъ такъ долго на себѣ, если бы все оно не было проникнуто особымъ нравственнымъ свѣтомъ, глубоко поучительнымъ именно въ этихъ условіяхъ.

Человѣкъ, съ которымъ обращаются какъ со скотомъ, человѣкъ цивилизаціи и нравственнаго идеала, насильственно обреченный страдать въ тѣсномъ общеніи съ разбойниками и убійцами, выносилъ изъ своихъ страданій не скотскій цинизмъ, не мстительное и озлобленное чувство къ обществу, не презрительное отвращеніе къ ужасной средѣ, въ которой онъ такъ долго томился, — нѣтъ, онъ выноситъ оттуда слова любви и мира, чувство братства съ тѣми несчастными, которые считаются хуже звѣрей; онъ полонъ благоговѣнія къ тайнымъ силамъ ихъ духа, къ незримому душевному добру, скрытому глубоко подъ грубою корою ихъ поступковъ. Онъ не только не считаетъ ихъ достойными презрѣнія, но смотритъ на многое въ нихъ какъ на нѣчто высшее, чего нѣтъ у насъ, чѣмъ они лучше насъ... Онъ постигъ Божію искру даже въ лютомъ звѣрѣ.

Вы скажете, что это не реализмъ, а идеализація. Но тогда прочтите сами это неподкупное изображеніе тьмы кромѣшной, гораздо болѣе страшной въ своей правдѣ, чѣмъ дѣтскія сказки Дантовскаго ада.

Авторъ „Мертваго дома" не скрываетъ ни однимъ виноградным листикомъ того голаго звѣрства души, той безконечной нравственной закоренѣлости, которыми поражали его обитатели „Мертваго дома". Онъ знаетъ, что нѣтъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаютъ себя совершенно правыми; что у нихъ самый тяжелый преступникъ головою выше другихъ; что нѣтъ хуже насмѣшки, какъ сказать про каторжника: „за одинъ фунтъ хлѣба въ острогъ пришелъ", или: „простокваши поѣлъ, за то и кнута хватилъ", что доброта, веселость, мягкость сердца считаются среди нихъ позоромъ; что воровство такъ же обыденно въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, какъ и простая рѣчь; что убійство для нихъ шутка. „Что жъ, батька, ты меня посылалъ на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ, всего-то луковицу нашелъ. Дуракъ! Луковица — анъ копѣйка, сто душъ, — сто луковицъ, вотъ те и рубль"! ходитъ обычная поговорка среди каторжныхъ.

Все это онъ знаетъ, но, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, сквозь все это онъ видитъ и другое, что не всякій бы увидѣлъ, для чего, прежде чѣмъ видѣть, нужно любить человѣка во всѣхъ его образахъ. У До-

стоевскаго вы на каждомъ шагу видите это сердечное проникание въ тончайшія складки народной психіи.

То вдругъ, когда хмельной разбойникъ начинаетъ свой циническій разсказъ объ убійствѣ ребенка „вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала, какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо было про это говорить*". То вдругъ, среди этихъ ожесточенныхъ и окаменѣлыхъ людей, проходитъ словно невзначай типъ въ родѣ стародубовскаго старика-раскольника, что цѣлую ночь молится на своей печи, по своей рукописной книжкѣ; онъ плакалъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: „Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидѣться"! или типъ мягкосердечнаго наивнаго Сироткина, который „глядитъ, какъ десятилѣтній ребенокъ", который „какъ заведутся у него деньги, не купитъ себѣ чего-нибудь необходимаго, а купитъ калачика, и скушаетъ, — точно ему семь лѣтъ отъ роду. Эхъ ты Сироткинъ! — говорятъ, бывало, ему арестанты, — сирота ты казанская"! Или, напримѣръ, „Нурра-Левъ", какъ прозвали его сами каторжники. „Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ясенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было нечестно".

Такой же, какъ Нурра, и, пожалуй, еще горячѣе и благороднѣе его, былъ дагестанецъ Алей, почти еще мальчикъ. „Вся душа его выражалась на красивомъ, можно сказать, даже прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски-простодушна; большіе черные глаза его были такъ мягки, такъ ласковы"... „Онъ былъ цѣломудренъ какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, цинически-грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ".

Авторъ былъ дворянинъ и видѣлъ, какъ глубока была ненависть къ дворянамъ остальныхъ каторжниковъ. „Они съ любовью смотрѣли на наши страданія", говоритъ онъ о нихъ. „Ненависть, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимою, отравляла всю жизнь мою ядомъ. Я часто уходилъ, безо всякой болѣзни, лежать въ госпиталь, единственно для того, чтобы не быть въ острогѣ, чтобы только избавиться отъ этой упорной, ничѣмъ несмиряемой всеобщей ненависти. *Вы желѣзные носы, вы насъ заклевали!* говорили намъ арестанты, и какъ я завидовалъ, бывало, простонародью, приходившему въ острогъ! тѣ сразу дѣлались со всѣми товарищами".

Но это нравственное страданіе не помѣшало автору признать все доброе и справедливое, что было даже въ этомъ враждебномъ отношеніи народа къ дворянству. Послушайте, напримѣръ, его характерный разсказ о Сушиловѣ. „Я не призывалъ его и не искалъ его.

Онъ какъ то самъ пришелъ ко мнѣ и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню, когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ для меня стирать... Кромѣ того, Сушиловъ самъ изобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобы мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ мою куртку въ починку, смазывалъ мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяцъ; все это дѣлалъ усердно, суетливо, какъ-будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ, совершенно связалъ свою судьбу съ моею и взялъ всѣ мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ, напримѣръ: „у васъ столько рубахъ, у васъ куртка разорвана“ и проч., а всегда: „*у насъ* теперь столько-то рубахъ, *у насъ* куртка разорвана“. Онъ такъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза и, кажется, принялъ это за главное назначеніе всей своей жизни“.

И не подумайте, чтобы со стороны Сушилова это было простое желаніе заработать у богатенькаго арестанта деньжонки за свою услугу. Оригинальность его шла гораздо дальше. Разъ Сушиловъ нуждался въ деньгахъ, и авторъ предложилъ ему ихъ. „Онъ былъ, кажется, очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ о его затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнію, уже слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще дамъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошелъ за нимъ и нашелъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову, и облокотясь на него рукой. — Сушиловъ, что съ вами? спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня, и я, къ чрезвычайному удивленію, замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать. „Вы, Александръ Петровичъ... думаете“, началъ онъ прерывающимся голосомъ и стараясь смотрѣть въ сторону, — „что я вамъ... за деньги... а я... я... Ээхъ“! Тутъ онъ обратился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ, — и какъ зарыдаетъ“!

Но если вы скажете, что это натура, которая сама ищетъ господина, то вотъ и другой примѣръ. Знаменитый убійца Петровъ, ужасъ всей каторги, характеръ самостоятельный и гордый до высшей степени, самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжниковъ, который „васъ зарѣжетъ, если ему это вздумается, такъ, просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается“, тоже привязался къ дворянину-автору и ходилъ за нимъ, какъ заботливая нянька. Онъ обворовывалъ его хладнокровно, не таясь, и въ то же время жалѣлъ его именно за это.

„Онъ мнѣ сказалъ одинъ разъ какъ-то нечаянно, что я уже „слишкомъ доброй души человѣкъ“, и „ужъ такъ вы просты, что даже жалость беретъ“. Онъ оберегаетъ каждый шагъ автора, торгуется за него, объясняетъ ему, помогаетъ. Идутъ въ баню, онъ добываетъ ему мѣсто, раздѣваетъ. „Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подъ руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ.

„Вы ихъ кверху потяните, на икры! „приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька; „а вотъ тутъ осторожнѣе, тутъ порогъ“. Мнѣ даже совѣстно было, хотѣлось увѣрить Петрова, что я одинъ умѣю пройти, но онъ этому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мною рѣшительно, какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ, которому всякій обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга. Разобидь я его, онъ бы зналъ, какъ со мною поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не обѣщалъ, да онъ и самъ не просилъ“ (стран. 120).

Если вы подумаете, что все это частные случаи, исключенiе, то вотъ вамъ и общее отношенiе къ тѣмъ же ненавидимымъ дворянамъ цѣлаго острога. На святкахъ устроился среди арестантовъ театръ.

„Теперь въ театрѣ они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенные изъ нихъ ко мнѣ желали теперь моей похвалы ихъ театру и безо всякаго самоуниженiя пустили меня на лучшее мѣсто... Въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не приниженiе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости... Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ, — и иной увидитъ въ народѣ такiя вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротивъ: сами они еще должны у него научиться“. Къ такой философiи, столь сродной съ философiею автора „Войны и мира“, приходитъ Достоевскiй не въ одномъ мѣстѣ своихъ „Записокъ“.

Великолѣпная, по своей художественной правдѣ, картина арестанскаго театра служитъ одною изъ самыхъ мѣткихъ иллюстрацiй его взглядовъ. „Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя высказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданiе. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствiя сiялъ на этихъ изборожденныхъ клейменыхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ!“

Кончается театръ. „Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ-будто счастливы, и засыпаютъ не по-всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы, кажется? А между тѣмъ это не мечта моего воображенiя; это правда, истина. Только немного позволили этимъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часъ не по-острожному, — и человѣкъ нравственно мѣняется“ (стран. 138).

Такое же человѣчное, умиротворяющее впечатлѣнiе заставляетъ васъ авторъ выносить и изъ встрѣчи арестантами праздника Рождества Господня, и изъ покупки ихъ осторожной лошади, и изъ всѣхъ отношенiй ихъ къ животнымъ каторги.

„Уваженіе къ торжественному дню переходило у арестантовъ въ какую-то форменность: немногіе гуляли, всѣ были серьезны и какъ-будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные гуляли стараясь сохранять въ себѣ какую-то важность. Смѣхъ какъ-будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хотя бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него какъ-будто за неуваженіе къ празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ съ этимъ соблюденіемъ праздника какъ-будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ стало-быть отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный“...

Мы не можемъ, въ виду объема статьи, приводить ни другихъ мѣстъ того же характера, которыя заставляютъ васъ въ безсердечномъ злодѣѣ видѣть вашего брата — человѣка; ни этой наивной сцены, гдѣ арестанты цѣлою артелью увлеченно осматриваютъ приводимыхъ къ продажѣ лошадей, веселые и польщенные тѣмъ, „что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ своего кармана, покупаютъ себѣ лошадь и имѣютъ полное право купить“; ни этого торжественнаго шествія на каторжныя работы съ острожнымъ козломъ впереди, гдѣ Васька идетъ разубранный и разукрашенный листками, цвѣтами, гирляндами, „а они идутъ за нимъ и точно гордятся передъ прохожими“; ни этого сурово-трогательнаго, мастерски нарисованнаго эпизода съ раненымъ орломъ, попавшимъ въ плѣнъ, въ которомъ каждый каторжникъ молча сочувствовалъ своей собственной горькой судьбѣ, и котораго всѣ, словно по сговору, вдругъ захотѣли выпустить на вольную степь.

— Пусть хотя околѣетъ, да не въ острогѣ; вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то“...

Орла сбросили съ вала въ степь; холодный осенній вѣтеръ свисталъ въ голой пожелтѣвшей степи. Орелъ пустился прямо, махая больными крыльями, и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его! — задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянулся! — прибавилъ другой: — Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжитъ себѣ...

— А ты думалъ, благодарить воротится?

— Знамо дѣло, воля. Волю почуялъ.

— Слобода, значитъ...

— И не видать уже, братцы!

— Чего стоять-то! Маршъ! — закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу“.

Для того, чтобы изображать такъ и такія сцены, необходима большая художественная сила; но одна эта сила тутъ недостаточна, тутъ еще болѣе необходима другая высшая сила, — сила человѣческой

любви. Подъ ея горячимъ внутреннимъ дыханіемъ все переноситъ и пересиливаетъ человѣкъ не во вредъ, а на пользу человѣчеству, и выходитъ изъ своего чистилища не полный раздраженія и вражды, а съ чувствомъ всепрощенія и мира.

Такіе леденящіе душу разсказы, какъ „Акулькинъ мужъ", такіе леденящіе душу характеры, какъ безчеловѣчный плацъ-маіоръ или арестантъ Газинъ, эти многолѣтнія неописываемыя страданія въ мозгу и сердцѣ страдальца, не убившаго въ себѣ человѣка, перевариваются только въ приговорѣ любви. „Вездѣ есть люди дурные, а между ними хорошіе; кто знаетъ? Эти люди, можетъ-быть, вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, *остальныхъ*, которые остались тамъ, за острогомъ", *спѣшитъ подумать себѣ въ утѣшеніе* авторъ, еще въ первый мѣсяцъ своего заключенія, и прибавляетъ послѣ: „Боже мой! если бы я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдива!"

Въ другомъ мѣстѣ онъ признается: „Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольно открывается наружу, и вы видите въ ней такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго, и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются"...

Даже прощаясь съ своею каторгою, окидывая послѣднимъ общимъ взглядомъ свое страдальческое прошлое и ужасныхъ сотоварищей своей неволи, авторъ находитъ въ глубинѣ своего растроганнаго духа не проклятіе и не осужденіе, а слово сочувствія и даже оправданія своего рода... „И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо уже все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ-быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего", скорбно восклицаетъ онъ на послѣдней страницѣ своего „Мертваго дома". „Но погибли даромъ могучія силы, поглибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?..."

Это голосъ истиннаго гражданина и истиннаго христіанскаго чувства. Такой голосъ слышится въ трогательныхъ романахъ Диккенса, въ всепроницающихъ драмахъ Шекспира, въ страстныхъ романтическихъ фантазіяхъ Виктора Гюго. Это голосъ безпощаднаго анализа, всеобнажающаго изслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ созиданія, а не разрушенія, голосъ сердечной помощи человѣку, а не сардоническій хохотъ надъ его бѣдствіями, надъ его безсиліемъ, надъ его глупостью... Такой голосъ отыскиваетъ вездѣ моя критика, такой голосъ привѣтствуетъ она вездѣ, такой голосъ она проповѣдуетъ...

Правда, основанная на любви, правда ради грядущаго добра и только ради его, вотъ ея содержаніе, ея девизъ.

Марковъ.

Жизненная правда и идеалистическое настроеніе „Записокъ изъ мертваго дома“.

По собственнымъ словамъ Достоевскаго, „Записки изъ мертваго дома“, были прочитаны всей Россіей и до сихъ поръ (т.-е. до 70-хъ годовъ) цѣнятся весьма высоко, хотя и порядки и обычаи, описанные въ нихъ, давно уже измѣнились въ Россіи“. Объясняется этотъ огромный успѣхъ „Записокъ изъ мертваго дома“, съ одной стороны, необыкновеннымъ реализмомъ изображенія, а съ другой — той гуманной идеей, которая вложена авторомъ въ его произведеніе. Этимъ сочетаніемъ жизненной правды съ высокимъ идеалистическимъ настроеніемъ Достоевскій выгодно отличается отъ другихъ писателей, касавшихся того же предмета: они давали или протокольно-точное, не художественное описаніе каторги и ея населенія, или же чисто-фантастическіе образы добродѣтельныхъ каторжниковъ, при помощи же этихъ образовъ предполагалось доказать нѣкоторое гуманное положеніе. У Достоевскаго нѣтъ этой дисгармоніи между идеей и образомъ, взятымъ изъ дѣйствительности, и въ этомъ заключается сила его созданія. „Всякій“, говоритъ Достоевскій, „кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальствомъ, но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то, слѣдовательно, и надо съ нимъ обращаться по-человѣчески. Боже мой! Да, человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнѣлъ образъ Божій. Съ этими-то „несчастными“ и надо обращаться наиболѣе по-человѣчески. Это спасенье и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ и благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ, и арестантъ чуть не воскресалъ нравственно. Они, какъ дѣти, радовались и, какъ дѣти, начинали любить“.

Это человѣческое отношеніе къ каторжникамъ представляется автору особенно необходимымъ потому, что передъ нимъ настойчиво выдвигается вопросъ, кто виноватъ въ томъ, что въ каторгѣ погибаетъ такъ много силъ, которыя, при правильномъ развитіи, могли бы имѣть значеніе въ общественной жизни. „И сколько въ этихъ стѣнахъ“, восклицаетъ авторъ, „погребено молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо же все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ-быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?“ Кромѣ этого гуманнаго заключенія, представляющаго собой дальнѣйшее развитіе давняго отношенія Достоевскаго къ униженнымъ и оскорбленнымъ, къ „бѣднымъ“ людямъ, въ родѣ Дѣвушкина, близкое общеніе съ народомъ на каторгѣ ока-

зало вліяніе и на выработку мессіанистическаго воззрѣнія Достоевскаго на русскій народъ, какъ надѣленный высокими нравственными идеалами, воззрѣнія, зачатки котораго мы указывали у Достоевскаго еще до его ссылки. „Высшая", говоритъ онъ, „и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки — быть впереди, во всѣхъ мѣстахъ, во что бы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кожу и посмотрѣть на самое зерно поближе, повнимательнѣе, безъ предразсудковъ, — и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу: сами они должны еще у него поучиться".

Столь идеалистическія заключенія, вынесенныя Достоевскимъ изъ его наблюденій на каторгѣ, нисколько, однако, не связываются съ какимъ-либо прикрашиваніемъ дѣйствительности, и Достоевскій уже въ самомъ началѣ своихъ „Записокъ изъ мертваго дома" даетъ общую характеристику каторжниковъ, въ которой весьма ярко видны мрачныя, отрицательныя черты этихъ людей. „Были здѣсь", говоритъ онъ, „убійцы невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находнымъ деньгамъ. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы, кажется, они могли притти сюда? А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго похмелья. Вообще о быломъ своемъ они говорили мало, не любили разсказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ, до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще, жизнь свою рѣдко кто разсказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ, развѣ изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. „Мы — народъ грамотный", говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ... Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать... Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ: даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, — былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый, и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ, какъ наружно держать себя.

Но нерѣдко самый заносчивый видъ смѣнялся съ быстротою молніи на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывные: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ въ острогѣ никто не смѣлъ возставать: всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ, какъ-будто сами не зная зачѣмъ, какъ-будто въ бреду, въ чаду, часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ величайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные до прибытія въ острогъ бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшенаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія. Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать, офиціальное, какое-то спокойное резонерство... Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, выбранить его — ругательствамъ не будетъ конца. А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался; если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей, всѣ они были другъ другу чужіе".

Приведенная общая характеристика подтверждается и описаніями отдѣльныхъ типовъ каторжнаго населенія: таковъ злой, жестокій пьяница Газинъ, таковъ доносчикъ изъ дворянъ А-въ, таковъ отцеубійца, съ шуткой вспоминающій объ отцѣ и др. Но рядомъ съ этимъ указываются въ населеніи каторги такія черты, въ которыхъ можно усмотрѣть нѣчто свѣтлое. Авторъ показываетъ, что арестанты способны свято относиться къ данному слову, разъ по отношенію къ нимъ проявляется человѣчность: самый фактъ довѣрія подымаетъ ихъ нравственно. Мы видимъ, какое увлеченіе искусствомъ обнаруживается у этихъ острожниковъ, когда начальство разрѣшаетъ имъ театральное

представленіе. Но болѣе всего свѣтлыя черты обнаруживаются подъ вліяніемъ религіи, которая всѣхъ уравниваетъ передъ Богомъ. Это особенное религіозное настроеніе прекрасно рисуется Достоевскимъ при описаніи Рождества. „Уваженіе къ торжественному дню", разсказываетъ онъ, „переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность; немногіе гуляли; всѣ были серіозны и какъ-будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные и гуляки старались сохранить въ себѣ какую-то важность... Смѣхъ какъ-будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хотя бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него, какъ будто за неуваженіе къ самому празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ-будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ, стало-быть, отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ то же, что и у людей. Они это чувствовали: это было видно и понятно". То же настроеніе изображается Достоевскимъ, когда онъ описываетъ говѣніе арестантовъ, которые „молились очень усердно, и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копейку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ. „Тоже вѣдь и я человѣкъ", можетъ-быть, думалъ онъ и чувствовалъ, подавая:— „передъ Богомъ-то всѣ равны"... Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: „но яко разбойника мя пріими" — почти всѣ повалились на землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ. Представивъ такого звѣря-человѣка, какъ Газинъ, Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома" даетъ и нѣсколько такихъ типовъ, относительно которыхъ невольно рождается вопросъ, какъ они попали на каторгу, можно ли ихъ равнять съ настоящими преступниками; это — старикъ-раскольникъ изъ стародубскихъ свободъ, по религіозному фанатизму поджегшій единовѣрческую церковь, но въ общемъ прекрасный, высоконравственный человѣкъ; это — дѣти природы, кавказскіе горцы, благородный рыцарь Нурра и кроткій Алей, рѣшительно не могущіе понять преступности своихъ дѣйствій, вполнѣ одобряемыхъ ихъ первобытною моралью; это — „несчастные" преступники, въ силу рокового стеченія обстоятельствъ — Сушиловъ, Сироткинъ и др. Будь иной судъ, оцѣнивающій мотивы дѣйствій, а не формальный, эти люди или были бы оправданы, или же подверглись бы гораздо меньшему наказанію; а теперь къ нимъ примѣняется та же кара, что и къ закоренѣлымъ злодѣямъ, и указывая на эту ненормальность, Достоевскій выдвигалъ въ своихъ „Запискахъ" впередъ одинъ изъ важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ о соотвѣтствіи между преступленіемъ и налагаемымъ за него наказаніемъ.

Бороздинъ.

Обитатели „Мертваго дома“ Достоевскаго и бурсы Помяловскаго.

Обитатели „Мертваго дома“, или проще каторжники, занимаются, какъ извѣстно, обязательными казенными работами, которыя составляютъ одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей наложеннаго на нихъ наказанія. „Самая работа“, говоритъ Достоевскій, „показалась мнѣ не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы не столько въ трудности, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная изъ-подъ палки“. Далѣе Достоевскій соображаетъ очень основательно, что эта обязательная работа сдѣлалась бы еще болѣе ужасною и даже совершенно невыносимою, если бы ей былъ приданъ характеръ совершенной полнѣйшей безполезности и безсмыслицы, т.-е, если бы, напримѣръ, арестанта заставили переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно.

Спрашивается теперь, есть ли въ жизни бурсаковъ какое-нибудь занятіе, соотвѣтствующее обязательной работѣ каторжниковъ? Каждый бывшій бурсакъ и даже каждый читатель, знакомый съ очерками Помяловскаго, отвѣтитъ не задумываясь, что всѣ учебныя занятія бурсаковъ похожи, какъ двѣ капли воды, на обязательную работу каторжниковъ, Остается только рѣшить вопросъ, на какую именно работу похожи умственные труды бурсаковъ, на ту ли, которая дѣйствительно существуетъ въ мертвомъ домѣ, или же на ту, въ которой Достоевскій справедливо видитъ ужасный и къ счастью неосуществленный идеалъ каторжной работы? Мнѣ кажется, что работа бурсаковъ подходитъ довольно близко къ послѣдней категоріи, т.-е. къ мучительному переливанію воды изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый“... Помяловскій, видѣвшій на своемъ вѣку множество самыхъ чистокровныхъ зубрилъ и отвѣдавшій самъ прелести этого занятія, рисуетъ очень яркими чертами процессъ бурсацкой каторжной работы и вліяніе этой работы на матеріальное и умственное здоровье бурсаковъ. „Ученики“, говоритъ онъ, „сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смыслу: стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... потомъ, потомъ... постигли, стигли, стигли... стыдъ и срамъ... потомъ... постигли... Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока навѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика *стыдъ* и *срамъ*. Сильно мучился воспитанникъ во время урока, такъ что ученіе здѣсь является физическимъ страданіемъ, которое выразилось въ пѣснѣ: „Сколь блаженны тѣ народы“...

По мучительности своей, ученая бурсацкая работа далеко превосходитъ работу арестантовъ, которая, по словамъ Достоевскаго, сама по себѣ нисколько не обременительна. Съ точки зрѣнія обязательности

или подневольности, работа бурсаковъ также перещеголяла работу арестантовъ. Въ первомъ томѣ своихъ „Записокъ" Достоевскій описываетъ арестантскую работу, ломаніе старой барки; „придя на рѣку, арестанты разсаживаются по бревнамъ и закуриваютъ трубки; потомъ начинаютъ разсуждать о томъ, кто догадался ломать эту барку; потомъ критикуютъ проходящихъ мужиковъ, потомъ любезничаютъ съ калашницей. Тутъ является приставъ надъ работами и приглашаетъ публику приступить; публика проситъ себѣ урока, говоритъ, что скорѣй скораго не сдѣлаешь, и начинаетъ дѣйствовать такъ вяло, что приставъ считаетъ необходимымъ плюнуть и отправиться за кондукторомъ, который исполняетъ желаніе публики и задаетъ ей урокъ". Такимъ образомъ работники нисколько не надрываются; они резонируютъ, благодушествуютъ, дѣлаютъ кейфъ, и даже торгуются насчетъ работъ съ своимъ ближайшимъ начальствомъ; положеніе этихъ работниковъ, конечно, очень тяжело и незавидно, потому что они лишены свободы и принуждены заниматься такимъ дѣломъ, которое не доставляетъ имъ ни удовольствія ни личной выгоды; но неволя арестантовъ легка въ сравненіи съ неволей бурсаковъ; надъ послѣдними контроль по работамъ несравненно строже; арестантовъ никто не подвергаетъ взысканію за то, что они балагурятъ въ рабочее время; бурсака, напротивъ того, порятъ очень аккуратно за каждый невыученный урокъ; а что значитъ выучить урокъ — это я показалъ, объясняя и анализируя процессъ зубренія. Притомъ надо замѣтить, что бурсака порятъ не гуртомъ за общую неисправность работы, а порознь за каждый невыученный урокъ; при такой раздробительной системѣ воздаянія, на долю одного бурсака можетъ приттись въ одинъ день по нѣскольку сѣченій, чего съ арестантомъ уже никакимъ образомъ случиться не можетъ, такъ какъ въ острогѣ право казнить и миловать принадлежитъ одному начальству, а въ бурсѣ это право распредѣляется между многими учителями. „Когда приходилось", говоритъ Помяловскій, „что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ же день, то одного и того же ученика сѣкли нѣсколько разъ. Такъ Карася, случалось отдирали четыре раза въ одинъ день (въ продолженіе всей училищной жизни непремѣнно разъ четыреста)". Далѣе, по своей занимательности, работа бурсака стоитъ положительно ниже ломанія барки или дѣланія кирпича, и можетъ быть поставлена на одну доску съ переливаніемъ воды изъ ушата въ ушатъ. Если мнѣ возразятъ, что бурсакъ въ этой работѣ можетъ видѣть средство добиться хорошаго аттестата и составить себѣ карьеру, то я отвѣчу, что и арестантъ, посаженный въ острогъ на извѣстное число лѣтъ, можетъ видѣть въ исправномъ переливаніи воды дорогу къ освобожденію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы арестантъ, осужденный на переливаніе воды вздумалъ заупрямиться, и отказался бы отъ своей безплодной и мучительно-скучной работы, то его стали бы наказывать, а если бы дисциплинарныя наказанія не сломили его упрямства, то его вторично отдали бы подъ судъ за дурное поведеніе, и время его заключенія увеличилось бы

въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Точно такъ же поступаютъ и съ лѣнивымъ бурсакомъ: сначала его отечески наказываютъ, а потомъ его исключаютъ, т.-е. у него отнимаютъ аттестатъ и карьеру. Стало-быть, интересъ работы одинаковъ для бурсака, зубрящаго *стыдъ и срамъ*, и для арестанта, переливающаго воду изъ ушата въ ушатъ, потому что первый за небрежное выполненіе работы лишается нѣкоторыхъ выгодъ, а второй за то же самое подвергается нѣкоторымъ невыгодамъ. Цѣль бурсака состоитъ въ томъ, чтобы доплестись всѣми правдами и неправдами до выпускного экзамена; цѣль арестанта — въ томъ, чтобы безпакостно дожить до дня освобожденія. Обѣ эти цѣли до такой степени отдаленны, что онѣ нисколько не могутъ освѣтить и украсить собою обязательную работу. Человѣкъ можетъ работать охотно и весело только тогда, когда самый процессъ работы доставляетъ ему непосредственное удовольствіе. Когда работа сама по себѣ имѣетъ какой-нибудь внутренній смыслъ, понятный для работника, тогда возможно увлеченіе работою, хотя бы даже и обязательною. Но такъ какъ затверживаніе *стыда и срама* не имѣетъ никакого внутренняго смысла и въ то же время требуетъ очень сильнаго напряженія энергіи и вниманія, то далекая перспектива аттестата и карьеры становится совершенно не дѣйствительною, и юношество подвигается впередъ по узкому и скорбному пути бурсацкой премудрости при содѣйствіи такихъ героическихъ средствъ, которыя могли бы испугать даже обитателей мертваго дома, и которыя даже въ мертвомъ домѣ оказались бы необходимыми только въ томъ немыслимомъ случаѣ, если бы начальству вздумалось пріурочить арестантовъ къ безсмысленному переливанію воды семо и овамо.

Другая сходная черта бурсы и мертваго дома состоитъ въ мизерности того содержанія, которое получаютъ обитатели этихъ двухъ одинаково воспитательныхъ или одинаково карательныхъ заведеній. Здѣсь опять пальма первенства остается за бурсою, по крайней мѣрѣ, за тою бурсою, которую описалъ Помяловскій. Что ѣдятъ бурсаки и что ѣдятъ арестанты? Качества ихъ щей, каши и такъ далѣе, мы, разумѣется, сравнивать не можемъ, потому что къ сочиненіямъ Помяловскаго и Достоевскаго не приложено въ видѣ pièces justificatives, образчиковъ этихъ деликатныхъ кушаній; оба говорятъ, что скверно, а что хуже, объ этомъ по описанію судить мудрено. Но есть одинъ осязательный пунктъ, который доказываетъ, что бурсакамъ было хуже жить, чѣмъ арестантамъ. Какъ бы ни былъ дуренъ обѣдъ, но во всякомъ случаѣ, если только хлѣба дается вволю, до-отвалу, то человѣкъ обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, противъ голода. Чѣмъ отвратительнѣе обѣдъ, тѣмъ важнѣе становится вопросъ о хлѣбѣ, который при дурномъ обѣдѣ дѣлается самою главною статьею питанія. И какъ бы вы думали? — хлѣбъ въ бурсѣ выдается счетомъ, а въ мертвомъ домѣ давалось хлѣба сколько угодно. „Большинство“, говоритъ Помяловскій, не желало дѣлиться съ нимъ (съ воспитанникомъ, оставленнымъ безъ обѣда) запаснымъ хлѣбомъ: впрочемъ и дѣлиться было не изъ чего:

утреннихъ и вечернихъ фриштиковъ въ бурсѣ не полагалось; *за обѣдомъ выдавали только по два ломтя хлѣба,* изъ которыхъ одинъ съѣдался въ столовой, другой уносился въ карманѣ про запасъ". По моему мнѣнію, эти скверные *два ломтя,* эта низкая плюшкинская скаредность, выжимающая сокъ изъ молодыхъ желудковъ, несравненно отвратительнѣе всевозможныхъ мордобитій и сѣченій *на воздусяхъ.* Мнѣ кажется даже, что эта скаредность вреднѣе жестокихъ наказаній по своимъ слѣдствіямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и нравственнымъ.

Въ мертвомъ домѣ дѣло продовольствованія велось гораздо благопристойнѣе.

„Впрочемъ", говоритъ Достоевскій, „арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало; при выдачѣ съ вѣсу треть людей была бы голодная; въ артели же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ.

Изъ разговоровъ между арестантами видно, что они питаютъ глубокое уваженіе къ своему хлѣбу. „Бирюлина корова"! говоритъ одинъ арестантъ другому — ишь отъѣлся на острожномъ *чистякѣ*". „На волѣ не умѣли жить", говорится далѣе, „рады, что здѣсь до *чистяка* добрались". *Чистякомъ,* „объясняетъ Достоевскій въ подстрочномъ примѣчаніи, „назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ примѣси." Это названіе очень выразительно. Оно показываетъ лучше всякихъ политико-экономическихъ разсужденій, какіе мы богатые люди. Хлѣбъ, испеченный изъ чистой муки, безъ примѣси разныхъ удобоваримыхъ гадостей, въ родѣ отрубей, мякины, лебеды и древесной коры, долженъ у насъ отличаться особеннымъ хвалебнымъ именемъ отъ того обыкновеннаго хлѣба, которымъ питаются сплошь и рядомъ наши рабочіе классы... Сравнивая этотъ чистякъ съ несчастными *двумя ломтями* бурсы, мы узнаемъ ту поучительную истину, что въ нашей великой и обильной странѣ даже добросовѣстная раздача хлѣба должна вызвать къ себѣ нѣкоторое уваженіе, и считаться едва ли не за патріотическій подвигъ.

Если начальство бурсы рѣшалось соблюдать мудрую экономію даже при раздачѣ простого хлѣба, то, разумѣется, съ остальными предметами первой необходимости и подавно нечего церемониться, такъ что бурсаки во всѣхъ отношеніяхъ должны были уподобляться гарнизону осажденной крѣпости или экипажу корабля, застигнутаго безвѣтріемъ въ открытомъ морѣ. Отопленіе и освѣщеніе бурсы производились съ самою примѣрною бережливостію. „Въ классѣ совершенно темно„, говоритъ Помяловскій, потому что начальство, изъ экономическаго расчета, зажигало лампу только въ часы занятій". „Начальство", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „печей не топило по недѣлѣ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, ложась подъ холодныя одѣяла, должно было покрываться своими шубами и шинелями". Обитатели мертваго дома не испытывали ни одного изъ этихъ

двухъ неудобствъ, — ни темноты ни холода. „Плацъ-майоръ или караульные“, говоритъ Достоевскій, „являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора“. *Лишними свѣчками* здѣсь называются собственныя свѣчи арестантовъ. Выше было сказано, что „каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частію, деревянный“. Но если были *лишнія* свѣчи, то, стало-быть, были и нелишнія, казенныя, которыми казарма должна была освѣщаться постоянно отъ вечерней зари до утренней.

Говоря о различныхъ непріятностяхъ осторожной жизни, Достоевскій упоминаетъ о мефитическомъ воздухѣ, о нечистотѣ, о множествѣ насѣкомыхъ, но о сырости и холодѣ не сказано ни слова. Значитъ, надо полагать, что топили хорошо. Разумѣется, на это были свои мѣстныя причины: на берегахъ Иртыша дрова несравненно дешевле, чѣмъ на берегахъ Невы. „Дрова въ городѣ“, говоритъ Достоевскій, „продавались по цѣнѣ ничтожной, и кругомъ лѣсу было множество“. Но каковы бы ни были причины, во всякомъ случаѣ, это нисколько не измѣняетъ того печальнаго факта, что бурсаки страдали отъ сырости и отъ холода, и въ этомъ отношеніи могли завидовать обитателямъ мертваго дома. Что же касается до мефитическаго воздуха, до нечистоты и до паразитовъ, то здѣсь бурса и мертвый домъ нисколько не уступаютъ другъ другу. Впрочемъ, кажется, и тутъ можно отыскать одно обстоятельство, оставляющее пальму первенства за бурсою. „Наконецъ“, говоритъ Достоевскій, описывая жизнь въ госпиталѣ, „уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ. Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ коридорѣ, всего только два шага отъ дверей“. Такъ какъ разсказчикъ попалъ въ госпиталь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія въ острогъ, то его удивленіе по поводу ушата было бы немыслимо, если бы такой же точно обычай былъ заведенъ и въ казармѣ. Удивленіе разсказчика показываетъ ясно, что въ казармѣ ночныхъ ушатовъ не было. У Помяловскаго же бурсацкія спальни описываются слѣдующимъ образомъ: „Съ дома, особенно съ деревень, привозились въ запасъ огромные бѣлые хлѣбы, масло, толокно, грибы въ сметанѣ, моченые яблоки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ; съ этими запахами мѣшались нецензурные міазмы; отъ стѣнъ, промерзавшихъ зимою въ сильные морозы насквозь, несло сыростью, сальныя свѣчи въ шандалахъ дѣлали атмосферу горькою и ѣдкою, и ко всему этому надо прибавить, что въ углу у дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какою-то жидкостью и замѣнявшій мѣсто нечистотъ. Къ такой ядовитой атмосферѣ долженъ былъ привыкать ученикъ, и повѣритъ ли кто, что большин-

ство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало, наконецъ, способность чувствовать отвращеніе къ нему". Здѣсь ушатъ составляетъ постоянное явленіе, которое уже никого не удивляетъ. Пребываніе ушата въ госпитальной палатѣ объясняется тѣмъ, что палату велѣно на ночь запирать; а запираютъ ее для того, чтобъ арестанты ночью какъ-нибудь не ухтрились убѣжать. Г. Достоевскій доказываетъ очень убѣдительно, что убѣжать нѣтъ возможности, но всякомъ случаѣ чрезмѣрная мнительность начальства, при всей своей неосновательности, до нѣкоторой степени понятна; такъ какъ побѣги дѣйствительно случаются, и случаются иногда при такой обстановкѣ, при которой ихъ, повидимому, невозможно было предположить, то, разумѣется, болѣзненная мнительность поддерживается, и начальство, которому не приходится дышать вмѣстѣ съ арестантами зараженнымъ воздухомъ, запираетъ ихъ на всю ночь вмѣстѣ съ ушатомъ, придерживаясь того правила, что лишняя предосторожность, хотя бы и совершенно безсмысленная, испортить дѣла не можетъ. Въ казарму ушата вносить не зачѣмъ, и тамъ онъ дѣйствительно не вносится. Это различіе происходитъ оттого, что находясь у себя въ острогѣ, арестантъ окруженъ со всѣхъ сторонъ самымъ бдительнымъ надзоромъ; сдѣлавшись больнымъ, арестантъ, напротивъ того, приходитъ въ общій военный госпиталь, въ которомъ только одна арестантская палата караулится такъ, какъ положено караулить острогъ. Поэтому больного арестанта лишаютъ даже той доли свободы, которая предоставлена здоровому арестанту. Здоровый можетъ ходить днемъ по всему острогу, а почью по всей своей казармѣ; больной, напротивъ того, остается почти безвыходно въ той комнатѣ, которая въ госпиталѣ служитъ представительницею острога. Все это очень тяжело, но понято. Что-же касается до ушата, украшающаго спальню бурсаковъ, то его уже невозможно объяснить никакою начальственною мнительностію и никакими глубокомысленными плацъ-майорскими соображеніями. Тутъ сіяетъ во всей своей красотѣ одно голое свинство... Если бы бурсаки вздумали просить начальство объ удаленіи ушатовъ, то можно сказать навѣрное, что просителей перепороли бы за вольнодумство. Въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, ушатъ поставленъ въ спальню начальствомъ; слѣдовательно, къ ушату надо питать глубокое уваженіе, и возставать противъ ушата — значитъ сомнѣваться въ начальственной благости и въ начальственной мудрости. Первый шагъ строптиваго юношества на этомъ гибельномъ пути отрицанія можетъ повести за собою неисчислимыя послѣдствія. Поэтому начальство непремѣнно должно отстаивать ушатъ, какъ видимое проявленіе и вещественный знакъ невещественной отеческой заботливости, предусмотрительности и распорядительности, украшающей жизнь бурсака всевозможными высокими и плодотворными наслажденіями.

О невѣроятномъ изобиліи насѣкомыхъ Достоевскій и Помяловскій сообщаютъ одинаково любопытныя свѣдѣнія. „Блохи", говоритъ Достоевскій, кишатъ миріадами. Онѣ водятся у насъ и зимою и въ весьма

достаточномъ количествѣ, но, начиная съ весны, разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но не испытавъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-таки это тяжело достается. До того, бывало, измучаютъ, что лежишь, наконецъ, словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь".

„Этихъ насѣкомыхъ (вшей), говоритъ Помяловскій, „было огромное количество въ бурсѣ. Не повѣрятъ, что одинъ ученикъ былъ почти съѣденъ ими; онъ служилъ какимъ-то огромнымъ гнѣздомъ для паразитовъ; цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженой и нечесаной головѣ; когда однажды сняли съ него рубашку и вынесли ее на снѣгъ, то снѣгъ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще неопрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ѣли тѣло бурсака". *Писаревъ.*

„Записки изъ мертваго дома" Достоевскаго и „Въ мірѣ отверженныхъ" Мельшина.

Больше тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появленіе „Записокъ изъ мертваго дома" вызвало небывалую сенсацію въ литературѣ и среди читателей. Это было своего рода откровеніе, новый міръ, казалось, раскрылся предъ изумленной интеллигенціей, міръ, совсѣмъ особенный, странный въ своей таинственности, полный ужаса, но не лишенный своеобразной обаятельности. Жизнь „Мертваго дома" и типы его населенія, какъ живые выступали подъ перомъ геніальнаго писателя, увѣковѣчившаго ихъ въ русской литературѣ. Авторъ съ подкупающей художественностью нарисовалъ картины жизни „несчастненькихъ", какъ прозвалъ народъ арестанта, и заставилъ всѣхъ почти согласиться съ собой, когда онъ въ заключеніи говоритъ: „вѣдь, надо ужъ все сказать; вѣдь, этотъ народъ необыковенный былъ народъ. Вѣдь, это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный изъ всего народа нашего". Правда, авторъ отмѣтилъ несимпатичныя черты своихъ героевъ, съ удивительной правдивостью обрисовалъ ихъ дикость, невѣжество, отсутствіе товарищескихъ чувствъ, но во всемъ оказывается виноватъ „Мертвый домъ" съ его мертвящими условіями. Даже, напротивъ, отрицательныя черты только усиливаютъ эффектъ общей красоты типа того русскаго преступника, какимъ онъ изображенъ въ „Мертвомъ домѣ".

Болѣе сильной и художественной идеализаціи арестанта и его внутренняго быта не знаетъ русская литература. Громадный талантъ автора надолго покрылъ розовымъ флеромъ „преступную душу" заставивъ всѣхъ преклониться предъ нею, потому что и для автора и

для его читателей она, дѣйствительно, выступаетъ, какъ лучшая представительница *народной* души. И зло и добро въ ней проявляются въ грандіозныхъ размѣрахъ, получаютъ особую яркость, если можно такъ выразиться — жгучесть, благодаря окружающему аду, кладущему на все особый отпечатокъ мрачнаго отчаянія, сжимающаго сердце. Кто не помнитъ, напримѣръ, поразительной сцены въ церкви, когда вся эта преступная толпа въ неудержимомъ порывѣ покаянія падаетъ на землю, гремя цѣпями, при возгласѣ священника: „но яко разбойника пріими мя“. Или описаніе тюремнаго театра, отношенія арестантовъ къ тюремнымъ животнымъ, описанія, въ которыхъ трудно усмотрѣть что-либо специфически-арестантское. Такъ оно заслонено общечеловѣческимъ. Въ этомъ и состояла, быть-можетъ, великая заслуга автора, заставившаго смотрѣть на арестанта, преступника, прежде всего какъ на человѣка.

Но вотъ прошло сорокъ лѣтъ; предъ нами снова „Міръ отверженныхъ“, и какая глубокая разница между нимъ и „Мертвымъ домомъ“! Новый авторъ, Мельшинъ, обладаетъ огромнымъ талантомъ, не столь глубокимъ, какъ у Достоевскаго, но яркимъ и сильнымъ. Его „Міръ отверженныхъ“ — безспорно художественное произведеніе, мѣстами написанное съ поразительной силой, отъ которой мы уже отвыкли въ современной художественной литературѣ. Горячій тонъ, проникающій эти страницы, придаетъ всѣмъ характеристикамъ и описаніямъ автора отпечатокъ непреложной искренности и правдивости, подъ обаяніемъ которой вы остаетесь съ начала и до конца. Рисуемые Мельшинымъ сцены, типы, картины природы отнюдь не фотографически вѣрныя изображенія, а вполнѣ художественные образы, по яркости и смѣлости мало въ чемъ уступающіе типамъ „Мертваго дома“. Они живутъ, движутся, охватываютъ васъ толпою какихъ-то безобразныхъ фантомовъ, сливаясь въ удручающій кошмаръ, и вы начинаете вполнѣ понимать смертную тоску, вырвавшую изъ груди автора невольный крикъ боли и отчаянія: „О, проклятый, безчеловѣчный міръ труда и неволи“!

Авторъ вступаетъ въ него настроенный весьма идиллически. „Помню, долгое время“, говоритъ онъ, я страшно идеализировалъ арестантовъ, ихъ артельные нравы и обычаи. Они всѣ рисовались моему воображенію какими-то Стеньками Разиными, людьми беззавѣтной удали и какого-то веселаго отчаянія... Среди маленькой кучки интеллигентовъ кандальный звонъ раздавался какъ-то жидко и прозаично; но тамъ, за парусиннымъ брезентомъ, гдѣ двигались сотни ногъ, звонъ этотъ имѣлъ въ себѣ что-то музыкальное, властное, чарующее... Цѣлые вѣка слышала этотъ звонъ матушка-Волга; въ немъ была передающаяся изъ рода въ родъ поэзія стихійная, безыскусственная... Тамъ страдаютъ безъ гнѣва, безъ жалобы и надежды, страдаютъ, что такъ и нужно, что иначе и невозможно: „не взяла моя — значитъ, меня бей, а коли я опять сорвусь, такъ ужъ вы не прогнѣвайтесь“!... Словомъ, народническая романтика, до виртуозности раз-

работавшая вышеприведенный мотивъ Достоевскаго, что „самый лучшій, самый талантливый народъ изъ народа нашего“ попадаетъ въ тюрьму, — всецѣло охватываетъ автора при его первыхъ попыткахъ знакомства съ этимъ „необыкновеннымъ“ народомъ. Но, — замѣчаетъ авторъ не безъ юмора, — „первая моя попытка подойти ближе къ этому поэтическому міру едва не стоила мнѣ, однако, — чего бы вы думали, читатель? — глаза!... Это было мое первое разочарованіе въ этихъ людяхъ, среди которыхъ предстояло мнѣ столько лѣтъ жить, первое свидѣтельство того, какой кромѣшный адъ тьмы и ненужной злости, безсмысленной жестокости представляетъ этотъ таинственный міръ, какъ онъ чуждъ мнѣ, и какъ много я долженъ буду выстрадать, живя съ ними одной жизнью“.

Не слѣдуетъ, думать, однако, что авторъ далѣе впадаетъ въ обратную крайность и, бросивъ народническіе очки съ ихъ лживо-розовымъ свѣтомъ, видитъ все лишь въ темномъ освѣщеніи. Художественное чутье, отличающее его талантъ, спасаетъ его отъ подобной крайности. Тѣмъ болѣе, что въ отношеніяхъ арестантской массы къ себѣ лично онъ, въ противоположность Достоевскому, встрѣчалъ лишь проявленія хорошихъ чувствъ, какъ результатъ извѣстнаго уваженія къ нему, „особому преступнику“, а „не мошеннику, какъ мы, всѣ прочіе“. Когда однажды сожитель по камерѣ, въ пылу раздраженія началъ укорять автора, смѣщавъ его со всѣми, вся камера возмутилась и жестоко обрушилась на ругавшаго, который и самъ „на другой день просилъ прощенія наединѣ, съ чрезвычайной наивностью умоляя нѣсколько разъ ударить его по щекѣ“. И въ аду, — говоритъ Мильтонъ, — таится извѣстное уваженіе къ добродѣтели.

Стоитъ остановиться на этой разницѣ въ личныхъ отношеніяхъ, какъ они рисуются у Достоевскаго и у Мельшина. Первый постоянно, иногда съ чувствомъ жгучей, хотя и непонятной радости, подчеркиваетъ, что сѣрая арестантская масса относилась къ нему чуть не съ ненавистью, смѣшивая его съ остальными преступниками *изъ дворянъ*. „Желѣзные носы, вы насъ заклевали“! — такими обращеніями встрѣчали его товарищи по несчастью. Онъ описываетъ многократно проявленія глупой злобы къ нему на работѣ, при попыткѣ къ сближенію, при заявленіи претензіи начальству, и, кажется, встрѣть онъ иное къ себѣ отношеніе, положимъ, какъ тотъ же Мельшинъ, ему было бы даже досадно. Въ томъ высокомѣріи, презрительности, съ которыми глядѣла на него сѣрая масса, Достоевскій видитъ даже нѣкое величіе, принижающее его въ собственныхъ глазахъ, за то возвышающее народъ. Онъ со смиреніемъ подчеркиваетъ свое одиночество среди товарищей, и хотя, по чистой совѣсти, не считаетъ себя достойнымъ такого отчужденія, тѣмъ не менѣе восторженно заявляетъ въ одномъ мѣстѣ „Записокъ“: „Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и во чтобы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ — этого въ народѣ нѣтъ.

Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно по-внимательнѣе, по-ближе, безъ предразсудковъ — и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться". Много было причинъ, обусловившихъ во времена Достоевскаго такое къ нему отношеніе арестантовъ крестьянъ — довольно и одного крѣпостного права, — но не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отвести и этому, въ основѣ своей вздорному, взгляду самого Достоевскаго на народъ. Иначе смотритъ на него Мельшинъ, иначе былъ встрѣченъ онъ и народомъ, если только примѣнимо это слово къ „Міру отверженныхъ".

Первое, что поразило автора при вступленіи въ этотъ міръ, былъ полный упадокъ прославленныхъ артельныхъ началъ. „Новый духъ, проникающій въ тюремный міръ, производилъ общее разложеніе и паденіе старинныхъ арестантскихъ обычаевъ и нравовъ. Много исчезаетъ симпатичныхъ, но еще болѣе безобразныхъ сторонъ". Грубая сила и кулакъ господствуютъ въ теченіе всего времени пути.

Описаніе этой дороги, сдѣланное Мельшинымъ, единственное въ русской литературѣ. Предъ нимъ блѣднѣетъ все, что можетъ быть извѣстно читателямъ изъ труда Максимова „Сибирь и каторга", хотя и у него этапный путь, ожидающій каждаго русскаго поселенца, достаточно ужасенъ. Путь этотъ длится нѣсколько мѣсяцевъ и совершается пѣшкомъ при любой погодѣ, и самъ по себѣ представляетъ жесточайшее наказаніе, какое могло только создаться при вѣковыхъ условіяхъ тюремнаго режима, до послѣднихъ дней существовавшаго у насъ. Авторъ надѣется, что съ проведеніемъ желѣзной дороги этотъ путь отойдетъ въ область преданій, а пока онъ все тотъ же, какъ и сто лѣтъ назадъ. Холодъ, дождь, слякоть въ дорогѣ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Ужъ какія тутъ артельныя начала, когда жизнь идетъ вотъ при какихъ условіяхъ:

„Вотъ остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этапа или полуэтапа, выстроились въ двѣ шеренги, въ ожиданіи повѣрки. Фельдфебель пересчитываетъ арестантовъ, и тотчасъ же, съ дикимъ крикомъ „ура", они летятъ въ растворенныя ворота занимать мѣста на нарахъ. Происходитъ страшная свалка и давка. Болѣе слабые падаютъ и топчутся бѣгущей толпой, получая иногда серьезныя увѣчья; болѣе дюжіе и проворные, усердно работая локтями и даже кулаками, проталкиваются впередъ и растягиваются во весь ростъ поперекъ наръ, стараясь занять какъ можно больше мѣста, успѣвая еще кинуть при этомъ халатъ, кушакъ и шапку. Такимъ образомъ случается, что подобный ловкачъ займетъ нѣсколько саженъ мѣста: разъ брошена на нары хоть маленькая веревочка, мѣсто это считается неприкосновеннымъ. Тутъ прекращается всякая борьба — таково обычное право. Непривычный и слабонервный человѣкъ не могъ бы, я думаю, испытать большаго ужаса, какъ, стоя гдѣ-нибудь въ углу корридора, въ сторонкѣ отъ дверей, ведущихъ въ общія камеры, слышать постепенно приближающійся гулъ неистовыхъ голосовъ, рева, брани и драки, бѣшеный звонъ кандаловъ, топотъ несущихся ногъ! Точно громадная орда варваровъ идетъ на приступъ, идетъ растерзать васъ, разорвать въ клочки, все разгромить и уничтожить! Вотъ все ближе и ближе...

Вотъ ворвалась, наконецъ, въ корридоры эта ужасная лавина: дикія лица, искаженныя страстью и послѣднимъ напряженіемъ силъ, сверкающіе бѣлки глазъ, сжатые кулаки, оглушительное бряцанье цѣпей, яростная брань, — все это кажется, мчится прямо на васъ... Зажмурьте глаза въ страхѣ... Но вотъ бѣшеный потокъ толпы повернулъ направо въ дверь камеры и слился въ одинъ глухой ревъ, въ которомъ ничего нельзя разобрать. За первой волной несется вторая, третья и, наконецъ, почти уже шагомъ плетутся съ проклятіями и бранью, самые отсталые, отчаявшіеся захватить мѣсто наверху и принужденные лѣзть подъ нары".

По истинѣ, картина достойная Дантовскаго ада, но это лишь путь къ нему. И такія сцены повторяются изо дня въ день на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. А что творится затѣмъ на этихъ этапахъ, гдѣ въ грязныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ, сырыхъ, холодныхъ, почти открытыхъ для всѣхъ перемѣнъ погоды, набитыхъ сотнями мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — не поддается описанію. Мельшинъ чуть-чуть только приподымаетъ завѣсу и тотчасъ задергиваетъ ее, охваченный чувствомъ жгучаго стыда, не позволяющаго даже *говорить* о томъ, что *дѣлается* на виду у всѣхъ. „Главное, о невыразимо безстыдныхъ условіяхъ, всей своей тяжестью падающихъ прежде всего, разумѣется, на женщинъ... Оставляя въ сторонѣ каторжанокъ, вспомнимъ сколько идетъ въ каторгу добровольныхъ женъ, сестеръ, матерей, дочерей... И всѣ онѣ должны жить въ тѣхъ же омерзительныхъ условіяхъ... все это должны видѣть и слушать и молодыя дѣвушки, образованныя, съ тонкимъ вкусомъ, съ нервной организаціей, чуткой и нѣжной душой... О, неужели найдется кто-нибудь, кто не пойметъ меня, кто посмѣется надъ моими словами"? — восклицаетъ авторъ, пораженный своимъ описаніемъ. На это можно отвѣтить только его же словами, которыми онъ желаетъ объяснить жестокость тюремныхъ нравовъ: „Огрубѣло у каждаго сердце, окаменѣло"...

Такъ проходятъ преступники подготовительной путь къ исправленію, ожидающему ихъ въ „Мертвомъ домѣ", и нужно обладать поразительно стойкой нравственной организаціей, чтобы не растерять въ дорогѣ послѣднія черточки человѣчности и общественности. Большинство, вступая на эту дорогу, дѣйствительно только „несчастненькими", оканчиваютъ ее ожесточенными преступниками. „Богъ! „отвѣчаетъ одинъ на замѣчаніе автора": какой Богъ? Гдѣ только мы ни были, нигдѣ не видѣли ни Бога ни дьявола". Какая безконечная масса страданій, „ни для кого не нужныхъ", должна была обрушиться на человѣка, давшаго подобный отвѣтъ! „Если бы у меня", говоритъ авторъ, „былъ какой-нибудь заклятый врагъ, и я непремѣнно долженъ былъ бы осудить его на величайшую, по моему мнѣнію, кару, я избралъ бы путешествіе въ теченіе 3—4 лѣтъ по этапамъ. Осудить на большій срокъ у меня, право, не хватило бы духу... Да! для интеллигентнаго человѣка нельзя придумать высшаго на землѣ наказанія... Когда я оглянулся на послѣдній этапъ, на это неуклюжее зданіе, одиноко торчавшее въ открытомъ полѣ, длинное, сырое, угрюмое, безучастно видѣвшее

столько поколѣній людей, изувѣченныхъ, безумныхъ людей, столько напрасныхъ мукъ, слезъ и смертей, я невольно содрогнулся“...

И сколько другихъ содрогались также, а угрюмое зданіе этапа стоитъ и теперь, какъ стояло сотни лѣтъ, и, можетъ-быть, простоитъ еще столько же. Эти потрясающія картины этапной жизни въ самомъ равнодушномъ читателѣ должны возбудить одинъ неотвязный вопросъ, неужели это все такъ необходимо, неизбѣжно, неустранимо? Вѣдь, незначительныя даже улучшенія, самыя хотя бы простыя и естественныя, въ родѣ раздѣленія арестантовъ по полу, уже облегчили бы жизнь, подняли бы самочувствіе массы, спасли бы не одну тысячу жизней отъ полнаго нравственнаго и физическаго паденія.

Пройденъ, наконецъ, и послѣдній этапъ, предъ авторомъ раскрылись молчаливыя двери каторги, гдѣ онъ вступилъ въ „міръ отверженныхъ“, сталъ его полноправнымъ членомъ... Какъ можно жить, т.-е. существовать при такихъ условіяхъ? спрашиваетъ авторъ, которому на первыхъ порахъ особенно бросились въ глаза условія жизни этого міра. Отвѣтъ, имъ найденный при ближайшемъ знакомствѣ съ товарищами, совершенно совпадаетъ съ наблюденіями Достоевскаго: надо *не думать*. „О завтрашнемъ днѣ стараются не думать. Этимъ-то свойствомъ и держится темный человѣкъ, особенно арестантъ. Не обладай онъ счастливой способностью не заглядывать въ будущее — жизнь стала бы невмоготу“.

Не всѣ, однако, счастливцы обладаютъ этой способностью, и мысль, — величайшее благо, данное человѣку, превращается въ его величайшее несчастіе въ мірѣ отверженныхъ. Среди безсмысленнаго существованія остальныхъ она выдѣляетъ своего обладателя и ставитъ его въ положеніе невыносимаго одиночества, съ которымъ не могутъ сравняться всѣ физическія мученія. Обладаніе способностью думать удваиваетъ, удесятеряетъ наказаніе для человѣка, доводя его до сумасшествія.

„...Что за странная галлюцинація? Гдѣ я? Какіе это трупы лежатъ возлѣ меня — и справа, и слѣва, и тамъ внизу, подъ ногами? Неужели я одинъ, живой среди мертвыхъ? О, радость, кто-то изъ нихъ пошевелился... Значитъ, я не одинъ живой... Да, да, припоминаю... Стоитъ мнѣ крикнуть, не совладавъ съ своимъ ужаснымъ кошмаромъ, и эти трупы вскочатъ на ноги, зазвенятъ оковами, заговорятъ, задвигаются, и улетятъ всѣ призраки ночи... Но зачѣмъ? Они вѣдь и живые мертвы для меня. Къ чему закрывать глаза на горькую правду? Я — одинъ. Одинъ, какъ челнокъ въ океанѣ, какъ былинка въ пустынѣ, одинъ, одинъ! Мнѣ нѣтъ здѣсь товарищей, какъ бы я ни жалѣлъ этихъ бѣдныхъ людей, какъ бы ни хотѣлъ перелить въ нихъ часть своего духа; нѣтъ сердца, которое билось бы въ тактъ моему сердцу, нѣтъ руки, на которую я довѣрчиво могъ бы опереться „въ минуту душевной невзгоды“. Съ кѣмъ я? Какъ попалъ я въ эту смрадную яму, надъ которой носится дыханіе разврата и преступленія? Что общаго между мною, который порывался къ свѣтлымъ небеснымъ высямъ, и міромъ низкихъ невѣждъ и корыстныхъ убійцъ? Кровь кругомъ, разбитые вдребезги черепа, перерѣзанныя горла, удавленныя шеи, прострѣленныя груди... И надо всѣмъ встаютъ тѣни погибшихъ, отыскивая своихъ убійцъ, отравляя ихъ сны черными видѣніями...“ (стр. 376—77).

Однихъ такое полное одиночество доводитъ до ненависти къ окружающимъ, какъ того товарища Достоевскаго, который на всѣ примиряющія разъясненія послѣдняго отвѣчалъ неизмѣнно одной фразой: „je haïs ces brigands (я ненавижу этихъ разбойниковъ). Натуры болѣе великодушныя ищутъ утѣшенія въ мысли такъ или иначе служить этому мрачному міру, хотя бы и безъ надежды на его подъемъ и улучшеніе. Одну изъ лучшихъ страницъ въ очеркахъ Мельшина составляетъ описаніе его каторжной школы, на почвѣ которой онъ все же хотя нѣсколько сближался съ своими отпѣтыми товарищами. Мракъ, изъ котораго они вышли и въ который были погружены на каторгѣ, словно лучемъ свѣта прорѣзывается, когда мы присутствуемъ при трагикомическихъ сценахъ ученія. Начинаешь примиряться съ самыми, повидимому, закоренѣлыми злодѣями, когда видишь, что „душа ихъ, въ сущности, то же, что трава, растущая въ полѣ, облако, плывущее въ небѣ и повинующееся дуновенію перваго вѣтра“.

Каторга оказалась поголовно безграмотной и, что замѣчательнѣе всего, лишенной какого бы то ни было знакомства съ евангельскимъ ученіемъ. „Богородицу смѣшивали съ Пресвятой Троицей, Христа съ Николаемъ угодникомъ“. Самое евангеліе не было одобрено каторгой, нашедшей, „что не для нынѣшняго народа это писано“. „Прямо въ ужасъ приводила меня эта непроглядная темнота, царившая въ большинствѣ этихъ первобытныхъ умовъ, и я часто спрашивалъ себя: неужели тамъ, „въ глубинѣ Россіи“, еще больше темноты и всякой умственной дичи? Неужели эти люди тѣ же русскіе люди, только уже затронутые лоскомъ городской культуры, просвѣщенные и развращенные ею?“ Послѣдняя оговорка звучитъ нѣсколько странно, такъ какъ самые видные герои изъ товарищей Мельшина вышли прямо изъ деревни, гдѣ, какъ оно и понятно, складываются условія для самыхъ ужасающихъ преступленій. Рядъ выводимыхъ авторомъ типовъ тѣмъ и интересенъ, что, разрушая легенду, созданную болѣзненнымъ воображеніемъ Достоевскаго о преступникѣ — лучшемъ представителѣ народной души, указываетъ на несомнѣнную, реальную причину огромнаго большинства преступленій — глубокое, трудно понимаемое интеллигентнымъ человѣкомъ невѣжество на почвѣ грубѣйшихъ матеріальныхъ лишеній.

Типы преступниковъ у Мельшина крайне разнообразны, но одна черта, общая почти всѣмъ, особенно поражаетъ его. Это ихъ нечувствительность, почти равнодушіе къ тому, что было ими сдѣлано. Его пугаетъ мысль, что чувство раскаянія въ томъ высшемъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ, чуждо этимъ примитивнымъ душамъ. Каждый, даже наименѣе испорченный изъ нихъ, оправдывалъ себя, считая виновной свою жертву, а себя безвинно пострадавшимъ. Обсуждая свои преступленія, большинство рѣшало, что будь они на мѣстѣ правительства, они немедленно бы всѣхъ выпустили на волю. И только одинъ изъ самыхъ сильныхъ и опасныхъ преступниковъ рѣшилъ вопросъ иначе. „А я, „вскочилъ и закричалъ Семеновъ, прослушавъ всѣ

мнѣнія, — я собралъ бы всѣхъ насъ въ одну тюрьму, со всего свѣта собралъ бы и запалилъ бы со всѣхъ концовъ! Изъ порченаго человѣка не выйдетъ честнаго, и волкамъ съ овцами не жить, какъ братьямъ!“ Но и этотъ Семеновъ считалъ себя правымъ передъ своими односельцами и во что бы то ни стало жаждалъ выбраться на волю, чтобы отомстить имъ.

Отсутствіе нравственнаго чувства было полное и безнадежное. Никогда автору не приходилось наблюдать того, о чемъ часто упоминаетъ Достоевскій, — нежеланія вспоминать, говорить о своихъ преступленіяхъ, потому что это „не принято“ въ ихъ своеобразномъ міркѣ. Напротивъ, разсказы о прошломъ, часто всячески пріукрашенные, до чудовищности циничные, составляли любимѣйшія темы вечернихъ собесѣдованій. Были ли эти люди тѣмъ, что принято называть преступнымъ типомъ? Авторъ не рѣшается дать такое опредѣленіе и совершенно правильно ищетъ отвѣта въ общихъ условіяхъ.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію“, говоритъ онъ, „что сорокъ лѣтъ назадъ, во времена Достоевскаго, когда Россія была „глубоко-несчастной страной, подавленной, рабски-безсудной“, когда, кромѣ крѣпостного права, существовала еще 25-лѣтняя солдатчина, и, по выраженію поэта, „ужасъ народа при словѣ *наборъ* подобенъ былъ ужасу казни“, — несомнѣнно, что въ тѣ времена въ каторгу долженъ былъ попадать огромный процентъ совершенно невинныхъ людей и еще больше осужденныхъ не въ мѣру строго. Самыя ужасныя преступленія могли совершаться въ то время людьми, вполнѣ нормальными и нравственно неиспорченными, выведенными лишь изъ границъ терпѣнія несправедливымъ и анормальнымъ строемъ самой жизни... За сорокалѣтній періодъ русское законодательство и русскій судъ такъ же, какъ и самая жизнь и нравы, сдѣлали огромные шаги впередъ по пути гуманизма и справедливости. А priori можно думать, что въ современную каторгу попадаютъ гораздо болѣе по заслугамъ, чѣмъ въ былыя времена; и что населеніе нынѣшней каторги, въ главнѣйшихъ частяхъ, представляетъ *подонки* народнаго моря, а отнюдь не самый русскій народъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что добрая половина видѣнныхъ мною арестантовъ утверждала, что пришла въ каторгу за чужой грѣхъ, и почти всѣ безъ исключенія жаловались на суровость осудившаго ихъ „шемякинскаго суда“, — при ближайшемъ ознакомленіи съ ихъ характеромъ, съ ихъ прошлымъ и тяготѣвшими надъ ними обвиненіями, мнѣ рѣдко приходилось отыскивать совершенно безъ вины осужденнаго человѣка“.

Такое суровое заключеніе не кажется несправедливымъ послѣ знакомства съ разными героями, выводимыми авторомъ. Было бы, однако, невѣрно думать, что разъ они *подонки*, то ничего лучшаго и не заслуживаютъ, какъ то, что имѣютъ. „Развѣ на днѣ моря нѣтъ перловъ?“ замѣчаетъ авторъ. „Развѣ, говоря, что сверху сосуда вода отличается лучшими качествами, утверждаютъ тѣмъ самымъ, что на днѣ она совершенно негодна для питья? И развѣ главная задача моихъ очерковъ не заключается именно въ томъ, чтобы показать, какъ обитатели и этого ужаснаго міра, эти искалѣченные, темные и порой безумные люди, подобно всѣмъ намъ, способны любить и ненавидѣть, падать и подниматься, жаждать свѣта правды, свободы и жизни и не

меньше насъ страдать отъ всего, что стоитъ преградой на пути къ человѣческому счастью?“

Вся книга автора является полнымъ осужденіемъ современной системы каторги. Безпристрастный и художественный очеркъ этой системы у Мельшина, представленной въ лицѣ начальника Лучезарова, тѣмъ и поучителенъ, что авторъ изображаетъ этого администратора не въ видѣ нравственнаго урода, какимъ былъ знаменитый майоръ Достоевскаго. Предъ нами не „фатальное существо“, доводившее арестантовъ до трепета, озлоблявшее „людей уже озлобленныхъ своими бѣшеными, злыми поступками“. Лучезаровъ Мельшина тоже не представляетъ ничего симпатичнаго, но совсѣмъ въ иномъ родѣ. Это фанатикъ формализма, буквы, показнаго порядка, при которомъ мыслимъ самый неприглядный безпорядокъ. Страхъ и дисциплина — таковы его орудія исправленія, примѣняемыя имъ безъ разбора. Самъ по себѣ, пожалуй, человѣкъ недурной, во всякомъ случаѣ не злой, онъ доходитъ въ концѣ концовъ до величайшаго безобразія, когда плоды системы оказываются совсѣмъ не таковы, какъ онъ надѣялся. „Конечно“, разсуждаетъ онъ, „исправить арестантовъ вещь хорошая. Я и самъ задаюсь этой цѣлью, но въ первый разъ слышу, чтобы на этотъ народъ могло что-нибудь другое дѣйствовать, кромѣ страха и наказаній всякаго рода... Повторяю, я по натурѣ вовсе не жестокій человѣкъ. Я держусь только во всемъ строгой законности, буквы закона, и потому не вижу иныхъ средствъ исправленія, кромѣ тѣхъ, какія указаны въ инструкціи. Современные тюремные дѣятели признаютъ одно только средство — страхъ, и я вполнѣ съ ними согласенъ“. Потерпѣвъ крушеніе, бравый капитанъ теряетъ всякую мѣру и начинаетъ „бросаться на людей“, по выраженію арестантовъ, и затѣмъ въ разговорѣ съ авторомъ откровенно сознается въ пораженіи: „Я дѣйствовалъ въ порывѣ отчаянія. Всѣ мои добрыя намѣренія терпѣли одно за другимъ крушенія, я видѣлъ кругомъ одну черную неблагодарность и низость. Самъ Богъ вышелъ бы на моемъ мѣстѣ изъ терпѣнія!“ Бѣдный капитанъ и не понимаетъ, что этимъ признаніемъ онъ уничтожаетъ всю силу системы устрашенія, а кромѣ страха, у него нѣтъ ничего въ рукахъ, и самъ онъ ничего больше не понимаетъ.

И такимъ-то людямъ, можетъ быть и добросовѣстнымъ, но болѣе чѣмъ ограниченнымъ, ввѣряется почти безконтрольное право жизни и смерти надъ тысячами уже надломленныхъ, искалѣченныхъ судьбою людей, болѣе чѣмъ кто-либо нуждающихся въ человѣчномъ и внимательномъ отношеніи. Сколько погибло ихъ, погибло зря, напрасно, среди этой ужасающей обстановки лучезаровскихъ „добрыхъ намѣреній“. А между тѣмъ, у каждаго изъ нихъ „тоже вѣдь мать была!“ — какъ выражается одинъ арестантъ у Достоевскаго, указывая на закованный трупъ своего товарища.

Правда, какъ ни тяжелы картины каторги, рисуемая Мельшинымъ, она все же неизмѣримо свѣтлѣе того, что сорокъ лѣтъ назадъ

видѣлъ Достоевскій. „Теперь остается уже блѣдная тѣнь того, что было“, говоритъ Мельшинъ, „и можно надѣяться, что и эта послѣдняя тѣнь исчезнетъ съ первыми лучами солнца“...

Вмѣстѣ съ Мельшинымъ, мы охотно раздѣляемъ эту надежду. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ исторіи русской каторги не пройдетъ безслѣдно книга г. Мельшина. *Богдановичъ.*

Общественное значеніе „Записокъ изъ мертваго дома“.

Кромѣ людей совершенно забитыхъ Достоевскій выводитъ и такихъ, въ которыхъ еще сохранилось сильнѣйшее проявленіе личности — самоотверженіе, или такихъ, которыхъ подавленіе ея доводитъ до озлобленія. Съ личностями послѣдняго рода нашему автору пришлось, наконецъ, стать лицомъ къ лицу въ „Запискахъ изъ мертваго дома“. Первое впечатлѣніе, испытанное составителемъ этихъ записокъ при поступленіи въ „мертвый домъ“, было самое тяжелое, самое безотрадное. Это множество людей, собравшихся не по доброй волѣ съ разныхъ концовъ обширной земли русской въ одно разношерстное общество, и на читателя производитъ сначала такое мрачное впечатлѣніе, что онъ готовъ повторить стихи Пушкина:

Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье...

Но, приглядываясь къ людямъ, которые его окружаютъ, составитель записокъ мало-по-малу различаетъ между ними натуры мало испорченныя или даже исполненныя самыхъ мягкихъ, самыхъ симпатическихъ качествъ. Такими чертами отличается, напримѣръ, Сушиловъ, когда-то дворовый человѣкъ, Богъ вѣсть, за что попавшій въ ссылку въ безотчетно-безправныя времена крѣпостничества, а въ самомъ ужасномъ отдѣленіи „мертваго дома“ очутившійся по наивности, заставившей его „смѣниться“ съ другимъ арестантомъ. Не менѣе сочувственнаго представляетъ и этотъ красивый мальчикъ Сироткинъ, любимецъ своей крестьянки-матери, прямо изъ-подъ ея, по крайней мѣрѣ, теплаго крова попавшій въ рекруты; не помирившись со своею новой долей, онъ попытался сперва застрѣлиться, потомъ съ отчаянія, что это не удалось, вдругъ, въ порывѣ какого-то нравственнаго опьяненія, убилъ своего командира и послѣ этого мгновеннаго взрыва

снова обратился въ кроткаго, тихенькаго ребенка. Другого рода оттѣнокъ представляетъ Акимъ Акимычъ, человѣкъ, постоянно съ величайшимъ усердіемъ исполнявшій всѣ обязанности службы, но разъ, по глупости, хватившій въ своемъ усердіи черезъ край: разстрѣлявъ мирнаго кавказскаго князька, стрѣлявшаго по русскимъ крѣпостямъ, онъ безсознательно дошелъ до жестокости, поставленной ему въ вину и самимъ начальствомъ, въ сущности же остался предобродушнымъ малымъ. А кавказецъ Нурра, котораго вина заключалась въ томъ, что, принадлежа къ числу „мирныхъ“, онъ переходилъ къ „немирнымъ“ и дѣйствовалъ противъ русскихъ! Несмотря на этотъ горькій патріотизмъ, онъ въ острогѣ предобродушно относился къ своимъ русскимъ товарищамъ, а автора записокъ привѣтствовалъ дружескимъ ударомъ по плечу, которымъ хотѣлъ, очевидно, выказать свое сердечное участіе къ „новичку“. Или тотъ милый, кроткій Алей, о которомъ говоритъ авторъ, что „никогда его не забудетъ“, — этотъ младшій братъ въ семьѣ горцевъ, напавшій вмѣстѣ со старшими на караванъ съ цѣлью грабежа, но даже не знавшій при этомъ, куда и зачѣмъ его ведутъ, а слѣдовавшій за братьями потому, что младшему, по понятіямъ горцевъ, нельзя разсуждать, когда велятъ старшіе. Самъ по себѣ Алей — мягкій, добрый юноша. Онъ зачитывается въ острогѣ евангеліемъ и съ особеннымъ наслажденіемъ думаетъ угодить христіанину тѣмъ, что говоритъ ему: „Иса былъ великій пророкъ!“ А величавая фигура старика-раскольника, сосланнаго за то, что, съ его точки зрѣнія, представляется религіознымъ подвигомъ, и свое пребываніе въ одномъ мѣстѣ съ каторжниками считающаго за спасительное мученичество! Понятна послѣ этого сила его нравственнаго вліянія на остальныхъ каторжныхъ, которые такъ ему довѣряютъ, что всѣ отдаютъ ему на храненіе свои деньги. Но, мало-по-малу вглядываясь и въ другія личности, авторъ и въ нихъ понемногу отыскиваетъ человѣческія черты. Такъ, онъ замѣчаетъ въ нихъ жажду полезной работы, работы съ цѣлью, со смысломъ, и ту готовность, съ которой они принимаются за работу такого рода и стараются окончить ее непремѣнно къ сроку, потому что это даетъ имъ возможность выказать себя съ доброй стороны. Или усердное справленіе праздниковъ, которымъ арестанты какъ бы хотятъ сказать: „вѣдь и мы тоже люди, тоже христіане!“ Или эта почти дѣтская радость, что имъ разрѣшили театръ, который даетъ возможность обнаружить свои способности и внести хотя нѣкоторое разнообразіе въ ихъ однозвучную жизнь; или то, что пожертвованные калачи дѣлятся у нихъ постоянно поровну; или мягкія отношенія каторжниковъ къ ссыльнымъ изъ иноземцевъ, чуждыя всякой исключительности и нетерпимости. Вспомнимъ, наконецъ, и сцену выпуска на волю орла съ подстрѣленнымъ крыломъ, котораго никакъ не удалось жителямъ мертваго дома сдѣлать ручнымъ и который, быть-можетъ, именно этимъ и вызываетъ ихъ особенное сочувствіе.

Нельзя, наконецъ, не привести и слѣдующаго общаго замѣчанія составителя записокъ:

„Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства, сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданья, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали...“

Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, до какой степени сколько-нибудь мягкое отношеніе начальства къ этимъ людямъ и малѣйшее выраженіе съ его стороны довѣрія къ нимъ способно укрѣплять въ нихъ человѣческія чувства. Говоря объ одномъ изъ такихъ добрыхъ начальниковъ, онъ утверждаетъ: „потеряй онъ тысячу рублей, я думаю, первый воръ изъ нашихъ, если бы нашелъ ихъ, отнесъ бы къ нему“. Зато всякое выраженіе въ родѣ: „ты знаешь, я могу съ тобой все сдѣлать“ — „я тебя въ бараній рогъ согну“ доводитъ этихъ людей до совершеннаго ожесточенія. Въ отпоръ тѣмъ, кто способенъ такъ выражаться, а равно и дѣйствовать въ соотвѣтственномъ духѣ, острожники противопоставляютъ горькую терпѣливость при самыхъ ужасныхъ наказаніяхъ. Та же особаго рода гордость не позволяетъ имъ и сознаваться въ своей преступности. Такая гордость является со стороны арестантовъ мстительнымъ отпоромъ всему обществу, изъ-за котораго ихъ, какъ грозящихъ его безопасности, засадили въ острогъ. „Большинство совсѣмъ не винило себя; врядъ ли кто изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности“. Между тѣмъ, авторъ представляетъ намъ и говѣніе арестантовъ, показываетъ, какъ они, при выходѣ священника съ чашей и произнесеніи имъ словъ: „помяни мя, яко разбойника“, всѣ вдругъ, гремя цѣпями, падаютъ на землю, съ чувствомъ несомнѣннаго, искренняго раскаянія. Откуда же вдругъ такое пробужденіе чувства виновности? Но вѣдь тутъ ихъ зовутъ словами, *одинаковыми для всѣхъ* (и съ разбойникомъ сравниваются тутъ *всѣ люди*), ихъ зовутъ къ пролившему свою кровь *за всѣхъ безъ изъятія;* тутъ, передъ этой *единой* чашей, они чувствуютъ себя дѣйствительно *равными со всѣми людьми,* тутъ и они — не отверженники родной семьи, и вотъ это-то сознаніе размягчаетъ ихъ ожесточившіяся сердца, и они готовы признать себя виноватыми, потому что тутъ оказываются виноватыми *всѣ вообще.* Въ концѣ „Записокъ изъ мертваго дома“ Достоевскій спрашиваетъ: „...И сколько силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать, вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ, вѣдь это, можетъ-быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?“

Но и съ этимъ вопросомъ опять-таки мы должны, къ сожалѣнію, обратиться ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ народамъ, такъ какъ вездѣ преступленія являются, въ большей или меньшей степени, слѣдствіемъ несовершенства порядковъ общественныхъ. Многое въ „Запискахъ изъ

мертваго дома“ отзывается собственно нашей жизнью, связано съ нашими порядками, къ счастью, отчасти теперь уже упраздненными. Отжило крѣпостное право — и цѣлый многочисленный разрядъ ссыльныхъ сдѣлался послѣ того невозможнымъ. Смягчалась военная дисциплина, и все рѣже и рѣже должны становиться преступленія, вызывавшіяся прежнею крайнею строгостью. Новый судъ положилъ конецъ тому, что такъ глубоко возмущало составителя „Записокъ изъ мертваго дома, — необращенію вниманія на побудительныя причины, исключительному принятію въ расчетъ только самаго *факта* преступленія. Право присяжныхъ — даже и признавая фактъ, оправдывать въ извѣстныхъ случаяхъ подсудимаго (право *священное*, безъ всякаго спора, хотя бы на первыхъ порахъ и могли случаться злоупотребленія), въ свою очередь положило конецъ цѣлому разряду прежнихъ каторжниковъ. Подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ преобразованій много должно явиться и другихъ подобнаго рода *изъятій и сокращеній* въ числѣ преступниковъ. Въ самомъ быту арестантовъ многое можетъ улучшиться, при введеніи той или другой новѣйшей, усовершенствованной пеницентіарной системы. Но впечатлѣніе, производимое книгой Достоевскаго, не потеряетъ основной своей силы и послѣ самыхъ рѣшительно-гуманныхъ преобразованій по тюремной части. Вчитываясь въ нее, такъ и чувствуешь, что, какъ бы даже заключеннымъ ни было хорошо въ мѣстахъ заключенія, въ нихъ все-таки будетъ оставаться извѣстная доля озлобленія противъ общества, которое, видя въ нихъ враговъ своихъ, засадило ихъ хотя бы и въ наикомфортабельнѣйшую клѣтку.

Выводъ, невольно остающійся у читателя по прочтеніи книги, — таковъ, что тюрьмы только ограждаютъ общество отъ опасныхъ членовъ, но ни при какихъ условіяхъ, сами по себѣ, не исправляютъ этихъ людей, а потому единственныя дѣйствительныя мѣры противъ преступленій — это мѣры, ихъ *предупреждающія*. Такими же мѣрами могутъ оказаться только тѣ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ привели бы и къ сокращенію числа „униженныхъ и оскорбленныхъ“; но, для подобнаго сокращенія, жизнь должна бы устроиться на такихъ, широко-понимаемыхъ, началахъ справедливости и человѣчности, какихъ еще нѣтъ нигдѣ. И когда-то они хоть гдѣ-нибудь будутъ!

Вотъ то заключеніе, которое придаетъ книгѣ Достоевскаго значеніе общечеловѣческое, и оно тѣмъ болѣе неотразимо, что авторъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшей натяжки ни малѣйшаго преувеличенія, нигдѣ не впадаетъ въ мелодраматизмъ или фальшивую идеализацію преступленія, а стремится только къ глубинѣ психическаго анализа, имъ вполнѣ и достигнутой. Это совсѣмъ не то, что мы видимъ у нѣкоторыхъ французскихъ писателей на ту же тему, у которыхъ преступники являются нерѣдко героями, а представители правосудія — какими-то мелодраматическими злодѣями. Дѣло вовсе не въ *злодѣяхъ*, а въ цѣломъ и повсемѣстномъ порядкѣ вещей, жертвою котораго оказываются цѣлые разряды преступниковъ“. У Достоевскаго эти послѣдніе, тѣмъ не менѣе, вовсе не являются образцами добродѣтели; они

у него только остаются *людьми*, они у него — *несчастные*. Взглядъ Достоевскаго на преступника — это нашъ русскій народный взглядъ, тотъ взглядъ, который заставляетъ каждаго изъ народа съ особымъ радушіемъ подавать свою трудовую копейку именно такому „несчастному“. Но взглядъ этотъ, повидимому, вынесенъ изъ ученія, столь же хорошо извѣстнаго и всему христіанскому міру; взглядъ этотъ непосредственно основывается на словахъ: „не судите, да не судимы будете“ — или: „кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый подними камень и брось въ нее“. Не мало было говорено о томъ, до какой степени слабо народъ нашъ усвоилъ себѣ столько уже вѣковъ тому назадъ доставшееся ему просвѣщеніе христіанское. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ за нимъ особенную наклонность къ одной обрядности, при несомнѣнныхъ остаткахъ привычекъ и суевѣрныхъ понятій чисто языческихъ; дѣйствительно, ненарушеніе поста нерѣдко соединяется у него съ самымъ вопіющимъ нарушеніемъ первыхъ основъ христіанской, или даже и всякой нравственности, и вовсе невыдуманными оказываются такіе случаи, что осѣняли себя крестомъ, приступая къ совершенію преступленія. Все это такъ, и никакая ложная сентиментальность въ отношеніяхъ нашихъ къ народу не должна намъ мѣшать признаваться въ этомъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя стороны христіанскаго нравственнаго ученія запали, должно-быть, уже очень давно въ глубину души нашего народа и, однажды запавъ, прочно пустили тамъ корни. Вотъ этимъ-то объясняется и тотъ мягкій, сострадательный взглядъ на преступника, который доставилъ ему у насъ, разумѣется, при вліяніи множества историческихъ обстоятельствъ, нисколько не оскорбительное названіе „несчастнаго“.

Ор. Миллеръ.

